

Южный федеральный университет
Институт социологии и регионоведения ЮФУ
Ростовский областной музей краеведения
РРОО «Нахичеванская-на-Дону армянская община»
Администрация Мясниковского района Ростовской области

**Мариэтта Сергеевна Шагинян
(1888–1982)**

**ТВОРЧЕСТВО М.С. ШАГИНЯН
И ЕЕ СОВРЕМЕННОКОВ: АКТУАЛЬНЫЙ ВЗГЛЯД**

**Материалы
X Шагиняновских чтений –
научно-практической конференции**

Ростов-на-Дону – с. Чалтырь Ростовской области,
7–8, 14 апреля 2023 года

Ростов-на-Дону – Таганрог
Издательство Южного федерального университета
2023

УДК 82(091)Шагинян.06(063)
ББК 83.3(2Рос=Рус)6 я431
Т28

Редколлегия сборника:

Матвеев Г.А. – председатель,
Белов А.В., Осипова Т.О., Самарина Н.В.,
Соколова М.Ю., Тикиджян Р.Г.

Т28 Творчество М.С. Шагинян и ее современников: актуальный взгляд : Материалы X Шагиняновских чтений (Ростов-на-Дону, с. Чалтырь Ростовской области, 7–8, 14 апреля 2023 г.) ; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону ; Таганрог : Издательство Южного федерального университета, 2023. – 199 с.
ISBN 978-5-9275-4457-8

В сборнике публикуются материалы докладов и сообщений участников юбилейных X Шагиняновских чтений, в которых подводятся итоги десятилетней работы участников «Чтений», статьи, посвященные малоизученным и не изученным аспектам творческого наследия Мариэтты Сергеевны Шагинян (1888–1982) эпохи «Серебряного века», ее взаимодействия с литературным окружением (С.В. Рахманиновым, В.Я. Брюсовым, Ф.К. Сологубом, М.А. Лохвицкой, И. Северяниным, М.И. Цветаевой, В. Терьяном и др.). В сборник включены также исследовательские работы об актуальных проблемах творчества современников М.С. Шагинян – писателей, поэтов и деятелей культуры М.А. Шолохова, А.И. Бусыгина, А.М. Листопадова, Ю.Л. Рудницкой, В.Н. Семина, Г.Ф. Шолохова-Синяевского, Н.К. Щуклина и др.

Книга предназначена для специалистов в области истории русской советской литературы прошлого столетия, аспирантов, студентов и всех тех, кто интересуется проблемами отечественной культуры XX века.

ISBN 978-5-9275-4457-8
УДК 82(091)Шагинян.06(063)
ББК 83.3(2Рос=Рус)6 я431

©Южный федеральный университет, 2023

ПРИВЕТСТВИЯ

В 2014 году по инициативе профессора Н.С. Авдулова, ученых Южного федерального университета, научных сотрудников отдела «Музей русско-армянской дружбы» ГБУК РО «Ростовский областной музей краеведения» и представителей творческой интеллигенции г. Ростова-на-Дону впервые была проведена научно-практическая конференция «Шагиняновские чтения». Организационным комитетом было принято единодушное решение о ежегодном проведении Чтений.

Уже стало правилом, что конференция проходит на двух музейных площадках. Открытие конференции и первый день ее работы традиционно проходит в «Музее русско-армянской дружбы», второе заседание – в Историко-этнографическом музее Мясниковского района Ростовской области. Исключением стал 2016 год, когда при поддержке министерства культуры Республики Крым научно-практическая конференция была проведена в пос. Коктебель на базе историко-культурного, мемориального музея-заповедника «Киммерия Волошина». Следует отметить, что кропотливая подвижническая организационная работа членов Оргкомитета Шагиняновских чтений сначала под руководством Н.С. Авдулова, а в последние годы – Г.А. Матвеева обеспечила успешную работу «Чтений».

Все эти годы при подготовке и проведении научных конференций Оргкомитет Шагиняновских чтений опирался на поддержку «Нахичеванской-на-Дону армянской общины», ее председателя правления, депутата Законодательного собрания Ростовской области А.А. Сурмаляна.

Особую признательность хочется выразить педагогам, курировавшим подготовку научных работ и участие в конференции учащихся старших классов средних образовательных учебных заведений Ростовской области. Искренне желаю всем участникам научно-практической конференции, ее организаторам дальнейшей плодотворной работы, интересных научных выводов и выработки пер-

спективных рекомендаций в деле изучения замечательного литературного наследия М.С. Шагинян.

Галина Николаевна Куликова,
директор Ростовского областного музея краеведения,
член Президиума Союза музеев России,
заслуженный работник культуры Российской Федерации

По поручению Председателя правления "Нахичеванской-на-Дону армянской общины" А.А. Сурмаляна сердечно приветствую уважаемых участников юбилейных X "Шагиняновских чтений". Сам факт проведения в течение десяти лет ежегодных "Шагиняновских чтений" – очевидное свидетельство искреннего интереса общественности нашей страны к литературному наследию выдающегося российского и советского писателя Мариэтты Сергеевны Шагинян. Десять лет назад группа энтузиастов-профессоров и преподавателей Южного федерального университета под руководством профессора Н.С. Авдулова начала проводить "Шагиняновские чтения". "Нахичеванская-на-Дону армянская община" с самого начала работы "Чтений" активно поддерживала это благородное начинание. В результате подвижнической работы членов Оргкомитета "Шагиняновских чтений" это начинание переросло в широкое Шагиняновское движение, в котором участвуют специалисты-филологи, философы, краеведы, историки, учителя и школьники не только г. Ростова-на-Дону, Ростовской области, но и ученые г. Москвы, исследователи из других городов нашей страны.

После кончины инициатора "Чтений" Н.С. Авдулова его сподвижники во главе с Германом Ароновичем Матвеевым активно и творчески продолжают работу по изучению и пропаганде литературного наследия М.С. Шагинян. Желаю участникам научной конференции плодотворной работы.

Саядов Сергей Михайлович,
кандидат исторических наук,
исполнительный директор РРОО
"Нахичеванская-на-Дону армянская община"

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

Г.А. Матвеев

ШАГИНЯНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ: ДЕСЯТЬ ЛЕТ РАБОТЫ, ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Больше десяти лет назад, в 2013 году, небольшая группа энтузиастов во главе с Николаем Степановичем Авдуловым приняла решение проводить ежегодные Шагиняновские чтения. Литературное наследие Мариэтты Сергеевны Шагинян в постсоветский период выпало из активного оборота общественной мысли, внимания массового читателя. Начиная с 1990 года, ее произведения практически перестали издаваться и переиздаваться, ее имя не упоминалось среди видных представителей русской и советской литературы.

Этот «заговор молчания» вокруг литературного наследия М.С. Шагинян объясняется конъюнктурными идеологическими и политическими причинами: писательница была автором тетралогии «Семья Ульяновых» о родословной, родителях, окружении, атмосфере, в которой рос В.И. Ленин, о его личности. Между тем, М.С. Шагинян была яркой творческой индивидуальностью в созвездии выдающихся отечественных художников слова XX в.: писатель, мыслитель, поэт, публицист, литературовед, литературный критик, мемуарист. Ее творчество сохраняет актуальность, художественную убедительность в исследовании переломной эпохи в истории нашей страны, всего мира.

Н.С. Авдулов, обладавший незаурядным гражданским темпераментом и организаторскими способностями, решил инициировать возрождение интереса к творческому наследию М.С. Шагинян, привлек в Оргкомитет Шагиняновских чтений единомышленников – историков, философов, филологов, краеведов, музейных работников. Цель, основные направления работы Шагиняновских чтений были определены так: возрождение общественного интереса к литературному наследию М.С. Шагинян, продолжение и развитие сложившейся традиции изучения ее творчества, популяризация ее литературного наследия. В соответствии с этой целью было решено привлечь к активному участию в Шагиняновских чтениях не толь-

ко ученых, исследователей, но и учителей, студентов и школьников, с тем, чтобы способствовать приобщению молодежи к творческому наследию М.С. Шагинян.

В преддверии начала работы I Шагиняновских чтений Н.С. Авдулов и Н.В. Мирзабекова подготовили и опубликовали две книги, посвященные жизни и творчеству М.С. Шагинян [1].

Первые Шагиняновские чтения были посвящены исключительно изучению произведений М.С. Шагинян [2]. III Шагиняновские чтения, которые состоялись в 2016 году, были проведены на двух площадках – в г. Ростове-на-Дону и в Крыму, в г. Коктебель, где находится дача семьи М.С. Шагинян. Участников конференции в Крыму приветствовала внучка Мариэтты Сергеевны Елена Викторовна Шагинян. Наряду с ростовскими учеными на конференции в г. Коктебель выступили крымские исследователи С.В. Клепс и И.В. Котюк, научные сотрудники музеев М.А. Волошина и Г.К. Паустовского.

Оргкомитет Шагиняновских чтений много внимания уделял и уделяет возрождению и развитию интереса молодежи, школьников к литературному наследию М.С. Шагинян и других ее современников. В ходе подготовки к III Шагиняновским чтениям в 2016 году был организован конкурс среди учащихся общеобразовательных школ Ростовской области «О жизни и литературном наследии М.С. Шагинян» в трех номинациях: доклады и сообщения, художественное чтение, живопись и рисунок. Предусматривалось, что победители конкурса выступят 1 апреля на III Шагиняновских чтениях. Эту инициативу оргкомитета поддержали администрация ростовских школ – гимназии № 14 и лицея № 13, а также руководство Отдела образования Мясниковского района Ростовской области, его заведующая Р.В. Беззян, что обеспечило массовое участие учащихся этого района в конкурсе, а затем – и в III Шагиняновских чтениях.

Позже к активному участию в Шагиняновских чтениях присоединились учащиеся школы № 27 г. Шахты Ростовской области и ростовской школы № 80 им. Героя Советского Союза Рихарда Зорге.

V, VI, VII и X Шагиняновские чтения проходили на двух площадках – в г. Ростове-на-Дону, в Музее русско-армянской дружбы и в с. Чалтырь Мясниковского района Ростовской области, в Истори-

ко-археологическом музее¹. Начиная с 2016 года, школьники участвовали во всех Шагиняновских чтениях. Всего в «Чтениях» с докладами и сообщениями, а также в номинациях «Художественное чтение» и «Живопись, рисунок» выступило более 200 школьников Ростовской области. Многие учителя школ г. Ростова-на-Дону и Мясниковского района Ростовской области не только руководили подготовкой докладов школьников на научные конференции, но и сами выступали с интересными докладами.

V Шагиняновские чтения были посвящены многочисленным произведениям М.С. Шагинян, обращенным к проблемам образования и воспитания [3]. К этой конференции был подготовлен и издан сборник работ М.С. Шагинян по этим вопросам [4]. В рамках «Чтений» по инициативе Н.С. Авдулова и поддержке украинской общины Ростовской области издана монография М.С. Шагинян «Тарас Шевченко» [5], за которую писательница была удостоена звания доктора филологических наук, и проведен «Круглый стол», посвященный обсуждению этой книги. Издание этой монографии М.С. Шагинян и ее обсуждение в условиях нараставшего в этот период конфликта с властной элитой соседнего государства, все больше поддававшейся русофобским настроениям, стало важным общественным актом, попыткой сохранить многовековые культурные связи между российским и украинским народами.

VI Шагиняновские чтения были названы «М.С. Шагинян и ее современники» [6]. Творчество М.С. Шагинян продолжало оставаться магистральным тематическим направлением научных конференций, но с этого времени на этих и следующих «Чтениях» часть докладов и сообщений была посвящена творчеству других писателей, деятелей искусства и культуры. Одним из продуктивных научных направлений стало внимание исследователей к творческому взаимодействию писателей: Зинаида Гиппиус и Дмитрий Мережковский в творческой судьбе М.С. Шагинян, Мариэтта Шагинян и Вера Панова, М.С. Шагинян и С.В. Рахманинов и др. На Шагиняновских чтениях все чаще стали обсуждаться доклады, посвященные анализу творчества не только наших замечательных земляков –

¹ В 2020-2022 гг. школьники участвовали в научных конференциях в режиме онлайн в связи с пандемией коронавируса.

М.А. Шолохова, В.А. Закруткина, А.В. Калинина, Г.Ф. Шолохова-Синявского, но и малоизвестных литераторов и деятелей культуры.

В 75-ю годовщину Победы советского народа над германским фашизмом в Великой Отечественной войне большое заинтересованное внимание исследователей и школьников привлекла тема VII Шагиняновских чтений [7], публицистика М.С. Шагинян военных лет, а также творчество писателей-фронтовиков А.Г. Твардовского, В.А. Закруткина, А.В. Калинина, М.А. Андрианова и др. Доклады исследователей, учителей, школьников, посвященные изучению «огневых» и «дальнобойных» очерков М.С. Шагинян, произведений писателей, поэтов, публицистов военных лет способствовали утверждению патриотических чувств в сознании учащихся.

Оргкомитет Шагиняновских чтений придавал особое значение публикации произведений М.С. Шагинян. Участникам первых шести «Чтений» вручались тематические сборники произведений писательницы, снабженные, как правило, аналитическими вводными статьями [8]. Эти публикации свидетельствовали об универсальном кругозоре М.С. Шагинян, широте ее интересов, о том, что она обладала даром мыслителя. Эти работы писательницы и сегодня привлекают внимание глубиной осмысления рассматриваемых проблем общественной жизни, актуальностью многих ее идей и предложений.

Особую ценность для исследователей представляет сборник статей и писем М.С. Шагинян. В нем впервые опубликована переписка писательницы с матерью Петронэ Яковлевной Шагинян, с мужем Яковом Самсоновичем Хачатрянцем, с сестрой Магдалиной Сергеевной из коллекции, переданной Еленой Викторовной Шагинян в дар Ростовскому областному музею краеведения. Значительную ценность в этом собрании представляет также подборка статей М.С. Шагинян, опубликованных во втором десятилетии XX века в одной из лучших провинциальных газет России того времени «Приазовский край». Эти статьи никогда не переиздавались и проливают свет на процесс профессионального становления и развития М.С. Шагинян как публициста, культуролога, литературного критика.

VIII Шагиняновские чтения были посвящены очень актуальной для России, для нашего региона проблематике межнациональных

отношений [9]. Г.А. Матвеев в своем докладе «Мир межнациональных отношений в воспоминаниях М.С. Шагинян «Человек и Время»», опираясь на материалы этой книги, другие ее произведения, показал, что писательница последовательно и целеустремленно после Октябрьской революции стремилась активно участвовать в становлении новых отношений между народами нашей страны – взаимного доверия, уважения, сотрудничества, опираясь на все жанры своего творчества. В своих многочисленных поездках по стране выступала как глашатай дружбы народов.

С интересом участники конференции выслушали доклад проф. Е.А. Паламарчука «Путешествие по Советской Армении». Докладчик акцентировал внимание на том, что писательница проявила особый талант и изобретательность, стремясь внести свой вклад в разрешение особенно сложной проблемы – преодоления враждебных чувств между соседними народами – армянским и азербайджанским. В докладе В.Н. Карнаухова и А. Волеговой (учителя и ученика) были проанализированы проблемы межнациональных отношений в романе «Тихий Дон». Представляется очень важным, что с докладами по этой проблематике на этих «Чтениях» выступило 16 школьников.

На IX Шагиняновских чтениях обсуждалась очень объемная тема «М.С. Шагинян и ее современники о Времени и о себе» [10]. Первые три доклада профессоров А.В. Белова, Г.А. Матвеева и Е.А. Паламарчука базировались на основе изучения книги воспоминаний М.С. Шагинян «Человек и Время. История человеческого становления» (1982 г.), которая была написана ею в конце жизненного пути. А.В. Белов в центр своего анализа этой книги поставил философскую проблему осмысления Времени писательницей, выделил принципы ее отношения ко Времени, центральный из которых – ценить время, его отпущено человеку в обрез, особенно актуальный для молодежи. Е.А. Паламарчук в докладе «М.С. Шагинян вспоминает: автопортрет на фоне эпохи» основное внимание обратил на взаимоотношения М.С. Шагинян с видными представителями русской культуры и литературы. Докладчик считает заслугой писательницы как художника то, что, посвятив значительную часть своих воспоминаний З. Гиппиус, Д. Мережковскому, В. Ходасевичу, А. Белому, С. Булгакову, Ф. Шляпину, т.е. представителям

русской культуры, которые в своем большинстве эмигрировали из страны после Октябрьской революции, тем не менее представила этих людей во плоти и крови, что шло вразрез с тогдашним официальным политическим дискурсом. Г.А. Матвеев в своем докладе основное внимание уделил характеристике воспоминаний М.С. Шагинян как замечательного литературного и исторического источника для изучения общественной жизни и культуры нашей страны в начале XX века.

Также следует выделить выступления на конференции В.В. Артеменко, Т.А. Шолоховой, посвященные анализу творчества практически забытых литераторов С.Я. Парнок, А.П. Библика.

Переходя к попыткам первичной инвентаризации исследовательских итогов десятилетней работы Шагиняновских чтений, необходимо учесть, что за те четверть века постсоветского периода, когда фактически был остановлен процесс изучения литературного наследия М.С. Шагинян, в нашей стране произошли радикальные перемены: перестало существовать Советское государство с его идеологией, возродилась российская государственность, кардинально изменились идеологические и культурные ориентиры нашего общества. В связи с этим, особую ценность приобретает процесс современного осмысления теоретического наследия М.С. Шагинян.

Следует отметить вклад профессора Н.С. Авдулова в современную трактовку таких сложнейших понятий как «русский мир», «армянский мир» в литературном наследии М.С. Шагинян с учетом тех кардинальных геополитических сдвигов на постсоветском пространстве и в мире, которые произошли в последние 30 лет [11]. Представляют также несомненный научный интерес попытки современного переосмысления «Ленинской темы» в творчестве М.С. Шагинян в докладах профессоров Н.С. Авдулова и А.В. Белова, доцента Т.О. Осиповой [12].

Также следует выделить вклад ростовских ученых в изучение различных аспектов последней книги М.С. Шагинян «Человек и Время. История человеческого становления» как замечательного литературного исторического источника для исследования переломной эпохи в истории нашей страны в начале XX в. (статьи А.В. Белова, Г.А. Матвеева, Е.А. Паламарчука) [13].

Необходимо также отметить вклад доцента Т.О. Осиповой в исследование жанрового своеобразия монографии М.С. Шагинян «Тарас Шевченко» и романа «Месс-Менд» [14]. Также заслуживает внимания современная интерпретация доцентом Н.В. Самариной повести М.С. Шагинян «Перемена» в контексте современной концепции истории гражданской войны, а также ее научный вклад в изучение ранней публицистики писательницы в газете «Приазовский край» [15]. Заслуживает внимания исследовательская статья профессора Н.И. Стопченко, посвященная русско-армянскому художественному синтезу в творчестве М.С. Шагинян [16]. Важно также отметить вклад М.Ю. Соколовой, заведующей Музеем русско-армянской дружбы, в изучение и публикацию писем М.С. Шагинян, переданных Е.В. Шагинян Ростовскому областному музею краеведения [17]. Выделяются также доклады доцента Р.Г. Тикиджяна, содержащие современную историософскую трактовку событий революции и гражданской войны в повести М.С. Шагинян «Перемена» [18].

Представляется правомерным в обзоре научно-исследовательских достижений, полученных в ходе работы Шагиняновских чтений, учесть не только результаты ученых, выступавших на наших конференциях, но и тех исследователей, которых мы вовлекли в Шагиняновское движение за возрождение интереса к литературного наследия М.С. Шагинян. В этой связи необходимо отметить значительный вклад в современную научную трактовку творчества Мариэтты Сергеевны талантливый литературовед, кандидата филологических наук, ведущего научного сотрудника Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН Б.С. Зулумян, которая выступала с докладами по шагиняновской проблематике не только на Шагиняновских чтениях, но и на международных научных конференциях. Б.С. Зулумян обосновала современную периодизацию творческого пути М.С. Шагинян, неправомерность недооценки дореволюционного этапа жизни и творчества писательницы, характерной для работ литературоведов советского периода, предложила интересную трактовку поэтических сборников М.С. Шагинян «Первые встречи» и «Orientalia» [19].

Обдумывая перспективные тематические направления дальнейшей работы Шагиняновских чтений, приходишь к выводу, что в

изучении жизни и литературного наследия М.С. Шагинян остается еще большое поле для приложения исследовательских усилий. Назрела необходимость подготовки научной библиографии публикаций произведений М.С. Шагинян и исследовательских работ, посвященных ее творческому наследию. Также ощущается потребность подготовки выверенной хроники жизни и творчества М.С. Шагинян, опирающейся на последние достижения исследовательской мысли.

Огромный массив неисследованных проблем таит в себе публицистика М.С. Шагинян. Для исследователей Юга России приоритетным направлением изучения этой проблематики остается публицистика М.С. Шагинян в газете «Приазовский край», в которой опубликованы сотни статей писательницы в 1911-1920 годы. Публицистические, культурологические, литературно-критические и искусствоведческие статьи М.С. Шагинян, напечатанные в этой газете, являются важным историческим и литературным источником для изучения культурной, литературной, социальной жизни на Юге России в начале XX в., могут послужить также незаменимым подспорьем для исследования процесса профессионального становления М.С. Шагинян как писателя, публициста и литературного критика. Также важным направлением работы Шагиняновских чтений остается литературное наследие талантливых писателей, поэтов, литературных критиков, публицистов, краеведов, работавших и работающих в Донском крае, на Юге России.

В ходе последних Шагиняновских чтений отчетливо обозначилась тенденция, свидетельствующая о том, что волны интереса к литературному наследию М.С. Шагинян, инициированные нашими научными конференциями, стали выходить далеко за пределы г. Ростова-на-Дону и Ростовской области. В них принимают участие московские ученые Б.С. Зулумян, М.В. Орлова, К.В. Янков, М.Е. Журавлева, исследователи из других городов страны. На X «Чтениях» второй раз выступала с докладом И.В. Савчук, историк, краевед из старинного русского города Старая Русса Новгородской области. Несомненным следствием десяти лет работы Шагиняновских чтений, растущего интереса к творчеству М.С. Шагинян стала организация в 2022 г. впервые за весь постсоветский период в Москве, в Музее истории российской литературы («Дом В.Я. Брюсо-

ва») выставки, посвященной жизни и творчеству М.С. Шагинян. Эти факты свидетельствуют о том, что усилия членов Оргкомитета Шагиняновских чтений, всех энтузиастов-исследователей, краеведов, преподавателей вузов, учителей школ, поддержавших наши усилия, направленные на возрождение интереса к литературному наследию М.С. Шагинян, других ее талантливых современников, не пропали даром. Творчество этого выдающегося художника слова возвращается в современный оборот общественной мысли, растет к нему интерес как в среде исследователей, так и еще большего круга современных читателей. Впереди еще много работы в этом направлении, но начало этому плодотворному процессу положено.

Литература

1. *Авдулов Н.С., Мирзабекова Н.В.* Мариэтта Шагинян. Нахичевань в жизни и творчестве. Ростов-на-Дону, 2013; Автографы. Книги из библиотеки М.С. Шагинян. Составители: Н.С. Авдулов, Н.В. Мирзабекова, Е.В. Шагинян. Ростов-на-Дону, 2014.
2. Культура в жизни и творчестве М.С. Шагинян: материалы I Шагиняновских чтений (г. Ростов-на-Дону, 3 апреля 2014 г.). Ростов-на-Дону, 2014. 140с.; Литературное наследие Мариэтты Шагинян и современность: материалы II Шагиняновских чтений (г. Ростов-на-Дону, 3 апреля 2015 г.). Ростов-на-Дону, 2015. 118с.; Проблемы дружбы и сотрудничества народов в творчестве М.С. Шагинян: материалы Всероссийской научной конференции – III Шагиняновских чтений (г. Ростов-на-Дону – 1 апреля 2016 г., г. Коктебель (Крым) – 6 апреля 2016 г.). Ростов-на-Дону, 2016. 144с.; Исторические реалии XX века в творчестве М.С. Шагинян: материалы IV Шагиняновских чтений (с. Чалтырь Мясниковского района Ростовской области, Историко-этнографический музей – 4 апреля 2017 г.; Ростов-на-Дону, Музей русско-армянской дружбы – 5 апреля 2017 г.). Ростов-на-Дону, 2017. 110с.
3. М.С. Шагинян о проблемах образования и воспитания. Материалы «Круглого стола», проведенного в рамках «Шевченковской весны» и V Шагиняновских чтений. 17 марта, 6-7 апреля 2018 г. – с. Чалтырь, г. Ростов-на-Дону, 2018. 198с.
4. *Шагинян М.С.* Проблемы образования и воспитания. г. Ростов-на-Дону, 2018. 316с.
5. *Шагинян М.С.* Тарас Шевченко. Ростов-на-Дону, 2018.

6. М.С. Шагинян и современники: материалы VI Шагиняновских чтений (5-6, 12 апреля 2019 г., г. Ростов-на-Дону – с. Чалтырь). Ростов-на-Дону, 2019. 112с.

7. Великая Отечественная война в жизни и творчестве М.С. Шагинян и ее современников: материалы VII Шагиняновских чтений – заочной региональной научно-практической конференции. Апрель-июнь 2020 г. Ростов-на-Дону, 2020. 164с.

8. М.С. Шагинян о литературе и писателях. Ростов-на-Дону, 2015. 322с.; М.С. Шагинян о дружбе и сотрудничестве народов. Ростов-на-Дону, 2016. 225с.; М.С. Шагинян. Статьи. Письма. Ростов-на-Дону, 2017. 158с.; М.С. Шагинян. Проблемы образования и воспитания. Ростов-на-Дону, 2018. 316с.; М.С. Шагинян о творчестве современников. Ростов-на-Дону, 2019. 216с.

9. Многонациональный Донской край в литературном наследии М.С. Шагинян и ее современников: материалы VIII Шагиняновских чтений. 11 мая 2021 г. Ростов-на-Дону, 2021. 230с.

10. М.С. Шагинян и ее современники о Времени и о себе: материалы IX Шагиняновских чтений. 13-14 мая 2022 г. Ростов-на-Дону, 2022. 200с.

11. *Авдулов Н.С.* Русский мир в литературном наследии М.С. Шагинян // Проблемы дружбы народов в творчестве М.С. Шагинян: материалы Всероссийской научной конференции – Третьих Шагиняновских чтений. С. 8-13; Он же. Армянский мир в творчестве М.С. Шагинян // Армяне в истории и культуре России XVIII-XX вв.: материалы Международной научной конференции. 26-28 октября 2016 г. Ростов-на-Дону, 2016. С. 324-328.

12. *Авдулов Н.С.* «Ленинская тема» в творчестве М.С. Шагинян // Литературное наследие М.С. Шагинян и современность: материалы II Шагиняновских чтений. С. 83-92; см. также доклад *Белова А.В.* «М.С. Шагинян о диалектике В.И. Ленина» на X Шагиняновских чтениях; доклад *Осиповой Т.О.* «Проблемы воспитания и образования в произведениях М.С. Шагинян о семье Ульяновых» // М.С. Шагинян о проблемах образования и воспитания. Материалы «круглого стола», проведенного в рамках Шевченковской весны и V Шагиняновских чтений. г. Ростов-на-Дону, 2018. С. 74-78.

13. *Белов А.В.* Осмысление Времени в творчестве М.С. Шагинян // М.С. Шагинян и ее современники о времени и себе: материалы IX Шагиняновских чтений. С. 6-14; *Мамзеев Г.А.* Автопортрет М.С. Шагинян (по материалам книги «Человек и Время») // Там же. С. 23-31; Он же. Образ советского прошлого в воспоминаниях М.С. Шагинян // Культура в жизни и творчестве М.С. Шагинян: материалы I Шагиняновских чтений. С. 29-34; Он же. Нравственные уроки М.С. Шагинян (по материалам книги «Человек и Время») // Исторические реалии XX века в творчестве М.С. Шаги-

нян: материалы IV Шагиняновских чтений. С. 45-51; Он же. Нахичевань-на-Дону в воспоминаниях М.С. Шагинян // М.С. Шагинян и ее современники: материалы VI Шагиняновских чтений. С. 12-17; Он же. Мир межнациональных отношений в воспоминаниях М.С. Шагинян «Человек и Время» // Многонациональный Донской край в литературном наследии М.С. Шагинян и ее современников: материалы VIII Шагиняновских чтений. С. 19-25; *Паламарчук Е.А.* Зинаида Гиппиус и Дмитрий Мережковский в творческой судьбе Мариэтты Шагинян // М.С. Шагинян и ее современники: материалы VI Шагиняновских чтений. С. 76-84.

14. *Осипова Т.О.* Монография М.С. Шагинян о Т.Г. Шевченко – научное исследование или художественная проза // М.С. Шагинян о проблемах образования и воспитания. Материалы «круглого стола», проведенного в рамках Шевченковской весны и V Шагиняновских чтений. С. 3-6; Она же. Роман «Месс-Менд, или янки в Петрограде» в контексте творчества М.С. Шагинян 1920-х годов // Исторические реалии XX века в творчестве М.С. Шагинян: материалы IV Шагиняновских чтений. С. 51-55.

15. *Самарина Н.В.* «Перемена»: исторические реалии места действия // Культура в жизни и творчестве М.С. Шагинян: материалы I Шагиняновских чтений. С. 78-88; Она же. М. Шагинян и газета «Приазовский край» // Литературное наследие Мариэтты Шагинян и современность: материалы II Шагиняновских чтений. С. 35-45; Она же. Русская культура и ее взаимодействие с культурами других народов в ранней публицистике М.С. Шагинян: материалы Всероссийской научной конференции – Третьих Шагиняновских чтений. С. 68-78; Она же. М.С. Шагинян о религиозных исканиях в России начала XX века // Исторические реалии XX века в творчестве М.С. Шагинян: материалы IV Шагиняновских чтений. С. 63-72; Она же. Женское движение и женский вопрос начала XX века на страницах газеты «Приазовский край» // М.С. Шагинян и ее современники о Времени и о себе: материалы IX Шагиняновских чтений. С. 59-73.

16. *Стопченко Н.И.* Русско-армянский художественный синтез в творчестве М.С. Шагинян // Проблемы дружбы и сотрудничества народов в творчестве М.С. Шагинян: материалы Всероссийской научной конференции – Третьих Шагиняновских чтений. С. 87-96.

17. *М.С. Шагинян.* Статьи. Письма. Составители: Н.В. Самарина, М.Ю. Соколова. Ростов-на-Дону, 2017. С. 4-8; Соколова М.Ю. Переписка С.С. Лисициан, Н.С. Лисициан с М.С. Шагинян // Литературное наследие Мариэтты Шагинян и современность: материалы II Шагиняновских чтений. С. 70-75.

18. *Шишова Н.В., Тикиджьян Р.Г.* Историсофское осмысление событий революции и гражданской войны на Юге России в произведениях М.С. Шагинян // Культура в жизни и творчестве М.С. Шагинян: материалы I

Шагиняновских чтений. С. 120-135; *Тикиджьян Р.Г.* Исторические реалии в литературно-художественных произведениях М.С. Шагинян и М.А. Шолохова: перспективы сравнительного анализа // Литературное наследие Мариэтты Шагинян и современность: материалы II Шагиняновских чтений. С. 110-114.

19. *Зудумян Б.С.* Творчество Мариэтты Шагинян: современный взгляд // Армяне в истории и культуре России XVIII-XX вв.: материалы Международной научной конференции. С. 317-323; Она же. Под знаком «духовного труда». Мариэтта Шагинян в 1908-1913 гг. // Исторические реалии XX века в творчестве М.С. Шагинян: материалы IV Шагиняновских чтений. С. 36-45; Она же. История создания сборника «Orientalia» Мариэтты Шагинян // Армяне Юга России: история, культура, общее будущее: материалы IV Международной научной конференции. Ростов-на-Дону, 2021. С. 123-130; Она же. Поэтический сборник Мариэтты Шагинян «Первые встречи» // Известия ЮФУ. Филологические науки. 2021. № 1. С. 154-170; Она же. Мариэтта Шагинян и Зинаида Гиппиус: история взаимоотношений // М.С. Шагинян и ее современники о Времени и о себе: материалы IX Шагиняновских чтений. С. 32-40.

М.Ю. Соколова

ОТРАЖЕНИЕ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА М.С. ШАГИНЯН В СОБРАНИИ ГБУК РО «РОСТОВСКИЙ ОБЛАСТНОЙ МУЗЕЙ КРАЕВЕДЕНИЯ»

Музейное пространство было и остается хранилищем исторической памяти, а комплектование фондов музея является одним из основных направлений в деятельности музея, роль которого заключается в нахождении и сборе предметов музейного значения. От уровня организации работы данного направления зависит не только возможность создания научно обоснованных, познавательных выставок, музейной экспозиции, но и сохранение тех предметов, которые можно назвать овеച്ചественной историей.

В 1950-1960 годы музейные коллекции комплектовались таким образом, чтобы отразить «все важнейшие события гражданской истории, истории классовой борьбы и революционного движения в России и в данном крае в особенности <...>, а также подтвердить во многих областях приоритет отечественной культуры, науки, техники, искусства» [1, с. 84].

Подобный подход к формированию коллекций и представлению истории в экспозиционных и выставочных проектах не устраивал многих талантливых музейщиков. Общее мнение по данному вопросу наиболее эмоционально выразила писатель Мариэтта Сергеевна Шагинян в своей статье «День в Праге», опубликованной в «Литературной газете» 4 декабря 1956 года в рубрике «Месячник чехословацко-советской дружбы»: «В нашем музейном деле, как мне, профану, часто кажется, мы дошли до крайней специализации, разделив многие слитые вещи, дышащие одним историческим дыханием, на десятки отдельных подразделений и замкнув их в отдельные музеи. А там, где мы создаем общие музеи (скажем историко-этнографические или естественнонаучные), мы заготавливаем стандарты образцов на единый лад, так что, например, повидав один музей, мы в другом увидим полное повторение предыдущего в фото, копиях документов, картах, муляжах, чучелах. И больше того – эти общие разделы совершенно съедают все то местное, свое, уникально-историческое или краеведческое, что так и хотелось бы увидеть именно в музее данного города и данного края» [2, с. 4].

Будучи широко образованным человеком, Мариэтта Сергеевна осознавала роль музеев в жизни общества. И нет ничего удивительного в том, что она согласилась передать личные документы, фотографии, книги в Ростовский областной музей краеведения.

По воспоминаниям сотрудников музея переписка с писательницей началась в конце 1950-х – в начале 1960-х годов. М.С. Шагинян подарила музею документы, книги, фотографии (семь единиц хранения). Среди первых предметов, давших возможность представлять жизнь и творчество писателя, были переданы: II-й том собрания сочинений М. Шагинян (1955 г.), брошюра «Введение в эстетику», которая была издана в Ростове-на-Дону в типографии «Ашхатанк» (1919 г.), книга «Месс-Менд» (1956 г.) с дарственной надписью: «Моим ростовским друзьям и читателям. 1958 год. Москва», три фотографии (1957-1958 гг.) и письмо с ее рассказом о семье. Большая часть письма посвящена деду писательницы Я.М. Хлытчиеву, которого она характеризует, как одного из самых прогрессивных нахичеванских армян, ссылаясь на Р. Патканяна (по

заказу Хлытчиева поэтом был создан специальный альбом, прославляющий его супругу) [3].

Более подробно об этом эпизоде из жизни своей семьи М.С. Шагинян напишет в своем произведении «Человек и Время. История человеческого становления»: «Дед Яков Матвеевич обожал свою жену, одарившую его двумя десятками детей. Как было тогда принято у богатых нахичеванцев, он заказал тогдашнему учителю, обучавшему его многочисленных дочерей, знаменитому впоследствии поэту Рафаэлю Патканяну, написать о ней хвалу. Патканян создал особый жанр семейной «эклоги» – восхваления в виде писем к другу о высоконравственной матери семейства, об ее доме-очаге, о том, как велся и управлялся ею этот дом, о прислужниках, порядках, организации, воспитании детей. Книга была напечатана в местной армянской типографии, переплетена, снабжена вкладышем с многочисленными фотографиями <...>. Книга эта хранится в ереванском Литературном музее, имеется она и в моем семейном архиве» [4, с. 23-24].

Ряд предметов, репрезентирующих ростово-нахичеванский период жизни семьи Шагинян, поступал от жителей и уроженцев городов Ростова и Нахичевани-на-Дону: Ханамировых, Чалхушьян, Григорян и многих других.

В фондах Ростовского областного музея краеведения хранится уникальный документ – «Удостоверение № 206» на имя А.Р. Ханамирова о сдаче им экзаменов в художественную школу имени Врубеля. Документ заверен подписью заведующей школой Магдалиной Сергеевны Шагинян, руководителем мастерской Акимом Карповичем Ованесовым и секретарем школы Г. Султан-Шах [5].

В 1920 году в бывшем особняке Марка Искидарова разместились классы школы им. М. Врубеля, первой на юге России советской государственной художественной школы, основателями которой были сестры Магдалина и Мариэтта Шагинян.

Магдалина Сергеевна Шагинян была директором школы, преподавала скульптуру, а Мариэтта Сергеевна читала историю искусств [6]. Как писал в своих воспоминаниях художник А.К. Ованесов: «Преподавательский состав состоял из художников: Николай Евгеньевич Лансере (архитектор), М.С. Сарьян, А.К. Ованесов, С.М. Агаджанян, Артухов (скульптор из Москвы)» [7, с. 24].

Первые уроки живописи в школе сестер Шагинян получил Левон (Леон) Генч-Оглуев – известный художник-карикатурист, архитектор Марк Владимирович Григорян.

Не забывали о своей знаменитой землячке жители города Ростова-на-Дону (в январе 1929 года город Нахичевань-на-Дону упраздняется и становится Пролетарским районом Ростова-на-Дону), передавая в музей прижизненные издания писателя. В фондах музея хранятся произведения М.С. Шагинян, напечатанные в издательстве «Аралэзы», основателем которого был преподаватель, филолог, переводчик Яков Самсонович Хачатрянц.

В фондах Ростовского областного музея краеведения хранится сборник стихов М.С. Шагинян «Orientalia», напечатанный в 1918 году в типографии «Ашхатанк» для известного общественного деятеля, юриста, автора «Красной книги» Г.Х. Чалхушьяна: «№ 10. Экземпляр Григория Христофоровича Чалхушьяна» [8].

Часть переписки известного донского журналиста, краеведа Иосифа Моисеевича Гегузина с Мариэттой Сергеевной Шагинян (1976 г.) была передана в музей его вдовой, Е.Л. Нейман [9]. В своих письмах М.С. Шагинян вспоминает о годах пребывания в Ростове и Нахичевани-на-Дону, об учебе в гимназии Л.Ф. Ржевской и настоятельно просит журналиста Гегузина развеять миф о своем рождении в городе Ростове-на-Дону.

В январе 2010 года Светлана Мелконовна Хачикян, заведующая отделом «Музей русско-армянской дружбы» Ростовского областного музея краеведения, встретила с талантливой художницей Мирель Шагинян, дочерью Мариэтты Сергеевны Шагинян. Мирель Яковлевна Шагинян, по месту своего рождения считавшая себя ростовчанкой, пополнила коллекцию музея личными вещами, фотографиями известной писательницы.

Значимым событием для Ростовского областного музея краеведения стала передача кандидатом биологических наук Еленой Викторовной Шагинян, внучкой Мариэтты Сергеевны, переписки сестер Мариэтты и Магдалины Шагинян, лично Мариэтты Сергеевны Шагинян с родными, друзьями (письма семьи Лисициан) [10], поклонниками ее таланта, издателями («Мусагет», «Парус») [11]. Всего было передано в музей 255 писем. Письма о М.С. Шагинян, информативны, логичны, эмоциональны. Пепронэ (Пепрония) Яков-

левна, мать писательницы – один из самых важных ее адресатов. Любящая дочь писала ей из Москвы, Геленджика, Тифлиса, т.е. отовсюду, где бы она ни находилась. Ранние письма в переданной коллекции датируются 1903-1905 годами, написаны во время обучения в 6-7-м классах гимназии Л.Ф. Ржевской в Москве, куда после смерти отца ее отвезла тетя, крестная Ашхен Джамгарова из Нахичевани-на-Дону. В одном из писем Мариэтта Шагинян делится своими творческими планами: «...Написала очень красивую поэму сказку, с оригинальной и прекрасной идеей и посвятила ее папе. Первый сборник стихов будет посвящен ему же» (1904).

В дар музею также были переданы книги и брошюры, изданные в 1918-1919 годах, среди них книга в невзрачном сером бумажном переплете «Повесть о двух сестрах и о волшебной стране Мэрце», опубликованная М.С. Шагинян в Ростовском-на-Дону издательстве «Детский мир» в 1919 году. Проиллюстрировал книгу художник Аким Карпович Ованесов, ученик художника К.А. Савицкого, уроженец города Нахичевани-на-Дону. На первый взгляд это издание ничем не примечательно. Но трогательная сказка о приключениях двух сестер Маши и Лены, открывших для себя волшебную страну, воспринимается иначе, если взглянуть в рисунки художника Акима Карповича Ованесова. На иллюстрациях к тексту, как и положено, изображены героини повести и их родители, но если внимательно к ним присмотреться, то в чинно сидящих за столом мужчине и женщине, родителях девочки, угадываются Сергей Давыдович и Пепрония Яковлевна Шагинян, да и юные мечтательницы, героини книги, напоминают неразлучных сестер Муху (Мариэтту) и Лину (Магдалину). В воспоминаниях художника не сохранились сведения о работе над книгой Мариэтты Сергеевны, но представляется возможным предположить, что Аким Карпович Ованесов сделал это не случайно. История семьи была известна в городе. Талант М.С. Шагинян ввел в круг ее общения известных художников, архитекторов, писателей, журналистов, ученых. Внимательное изучение ее наследия приводит к мысли, что далеко не все известно о жизни признанной писательницы.

3 апреля 2014 года в Музее русско-армянской дружбы (отдел ГБУК РО «Ростовский областной музей краеведения») на площади Свободы, 14 состоялись I-е Шагиняновские чтения. К их началу

было приурочено открытие выставки новых поступлений «Из семейного архива М.С. Шагинян».

Жизнь и творчество М.С. Шагинян нашли отражение в многочисленных выставочных проектах Ростовского областного музея краеведения и в настоящее время представлены в экспозиции Музея русско-армянской дружбы, отдела ГБУК РО «Ростовский областной музей краеведения».

Литература

1. Основы советского музееведения. М., 1955.
2. *Шагинян М.С.* День в Праге // Литературная газета. 4 декабря 1956 г., № 144 (3645).
3. Письмо М.С. Шагинян. 05.06.1958 // РОМК, КП2973/6
4. *Шагинян М.С.* Человек и Время. История человеческого становления. М., 1980.
5. Государственное бюджетное учреждение культуры Ростовской области «Ростовский областной музей краеведения», КП 4324 (далее – ГБУК РО РОМК).
6. *Рязанов В.В.* От первого приюта до наших дней. Из истории изобразительного искусства Нахичевани-на-Дону. Ростов-на-Дону, 2011.
7. Жизнь замечательных нахичеванцев. Аким Ованесов. Ростов-на-Дону, 2013.
8. ГБУК РО РОМК, КП 17423
9. ГБУК РО РОМК, КП 23126/16, КП 23126/17
10. ГБУК РО РОМК, КП 26557
11. ГБУК РО РОМК, КП26556/4

А.В. Белов

М.С. ШАГИНЯН О ДИАЛЕКТИКЕ В.И. ЛЕНИНА

К этой теме Мариэтта Сергеевна Шагинян обращалась, прежде всего, в книге «Четыре урока у В.И. Ленина» своей «Ленинианы». Она характеризовала В.И. Ленина как «великого диалектика», «гибкого», который ненавидел все застойное, а «особенно, – оставившееся, обезжизненное слово». За свою жизнь – от студенческой скамьи до последних своих произведений – В.И. Ленин сумел мастерски овладеть органической связью дара диалектического

мышления с глубиной до самозабвения и любовью к *жизни*, ее «великого корректора». Шагиняновская оценка В.И. Ленина, как полемического оратора, свидетельствовала, прежде всего, о том что, когда его выступление заканчивалось и слушатели подходили к нему, они не могли даже думать о нем самом, а только о предмете его мыслей, т.е. воспринимали лишь содержание его речи не «как» и «кто», а «что»! «Вот таким полемическим оратором был Ленин, – восклицала М.С. Шагинян, – потому что «умел он целиком отрешиться от себя самого, перелившись в предмет своего выступления, что слушателю передавались вся глубина его убеждения, все содержание его мыслей, заставляя забыть о самом ораторе» [2, с. 6].

Что же такое диалектика? *Диалектика – это учение о всеобщих законах развития природы, общества и мышления.* Разработал это учение, правда, с идеалистических позиций немецкий мыслитель Георг Вильгельм Фридрих Гегель (1770-1831) в работе «Наука логики». По структуре своей диалектика представляет собой целостную, развивающуюся, субординированную систему таких элементов как законы диалектики, философские категории и принципы, которые в своей совокупности отражают в понятиях единство, целостность реального мира в его всеобщих характеристиках. Три диалектических закона следующие:

Закон перехода количественных изменений в качественные предполагает «выпестование» в изучаемом объекте собственных свойств, совокупность которых дает нам качество и количество предмета. Нарушение меры между количеством и качеством приводит к скачку – *революционному* или *эволюционному*, а затем и к переходу объекта в новое состояние. Этим законом В.И. Ленин как диалектик владел мастерски.

Закон единства и борьбы противоположностей В.И. Ленин называл «сутью, ядром диалектики». «Прав был философ Гегель, ей-Богу, – писал В.И. Ленин в письме М. Горькому, – жизнь идет вперед противоречиями, и живые противоречия во много раз богаче, разностороннее, содержательнее, чем уму человека спервоначалу кажется» [1, т. 47, с. 219]. Обращаясь к молодым исследователям в науке или к партийным работникам в сфере политики, В.И. Ленин настаивал, что им не следует «бояться противоречий», а наоборот,

необходимо изучать и переходить от изучения от одной противоположности к другой, от единства вплоть до борьбы Я и Другого, одной партии против другой, красоты и безобразия, истины и заблуждения, добра и зла, любви и ненависти. И, заостря это ленинское «умение», М.С. Шагинян подчеркивала: «Ленин умел ненавидеть в борьбе, как это свойственно человеку. Но Ленин умел и любить, как это свойственно сердцу человеческому» [2, с. 102].

Закон отрицания отрицания направляет поисковую мысль исследователя в ту сторону, в которую стремится развитие как высшая форма движения. Отвечая на вопрос: «куда движется развитие?», В.И. Ленин указывал, что это спираль (гегелевская модель развития), которая заставляет исследователя чертить либо *прогрессивный* вид развития, либо *регрессивный*.

Также в структуру диалектики входят множество философских категорий, в основном парных, например: материя и сознание, сущность и явление, причина и следствие, необходимость и случайность, форма и содержание и т.д.

Гегель, Маркс и Энгельс разработали и применяли в теории несколько философских принципов: принципы противоречия, конкретности, объективности и всесторонности рассмотрения, принцип системности и принцип историзма. Что касается последнего, то попытаемся его применить, как это сделала М.С. Шагинян к развитию самой диалектики. Кроме того, следует ответить на такие вопросы: до какой степени сама Мариэтта Сергеевна сумела овладеть диалектикой – этим оружием постоянной полемики? А разве полемика – это не есть главный метод для оттачивания диалектической истины?

Мариэтта Сергеевна Шагинян – выпускница, еще в дореволюционное время, историко-философского факультета женских курсов Герье. Правда, ее главными учителями были вовсе не диалектики, но метафизики Георгий Иванович Челпанов (1862-1936) и Николай Дмитриевич Виноградов (1885-1980), через призму которых, – писала она, – «я привыкла видеть истины неподвижными, как звезды в ночном небе».

Первое знакомство М.С. Шагинян с трудами В.И. Ленина состоялось после публикации первого издания его сочинений еще в 1920-х гг., в бедных, светло-палевых, гнущихся под руками обложках.

«Помню, когда раскрылись передо мною эти тома, я испытала не то страх, не то разочарование: все в них мне показалось движущимся, возражающим, отвечающим на возражения – сплошь *полемическим, и только полемическим*, и, честно говоря, я не знала, как это все уляжется в моей голове, да и как за это попросту взяться». И тут «небо в звездах закружилось над моей головой, мысли в ней сталкивались, как отраженные от удара мечом, рождались от других таких ударов, и было неизвестно, существуют ли они сами по себе, вне ударов и без ударов о чужие мысли, есть ли вообще абсолютные утверждения в сплошной полемике, как их искать, где их искать, что это за метод – полемически раскрывать перед человечеством новую систему?»

В 1920-е годы, «мы все были смелее в своем мышлении, в глубоком увлечения молодежи моего возраста теорией. Красота и увлекательность теорий была огнем, пожирившим наши сердца в вузах, на рабфаках, в специальных школах, какой была, например, Плановая академия, куда я поступила, чтоб переучиваться» – писала М.С. Шагинян. Изумительная, музыкальная прелесть второго тома «Капитала» К. Маркса поглощала ее подобно наслаждению от художественных фуг И.С. Баха. «На кафедре математики читала в то время лекции профессор Яновская, а мы бегали слушать ее и пьянели от изложения математических тетрадей Маркса, где Маркс бросил мысль о «нуле», как не о нуле, потому что, если б ноль был только ноль, от него невозможен был бы переход к единице... Больно и жалко видеть, как далеки многие из современных молодых людей от этого пьянящего увлечения человеческой мыслью!» [2, с. 53].

Что же касается В.И. Ленина, то годы его первой эмиграции, а это самое начало XX века (1901-1903), были для него весьма напряженными. Как «боец передового фронта» он страстно боролся против всех уклонов российского рабочего движения, полемизируя с приверженцами стихийной практики, т.е. с «экономистами» из «Рабочего дела»; с левацкой фразой «ликвидаторов»; со всё более правящими плехановцами и с опасным дилетантизмом эсеров, бесшабашно возрождавших народничество и терроризм. Применяя в политической борьбе мощное оружие – диалектику, – он бился за точность марксистской теории. При работе над своим капитальным произведением «Что делать?», которое словно было соткано из по-

лемики «текущего момента», Владимиром Ильичем написано восемь статей «Материалов к выработке программы РСДРП», огромное количество полемических писем, ответов на письма и статей для «Искры»; две большие статьи «Аграрный вопрос и "критики Маркса"»; «Аграрная программа русской социал-демократии»; выпущена брошюра «К деревенской бедноте» и подготовлены конспекты лекций «Марксистские взгляды на аграрный вопрос в Европе и в России». Если В.И. Ленин, борясь за точность формулировок марксистской теории, не щадил пустопорожних размышлений даже своего «учителя», обладавшего для него «огромным авторитетом», Г.В. Плеханова по поводу содержания Программы молодой социал-демократической партии, то «алмазный резец» его политической диалектики под корень срезал «многословия» начинающих уже проявлять себя представителей будущего лагеря «меньшевиков» [2, с. 47].

Уже по заглавиям ленинских работ той поры можно судить, что В.И. Ленину приходилось много читать книг по аграрному вопросу, которые он заказывал в Библиотеке Британского музея. Согласно «самому достоверному свидетелю жизни Ленина», Надежде Константиновне Крупской, которая вспоминала, что Владимир Ильич не ходил «в Лондоне по музеям за исключением Британского», – и в Британский музей ходил отнюдь не для того, чтоб «смотреть собранные там драгоценные коллекции, а влекла его богатейшая в мире библиотека», которая оказывала удобства читателям для научной работы [цит. по: 2, с. 36].

А далее в книге «Четыре урока у В.И. Ленина» М.С. Шагинян позволила себе поразмышлять о роли научных библиотек в жизни Владимира Ильича: «Библиотека – это не только книга, это, прежде всего, колоссальный концентрат спрессованного Времени, как бы сопряжение тысячелетий человеческой мысли, перенесенной на пергамент, папирус, бумагу, для жизни *в постоянстве*, а не *в текущести*. Вы входите в храм Сбереженного Времени... Вы становитесь его естественной, органической частицей, потому что здесь нельзя читать без отдачи своей собственной творческой энергии для понимания и усвоения прочитанного», – настаивала Мариэтта Сергеевна. – «Читальный зал вводит читателей в творческую атмосферу сотен и тысяч других людей, читающих рядом с ними, сме-

шивая воедино их сосредоточенные дыхания и невидимые флюиды токов их мышления. Если есть гипноз общего действия толпы на улицах, в театрах, на митингах, где люди заражаются друг от друга чувствами и поступками, то незримый и тихий взаимогипноз читателей в библиотеке, отрешенных от текучести жизни, ушедших в творческое освоение чужой мудрости, которую нельзя взять, не привнеся в нее частицу себя самого, – этот взаимогипноз велик и реален...» «Ты один, сосредоточен в себе, ничто и никто не отвлекает; а в то же время, – ты в волне умственных энергий огромного числа людей, работающих с тобой рядом» [2, с. 37-38].

Чтобы понять *полемическую* диалектику, движущуюся, возражающую и отвечающую на возражения, после первоначальной «встречи» Мариэтты Сергеевны с диалектической манерой мышления В.И. Ленина в первом издании его сочинений, она, безусловно, не могла вновь не проштудировать диалогов «Федр», «Феэтет», «Федон», «Тимей» Платона, из которых человеческий дух извлек позднее стабильные истины, ибо они были первыми диалектическими «ударами меча о меч», высекающими искры?

Наряду с повторным углублением в диалектику Платона М.С. Шагинян вновь и вновь обращалась к любимой для нее гетевской поэзии, которая по ее оценке, выросла из трагической полемики человека с дьяволом Мефистофелем, запечатленной в бессмертной вершине человеческой мысли – в «Фаусте». Следует отметить, что и сам В.И. Ленин весьма ценил гетевскую поэзию. Так, уместно напомнить, что собираясь в первую эмиграцию в Европу, В.И. Ленин положил в свой чемодан томик именно «Фауста» И. Гёте, да сборник стихов Н.А. Некрасова.

И вот подкрепив свое мировоззрение новым прочтением диалогов Платона и вечной своей любовью к идеям диалектически мыслящего И. Гёте, М.С. Шагинян стала вчитываться в первое издание сочинений В.И. Ленина, с каждой страницы подбирая искорки от ударов его меча, выписывая их для памяти. И только «многие годы спустя научилась понимать звезды-искорки в их глубокой связи с целым – со всем, что писал Ильич», – признавалась она.

Могут спросить: как можно И. Гёте и В.И. Ленина ставить в одну плоскость? Если В.И. Ленин был величайшим революционером нашей эпохи, то И. Гёте вошел в анналы истории литературы как

«консерватор». Такую общепринятую оценку М.С. Шагинян считала верной, но лишь отчасти, ссылаясь на высказывания В.И. Ленина, который не раз требовал уважительного отношения к прошлой культуре, освоения всего лучшего в ней, сбережения ее, – и не только от молодежи, кто сел за школьную парту учиться, а и от старых учителей, тех, кто будет учить новое поколение, – и, к сожалению, слова его об учителях цитируются куда реже, чем речь комсомолу. Вот что сказал, например, Владимир Ильич на совещании политпросветов 3 ноября 1920 года: «...цель политической культуры, политического образования – воспитать истых коммунистов, способных победить ложь, предрассудки... и вести дело строительства государства без капиталистов, без эксплуататоров, без помещиков. А как это можно сделать? Это возможно, только овладев всей суммой знаний, которую унаследовали учителя от буржуазии. Все технические завоевания коммунизма были бы без этого невозможными, и была бы пуста всякая мечта об этом». Пусть будут эти старые учителя «пропитаны недостатками капиталистической культуры», но все равно их надо «брать... в ряды работников просветительной политической работы, так как эти учителя обладают знаниями, без которых мы не можем добиться своей цели» [1, т. 41, с. 404-405].

Что же касается образа мыслей И. Гёте, то, по согласно М.С. Шагинян, «он стоял на хребте двух эпох, когда средневековое, феодальное мышление еще не исчезло, и оно начинало перерождаться в кабинетную, абстрактную мысль идеалистической философии Нового времени. А Гёте – вот в чем величие созданного им – стал на переломе этих двух эпох как бы маяком для эпохи будущего, ясным, трезвым, глубоким материалистом-диалектиком. Недаром его наследие дало огромный цитатный материал для Гегеля, Маркса, Энгельса и даже Ленина. Так, в статье, озаглавленный «К вопросу о диалектике» своих «Философских тетрадей», В.И. Ленин, суммируя мысли Г. Гегеля о соотношении единичного и всеобщего, вывел формулу: «...отдельное не существует иначе как в той связи, которая ведет к общему. Общее существует лишь в отдельном, через отдельное. Всякое отдельное есть (так или иначе) общее. Всякое общее есть (частичка или сторона или сущность) отдельно» [1, т. 29, с. 318]. А попадись ему в ту пору девятнадцатый томик

стихов сочинений И. Гёте, то он вполне бы выписал из него поэтические строчки:

Что есть общее?

– Единичный случай.

А что есть отдельное?

– Миллионы случаев [Гёте, т. 19, с. 195].

И это касается не только проблемы всеобщего, но проблем труда, деятельности. М.С. Шагинян цитировала мудрейшего немецкого поэта И. Гёте, который не раз настаивал: «начни действовать и ты сразу поймешь, что в тебе есть, на что ты годен». В ленинских работах (и, кстати, не единожды) она встречала «в точности ту же мысль, которую подарил человечеству великий Гёте» [2, с. 75].

Во вторую эмиграцию, В.И. Ленин еще больше «пристрастился» к «Библиотеке Британского музея с прекрасно налаженной техникой обслуживания», полюбил ее настолько, что, как свидетельствовала М.С. Шагинян, «попросту «сбежал» из Женевы в Лондон (в 1908 году), чтоб свыше месяца изучать там книги по философии для написания своего «Материализма и эмпириокритицизма» [2, с. 43]. Не мудрено тут в заключении вспомнить раздел «Критерий практики в теории познания» этой ленинской работы, в котором В.И. Ленин объявлял практику критерием теории и громил идеалистов за отделение теории от практики; постоянно призывал *практикой проверять теорию!* Но эта идея поначалу была вовсе и не марксистско-ленинской, а гётевской. И. Гёте говорил об этом множество раз: «Моим пробным камнем для всякой теории остается практика» и неоднократно к этому возвращался, как бы подчеркивая повторением важность и неизменность данной мысли.

В одной из последних своих работ «Лучше меньше, да лучше» В.И. Ленин писал, что наблюдает в советских, еще хаотических и не нашедших себя учреждениях «интереснейшее явление, как в общественной жизни величайший прыжок вперед соединяется с чудовищной робостью перед самыми маленькими изменениями» [1, т. 45, с. 400]. Что означает такое несоответствие? Отрыв теории от практики, уход теории в абстракцию. Мизерная, трусливая практика (неумение внести ничтожнейшие практические реформы при полете прожектерской мысли под облака) – становится как бы кри-

терием этой заоблачной теории, подвергает критике самый «прыжок вперед». Отсюда вывод: *лучше меньше, да лучше*. Когда, например, слишком много и легко разглагольствуют о пролетарской культуре, Ильич тянет «теорию» назад, применив «пробный камень практики»: «нам бы для начала достаточно настоящей буржуазной культуры, нам бы для начала обойтись без особенно махровых типов культур добуржуазного порядка, т.е. культур чиновничьей, или крепостнической и т.п. В вопросах культуры торопливость и размашистость вреднее всего. Это многим из наших юных литераторов и коммунистов следовало бы намотать себе хорошенечко на ус» [1, т. 45, с. 389]. Да, сфера этих идей – материалистическая диалектика познания мира, только вот проверка критерием практики всякой теории – не только марксистско-ленинская, она и гётеанская сфера.

Литература

1. Ленин В.И. Полн. собр. соч. в 55 т. изд. 5-е.
2. Шагинян М.С. Четыре урока у Ленина. М., 1987.

Е.А. Паламарчук

СОВЕТСКАЯ ЭПОХА ГЛАЗАМИ МАРИЭТТЫ СЕРГЕЕВНЫ ШАГИНЯН

Личность Мариэтты Сергеевны Шагинян представляет собой редкое и чрезвычайно интересное явление в отечественной литературе и культуре в целом. Начав как яркий представитель «Серебряного века» русской поэзии, она, в отличие от большинства своих тогдашних товарищей по цеху, у которых «роман» с большевистской властью не сложился, с энтузиазмом восприняла октябрьские события 1917 года и сумела практически с первых же дней существования нового режима не только органично вписаться в новую действительность, но и стать впоследствии одним из летописцев Советской эпохи. Правда, вспоминая на склоне лет свой переход в последнюю, писательница в очередной раз предаёт праху прах досоветского прошлого. Она кается в том, что, как и большинство тогдашних россиян, встретила Февральскую революцию «празд-

нично, наивно, с полной верой, с писанием слабых гражданских стихов, ... в первые недели адресованных ... Керенскому, иконе для женской половины обывательщины». В то же время, на протяжении всего ее жизненного и творческого пути М.С. Шагинян удавалось с успехом совмещать, казалось бы, несовместимое. В своей повседневной деятельности, будь то общественная работа или литературное творчество, она, с одной стороны, следовала политической линии Коммунистической партии, не позволяя себе выходить за ее пределы и, таким образом, все время оставаясь на «правильной» стороне истории, а, с другой, сумела сохранить принципиальность и порядочность. Свидетельством последнего, в частности, служат ее воспоминания о годах дружбы с Зинаидой Николаевной Гишпиус, Дмитрием Сергеевичем Мережковским, Дмитрием Владимировичем Философовым и др., в которых для будущих врагов Советов у нее нашлось немало теплых слов [1, с. 622, 336-450].

При этом Мариэтта Сергеевна Шагинян и мыслила эпохальными категориями, остро ощущая свою сопричастность событиям, в эпицентре которых ей волею судьбы довелось оказаться – либо в качестве очевидца, либо в роли участника. Об этом свидетельствуют строки из ее знаменитой Оды Времени:

Тебе, кому миры подвластны,
Кто чередует свет и мглу,
Мой скромный стих, мой слабогласный,
Споет ли должную хвалу?

Блуждает память в миллионе
Лет, отмелькавших, словно сон,
А там, в твоём несчетном лоне
Роится новый миллион.
За голубым его теченьем,
Подобным Млечному Пути,
Суди грядущим поколениям
Опять Грядущее найти!

Сущность своей миссии (а именно так и, на наш взгляд, вполне искренне, она рассматривала свою многогранную деятельность) М.С. Шагинян видела в том, чтобы помочь подрастающим поколениям обрести прочное и полезное для общества положение в гря-

душем. Эта созидательная миссия на благо зарождавшегося нового общества началась для нее с Октября 1917 года, который «утолил тоску по труду», дав ему «новое качество..., изменил существо труда». «Для таких, как я, – писала М.С. Шагинян, – для части интеллигенции, для рабочих новое качество труда – это созидание для справедливого строя жизни, первое в мире раскрепощенье труда, свобода инициативы в нем, свобода творчества». В дальнейшем ей довелось проявить себя в различных сферах деятельности. Среди прочего, довелось поработать даже инструктором ткацкого дела (в своих мемуарах Мариэтта Сергеевна упоминает о том, что опубликованный ею очерк, посвященный этому периоду в ее жизни, очень понравился Ленину [1, с. 625, 627]).

Позднее она становится депутатом Моссовета. Приступая к своей деятельности в этом качестве, М.С. Шагинян проводит разграничение между буржуазным и советским демократизмом. «Парламент для англичанина, палата депутатов для француза, «покойный» рейхстаг для немца (за вычетом членов компартий) были и являются ареной личного выдвижения, личной карьеры, лестницей честолюбия и самым желательным способом преуспеть – во всех житейских смыслах, вплоть до выгодной женитьбы», – писала она в «Дневнике депутата Моссовета». Сущность же советского демократизма, по мнению начинающего депутата (разумеется, не свободному и от конъюнктурных соображений), нашла отражение в выступлении Надежды Константиновны Крупской, заговорившей «тихим голосом о совсем простых вещах. Сапоги для школьника, трамвайные висуны, где открывать ясли – по месту жительства или службы... Одна за другой перед нами проходили реальные нужды реальных людей, не одного или двух, а массы людей... В речи Н.К. Крупской (М.С. Шагинян сравнивала ее с опытом «очень большого ученого») мы... получили сразу и содержание речи, и ее методику. Содержание речи ввело в залу главное действующее лицо нашего собрания – реальную массу избирателей и ее интересы. А методика речи ввела нас самих в тот великий ленинский стиль работы, в ту культуру настоящего большевизма, которая заключается в умении чувствовать себя неотрывно от массы, в умении видеть и слышать ее нужду как свою нужду, ее интерес как свой интерес». Главный вывод, вытекавший, по мнению М.С. Шагинян, из выступления

Н.К. Крупской, заключался не только в обязанности народных избранников «чувствовать, осязать, защищать, осуществлять, как свои», жизненные интересы выдавших им мандат доверия, избирателей, но и в осознании наличия «нигде в мире небывалой возможности осуществить эти интересы». Именно в последнем, подчеркивала автор «Дневника...», и заключается сущность советского демократизма, «коренная, принципиальная разница между буржуазной говорильней и нашим Советом, между обликом и ролью буржуазного депутата и нашего депутата» [2, с. 13-16].

Обращаясь к проблемам, с которыми сталкивалась высшая школа, М.С. Шагинян, в частности, обращала внимание на разбросанность корпусов Московского энергетического института имени В.М. Молотова (МЭИ) по пяти разным концам столицы. «Чтобы провести рабочий день без пропусков и по программе, студент, профессор, треугольник втуза бегают из одного конца Москвы в другой, простаивают в очередях четырех раздевалок, по восемь раз роются в кармане за билетиком, снимают и надевают пальто, – потому что лекции у них в одном месте, лаборатории в другом», – писала она. Однако, несмотря на указанные сложности, студенты МЭИ выступили с важным почином. Узнав о том, что среди рабочих-стахановцев было немало таких, кому не хватало знаний для сдачи гостехэкзамена, они «организованно» пошли к ним «как бы в добровольные «репетиторы». Иначе сказать, они использовали поновому педагогический опыт студента, ту неофициальную студенческую профессию, что гоняла его «испокон веков» по урокам и летним кондициям, – использовали в три часа пятнадцатидневки, полагающиеся на общественную нагрузку». Итогом, отмечала М.С. Шагинян, стали повышение культурного уровня рабочих и рост числа рацпредложений [2, с. 34, 64-65]. Писала М.С. Шагинян и о том, как откликнулись на стахановское движение представители профессорско-преподавательского состава Московского государственного университета (МГУ): «Общественная работа МГУ, его отклик на стахановское движение выразились в большом, хорошо организованном, заблаговременном походе профессуры, аспирантуры и студенчества в среднюю школу для того, чтобы помочь и преподавателю и школьнику». Среди разнообразных форм подобной помощи, М.С. Шагинян выделяла «организацию курсов для педагогов

на пяти факультетах МГУ..., работу в заочном секторе обучения учителей..., консультации по выходным дням..., постоянную помощь подшефным школам». «Если втуз (...МЭИ), – продолжала М.С. Шагинян, – откликнулся на стахановское движение походом преимущественно на завод, то вуз (МГУ) решительно двинулся в среднюю школу», что знаменует собой развернувшееся в стране «встречное движение интеллектуальных сил... в ответ на рост производительности колхозного и промышленного труда». Главное же, по мнению автора, заключается в том, что «все почти... работы высшей школы, и на заводе, и в десятилетке, и на кафедрах по пересмотру программ и учебных планов – проводились и проводятся в порядке общественной нагрузки или «в порядке энтузиазма». Формулируемый М.С. Шагинян вывод проникнут энтузиазмом, риском предположить, отчасти искренним, отчасти показным) и обязательной в те времена ультраполиткорректностью: «Перед нами – легкий, радостный, еще, правда, в наметке, но уже ярко встающий в нашей стране расцвет добровольного общественного труда, как бы приветствующий своими первыми побегам зарю новой Конституции» [2, с. 34, 75-77].

Вскоре после начала Великой Отечественной войны М.С. Шагинян вместе с группой советских литераторов была эвакуирована на Урал, в Свердловск. Впечатления от этого периода своей жизни она не побоялась доверить «Дневнику», в котором содержится много критических замечаний относительно тогдашних повседневных реалий. Упомянув о «панике», возникшей в столице 15 октября 1941 года, и «спешной» эвакуации части писателей (остальные остались без призора), стоившей ей защиты докторской диссертации, посвященной жизни и творчеству Тараса Григорьевича Шевченко, назначенной на 22-е число того же месяца, М.С. Шагинян описала тяготы дороги: «Мы ехали 18 суток в ужасных условиях голода, холода и сна «по очереди» (мы с Линой делили одну койку, ели черный хлеб с луком всю дорогу).

Однако сразу после прибытия в Свердловск ее деятельная натура берет свое: «Взяла в библиотеке материал по Уралу. Буду «вгрызаться» в него. Сейчас – самое важное – снабжение фронта техникой и пищей, значит – заводы и колхозы». Тем не менее, бытовые неурядицы не оставляют ее в покое. В записи, помеченной 7-10

ноября, значит: «Из гостиницы нас выселяют, денег нет, не прописывают в милиции – значит, и карточек нет». Далее, комментируя замечание Александра Фадеева о том, что «в Свердловске писателям лучше всего» (сравнение проводилось с Москвой, Казанью и Куйбышевым), М.С. Шагинян писала: «Хаос и неорганизованность тут, во всяком случае, не меньше, а может быть, и больше. Так нельзя дальше работать. Если не перестроимся – гибель». 11-14 ноября, в продолжение сказанного – «...Ужасное положение писателей и сумбур в Союзе (писателей – *Авт.*). Мы так еще и не прописаны, сидим без хлеба» [3, с. 124].

В это время у Мариэтты Сергеевны нередко возникает состояние подавленности, вызванное разными обстоятельствами. «Неудачи в «Труде» – погибают зря мои хорошие статьи. Газета сделала ставку на серятину и боится всего мало-мальски острого. Я уйду от них, ну их!» (4 февраля 1942 года, Свердловск). В июне она съездила в Челябинск. Приводя подмеченную при выезде из Свердловска «забавную картинку: дворник подметает метлой шоссе», М.С. Шагинян делится своими переживаниями по поводу тяжелой военной ситуации на юге страны, в местах, с которыми в ее жизни и творчестве было очень многое связано, а также по поводу индифферентности значительной части уральцев по отношению к событиям на фронтах. «За эти три дня – мотание взад и вперед, тяжкое настроение: Ростов сдали, немцы под Батайском. Страшно тяжело, еще особенно, что войну в наших местах никто не воспринимает, все размагничены, а это тяжело, хуже равнодушия нет ничего...» (17 июня). По временам Мариэтту Сергеевну охватывает депрессия. «Тяжелые дни заболевания девочки (дочери. – *Авт.*) и Лины. Невозможность работать... Убита, убита – утерей лета, бестворчественностью сил и тем, что, ничего не сделав, не отдохнула и никто из семьи не отдыхал и не набрался сил на зиму. Страшная предстоит зима», – записывала она 1-3 августа 1942 года [4, с. 132, 147].

Однако уныние длится недолго. Уже 10 августа М.С. Шагинян заносит в «Дневник» пространную запись о посещении колхоза «Заря». Рассказ начинается с бытовой зарисовки: «Проехали в деревню, въезд в которую закрыт большими, на всю улицу, воротами. Эти ворота раскрывает ватага маленьких босоногих ребят с криком «дайте денежку!». Тагильцев, сопровождавший писательницу в

этой поездке, «бросил им 15 копеек. Это древнейший уральский обычай»... Затем – встреча с председателем колхоза Александром Порфирьевичем Терновым. Первое впечатление не в его пользу: «...невысокий парень с узенькими, как бы слепнувшими и закрывающимися глазами..., гладко остриженный, с черным черепом, невзрачный, когда наденет очки, кажется действительно слепым». Тем не менее, в ходе последующего общения он предстает человеком «очень быстрым, нервным, совершенно деловым. Говорит трудно-быстро». С М.С. Шагинян А.П. Тернов поделился проблемами, с которыми сталкивалось его хозяйство. «За каждый свой шаг в строительстве колхоза я должен расплачиваться натурой, – поведал он. – Для разведения картошки у колхозов не было заинтересованности, поощрительных цен. Был опубликован правительственный указ по поводу хлопка, свеклы. Но ни картошки, ни капусты он не коснулся. Мы сдаем их государству по невозможно низким ценам, не окупающим их транспортировку, капусту по 10 копеек кило, картошку по 12. Считаю, что необходимо поднять госцены до рубля за кило». Серьезную проблему, по словам председателя колхоза, представляла нехватка промышленных товаров. «В районе открыли 2 раймага и 1 сельмаг. Колхозники шли за 30-50 километров и становились в очередь – авось что-нибудь достанется... Прошлую осень в Красноуфимске во время уборки в конце августа на несколько миллионов [рублей] продавали мануфактуру. И она продавалась только там. Люди бросали убирать хлеб, шли туда, жили там неделями. В эту уборочную нет ничего, обуви нет... не дают вырабатывать свою кожу, а то мы бы сами справились... Гвоздей не хватает. Мне приходится быть завхозом, а не председателем, так много времени уходит на раздобывание нужных вещей» (датировано 10 и 12 августа 1942 года) [4, с. 167-168].

Очень характерной для понимания личности М.С. Шагинян является дневниковая запись, касающаяся ее поездки в Москву в конце мая – начале июня 1943 года. Сообщив об успешном выполнении намеченных дел, о «большом и хорошем впечатлении», вынесенном ею из полуторачасовой встречи с Анастасом Ивановичем Микояном, Мариэтта Сергеевна, как бы мимоходом, записала: «...Для себя в Москве не сделала ничего и даже не достала девочке белье» [4, с. 167-168].

Возвращение в Свердловск. В воскресенье 4 августа 1943 года в «Дневнике» появилась запись: «Весь день – мотанье по делам, вчера и позавчера мои статьи в «Уральском рабочем»... Выходит очень хорошо, и на душе приятно... Обещают 6-го закончить. Посмотрим» [4, с. 194].

Впоследствии появилось «Путешествие по Советской Армении», содержащее подробное описание достижений Республики в составе СССР [5]. Этот мобильный образ жизни Мариэтта Сергеевна Шагинян сохранила и в дальнейшем.

Следует подчеркнуть, что М.С. Шагинян была образцовым советским человеком, не позволявшим себе уклоняться от генеральной линии Коммунистической партии. Это проявлялось и в клеймении «врагов народа», и в прославлении Трофима Денисовича Лысенко, и во многих других поступках. Однако все же ее главной отличительной чертой, по нашему мнению, являлось то, что, даже достигнув творческого и общественного признания и имея возможность наблюдать за жизнью соотечественников из «ложи небожителя», Мариэтта Сергеевна не поддавалась этому искушению, до конца своих дней отказываясь почивать на лаврах и находясь в гуще общественных событий.

В заключительных строках своих «Воспоминаний...» М.С. Шагинян цитировала тирольского поэта Адольфа Пихлера: «Молод только тот, кто находится в процессе становления, в процессе роста, кто продолжает развиваться, хотя бы и с седыми волосами», проводя напрашивающуюся параллель с гётевским «Фаустом»: «сера, мой друг, всякая теория, вечно зелено лишь дерево жизни» [1, с. 715]. Думается, что Мариэтта Сергеевна Шагинян до последних дней отпущенного ей жизненного срока оставалась одним из вечно молодых побегов на древе жизни (считаем, что в этом случае данный клишированный образ в полной мере уместен).

Литература

1. *Шагинян М.С.* Человек и Время. История человеческого становления. М., 1980.
2. *Шагинян М.С.* Дневник депутата Моссовета. М., 1936.
3. *Шагинян М.С.* Уральский дневник (документальное повествование) // Новый мир. 1985. № 4. С. 122-147.

4. *Шагинян М.С.* Уральский дневник (документальное повествование) (июль 1941–июль 1943) // Новый мир. 1985. № 5. С. 165-190.
5. *Шагинян М.С.* Путешествие по Советской Армении. М., 1952.

Б.С. Зулумян (г. Москва)

РОМАН «СВОЯ СУДЬБА» МАРИЭТТЫ ШАГИНЯН

В многообразной жанровой палитре произведений, созданных Мариэттой Шагинян, роман «Своя судьба» занимает особое место, по сей день не оцененное. В прозаическом наследии писательницы – несколько романов и повестей и каждый из них отличается выраженными особенностями: роман «Перемена» (1923) написан по принципу симфонического произведения, «Приключения дамы из общества» и «Месс Менд» (1922-1923 гг.) – приключенческие повести, «Жик» – роман-комплекс, вмещающий в себя несколько жанровых произведений – от поэмы до доклада. Ко времени написания романа «Своя судьба» в 1916 году – М.С. Шагинян уже была автором двух поэтических сборников и сборников психологических рассказов «Узкие врата» (1914) и «Семь разговоров» (1915), а также книги очерков «Путешествие в Веймар», написанной по следам ее пребывания в Германии, где она изучала философию в Гельдербергском университете. По всей вероятности, замысел романа «Своя судьба» на медицинскую тематику возник именно в Германии и Швейцарии, где она прожила несколько месяцев в начале войны и имела возможность познакомиться с новейшими теориями фрейдизма, юнгианства и психиатрической практикой в целом.

Первоначально роман имел другое заглавие. В дневнике 21 августа 1916 г. есть запись: «Докончила 8-ю главу романа «Свой дом»...» (Архив Е.В. Шагинян) [1].

Пресса сразу же откликнулась на роман, – о нем заинтересованно заговорили известные критики 1920-х годов: в Москве – В. Полянский (ж. «Печать и революция», 1923, № 4); и Петрограде – Д. Выгодский (ж. «Россия», 1923, № 6). Высоко оценил произведение Дм. Овсяннико-Куликовский. Познакомившись с романом «Своя судьба» по выходе в свет, известный общественный деятель, юрист А.Ф. Кони в личной переписке так характеризовал это произведе-

ние: «считаю самой замечательной из всего, что я читал в нашей прозе после кончины Толстого. Я не совсем согласен с психиатрической теорией автора... но тема, язык, чувство, основная идея, действующие лица – все превосходно! Роман оставляет впечатление чего-то пережитого с нами лично. Он меня так увлек, что я отбросил все работы и отдал ему весь вчерашний вечер и сегодняшнее утро и плакал умиленными слезами, кончая его. Это за 1/2 года-то до 80 лет!.. Это настоящий «светлый луч в темном царстве...» в нашей современной беллетристике... И какая у нее осведомленность в описании душевных болезней и того тонкого различия, которое существует между ними и невротическими состояниями» [2, с. 316-317].

В последующих переработках «Своей судьбы» (в последнем варианте 1954 года) М.С. Шагинян пошла по линии очищения романа от всего, что затуманивало главный его мотив – «высокой меры» ответственности личности перед обществом за свои поступки, мысли и чувства, за собственную жизнь, полномочным и рачительным хозяином которой обязан быть человек. Она усиливает его острополемическую, антифрейдистскую направленность: развитие событий ведет к отрицанию идеалистического взгляда на внутренний, духовный мир человека как на сферу, где действует лишь слепое иррациональное начало [3, с. 55-67].

Собственные представления М.С. Шагинян о подходах к человеку, лечению определенных отклонений не только легли в основу романа, который был назван исследователями «антифрейдистским», но и вычленены в романе в стройную психотерапевтическую профессионально изложенную систему.

Опыта написания литературы на медицинскую тематику в русской и европейской литературе (Чехов, Булгаков, Пришвин) было достаточно, однако «санаторного» романа, где действие происходит в некоем ограниченном пространстве, а коллектив санатория – модель общества к 1916 году пока еще не было, тем более произведения, направленного на художественное осмысление психоанализа, фрейдизма.

Роман был написан по свежим следам ее пребывания в Германии и Швейцарии (первое издание – 1916 г.). Обучаясь на философском факультете, путешествуя по стране, она имела возможность позна-

комиться с учениями великих психиатров, с характером и менталитетом немецкого народа. Ее провидческие рассуждения о врожденном чувстве симфонизма (способности объединяться), который мог и имел негативные последствия, подробно описаны в «Путешествии в Веймар» и других ее произведениях и нашли также отражение в «Своей судьбе».

Другой мотивацией замысла романа, полагаю, по-прежнему была ее «антиарийская» полемика с «неизменно-любимым» Эмилием Карловичем Метнером, так явно влиявшая на ее замысел сборника «Orientalia», обозначенная во вступительном слове как «осознанный азиатизм» [4, с. 123-131].

С первых же страниц автор обозначает хронотоп романа – это второй год войны с Германией, а место, где разворачивается действие, – санаторий под руководством известного доктора-психиатра Карла Ивановича Ферстера, расположенный в Ичхорском ущелье Кавказа. В центре повествования – семья Ферстера: его супруга, Варвара Ильинишна (из наших, армян, говорит купец Мартирос) и дочь Марья, Маро, как ее называет мать. Все дальнейшие коллизии романа завязаны на Маро, хотя важную роль в разворачивании сюжета играют и другие действующие лица – это, в первую очередь, Ястребцов Павел Петрович, больной, невротик, которому отведена роль некоего антигероя, концентрирующего в себе теньевые стороны личности. Он выступает антагонистом доктору Ферстеру. Предварительно отмечу, что в конструкции романа просматривается аллюзия на доктора Фауста и Мефистофеля (даже звуковая переключка и говорящая фамилия – Ястребцов), что, возможно, могло иметь место в замысле М.С. Шагинян, как истовой поклонницы Гете.

К роману выбран эпитафия из «Венецианского купца» Уильяма Шекспира: «Тот, кто выбирает меня, должен отдать и рискнуть всем, что у него есть», который дает интенцию на содержание произведения, где речь идет о крайних чувствах, безальтернативном подходе в поступках. Само название романа – «Своя судьба», – найденное в процессе кристаллизации замысла, также свидетельствует о чем-то предопределенном, неотвратимом, ведь судьбу можно прожить, но можно ли избежать предначертанного? Размышле-

ния о судьбе проходят красной нитью в диалогах героев и сюжетных разворотах произведения.

В санатории Ферстера, как он сам разъясняет, основную группу больных составляют люди, находящиеся у порога настоящего душевного заболевания, но еще не переступившие этого порога, не сделавшиеся психически больными, такие люди, которым уже невозможно жить в нормальных человеческих условиях, в семье, в обществе; ходить на службу; переносить знакомое, обычное напряжение жизни, то есть невротики.

Сразу же, с первых страниц, автор погружает читателя в сюжеты, нацеленные на раскрытие идеи романа – жизни человека и его судьбы. Есть ли она, все ли предначертано? Заключается ли она в том, что все предопределено: характером человека, как рассуждает Ястребцов, в том числе и преступность, обстоятельствами, неумолимо диктующими ход событий [5, с. 5]. С другой стороны, этой логике противостоит мысль о том, что ничто не снимает ответственности личности за свои поступки.

Рассказ ведется от имени молодого врача, Сергея Ивановича Батюшкова, выпускника медицинского факультета, получившего назначение в санаторий Ферстера, который в «их кругу» пользовался авторитетом. «Я склонен думать, что всякий человек носит свою судьбу в себе самом, – размышляет Сергей Батюшков, – а содержание жизни формируется по свойствам его характера; народ называет это «на роду написано». А я от роду тихий, болезненный человек с маленькими ежедневными целями» [5, с. 1]. С первых же эпизодов романа звучит мотив самоанализа, причин и следствий становления характера, причем не только социального характера, но и фатального, предопределенного врожденными качествами человека, идущими из детства комплексами матери или отца и т.п.

Такой комплекс обнаруживает Батюшков, вспоминая свое детство. «Матушкин друг и приживалка, Раиса Антоновна, – продолжает свои размышления рассказчик, – называет это «гомлением по чужому». И действительно, у матушки странная ненависть ко всему своему и любовь, даже больше того, зависть к чужому, начиная с чужого платья и кончая чужою судьбой. Должно быть, поэтому и меня она невзлюбила с самого детства – соседские мальчишки казались ей и красивей и умнее, нежели я» [5, с. 1]. В этих первых раз-

мышлениях уже обозначен психоаналитический мотив «Эдипова комплекса».

В различные события, интриги вовлечено семейство Ферстера. История влюбленности Маро в техника санатория Филипп Филиппыча Хансена, эмигрировавшего в годы войны полуполяка, полупшведа, имеющего семью, служит выявлению конфликта между волей, личным хотением и долженствованием, нравственным выбором.

Все психологические взаимодействия героев сходятся на Ферстере, ибо поведенческие проявления типов личности так или иначе раскрываются посредством его оценок и интерпретаций, через его размышления о методике лечения больных. Он выполняет функцию некоего демиурга, направляющего и помогающего людям, попавшим в затруднительное психологическое состояние, а его антагонистом, вносящим деструкцию в атмосферу санатория, выступает больной Павел Петрович Ястребцов.

Впервые читатель узнает о Ферстере из рассказа фельдшера Семенова Батюшкову по дороге в санаторий, как он вылечил зазнавшегося от своего подвига горца. Уже в первом эпизоде обозначается мотив судьбы. Попутчиком Батюшкова оказывается больной Ястребцов, тоже следующий в санаторий. Ему уготована роль антигероя, тени (по Юнгу), которая выявляет и стимулирует негативные стороны человеческой природы. С первого же диалога с Батюшковым, узнав, что тот назначен врачом в санаторий, Ястребцов пускается в долгие «лукавые» рассуждения о натуре человека, его душе, которой, он, якобы, боится («Я боюсь своей души») и называет свою болезнь душебоязнью.

Ястребцов считает, что все зло и «импульсы» (так он называет потаенные неосознанные желания) совершенных и несовершенных преступлений таятся в душе человека. И даже гении, которые описывают преступную природу человека, сами способны на такие поступки, поэтому и смогли так достоверно это воспроизвести в своих произведениях. «А внутри у них копится пепел, словно они за десятилетия изживают. И что у них там всходит и заходит, об этом вам никакая астрономия не расскажет, – упиваясь своими рассуждениями, говорит Ястребцов. – Или возьмите крупных художников, ну, там Шекспира, что ли. Где же это он мог видеть всех этих мон-

стров – Шейлока, Отелло, Макбета, Калибана? Он их просто за волосок из своей души вытянул, как дети тянучки тянут, потому что у него универсальная душа, – вот и весь секрет» [5, с. 4].

Уже в этом высказывании намечено несколько ассоциативных рядов: это и бессознательное, лежащее в основе сложной структуры психики человека, прорывающееся сквозь супер-эго (теория Зигмунда Фрейда), и «универсальная душа», т.е. коллективное бессознательное (уже по Юнгу).

Ястребцов, ссылаясь и на пример крестьянина Уздимбея, который вытащил барина из пропасти и так возгордился, что его пришлось лечить Ферстеру, пытается сказать, что налицо разделение личности, раздвоение сознания, что преступность и тщеславие, пороки человека в целом, – врожденные качества человека. И далее, развивая свою теорию (представления) Ястребцов очень скоро делает вывод, что души у всех людей одинаковые. Выставляя напоказ себя и свою болезнь перед Батюшковым, наслышанный о Ферстере («полного ума человек») настоятельно просит, чтобы тот рассказал о нем главврачу. Таким образом, еще не попав в санаторий, он противопоставляется врачу, пытаюсь встать с ним наравне. Другой «мелкий бес» – антагонист Ферстера, врач санатория Мстислав Ростиславович, alter ego Ястребцова, сразу начинает нашептывать вновь прибывшему Батюшкову всяческую информацию, негативно характеризующую жителей санатория.

Внедрившись в санаторскую жизнь, Ястребцов, одержимый духом разрушения, строит интриги, обостряет комплексы людей, как бы невзначай, пытаюсь им помочь, обращает внимание на их собственные недостатки. Это не остается незамеченным, становится предметом беспокойства Ферстера. Батюшков предлагает без обиняков выгнать Ястребцова: «Я не мог ни в чем обвинить его, ни вслух, ни про себя. Но я знал, что он сгущает виновность в девичьем сердце и зароняет ее во всяком, кто становится возле него». Не без воздействия Ястребцова поручик Лапушкин покончил жизнь самоубийством. Сдружившись с Маро, он способствует развитию ее отношений с Хансеном, и в то же время распространяет слухи.

Ястребцов со временем все больше стал пытаться управлять людьми, внедряться в их взаимоотношения: «Ястребцов в каждом

усугубляет его индивидуальный соблазн», – делает вывод Батюшков [5, с. 92].

Эта ситуация все больше выводит из себя Ферстера, но в итоге как врач он понимает, что имеет дело с больным человеком и не предпринимает резких шагов. Кульминация разворачивающейся драмы приходится на момент, когда в санатории была поставлена написанная Ястребцовым символическая пьеса. Народ, в виде безликой массы в белых одеждах, пытается свергнуть верховного правителя, убийцу и деспота, но он неожиданно спрыгивает со своей вершины и растворяется в толпе. Тем самым Ястребцов, он же исполнитель этой роли, хочет сказать, что Зло ненаказуемо и толпа никогда не сможет свершить суд над избранными. Этот образ сверх-человека, так мастерски выписанный М.С. Шагинян, отсылает, несомненно, к Ницше и его учению о новом человеке, свободном от условностей и могущем вершить свою судьбу.

Сам Ястребцов, выдвигая свою теорию судьбы, пускается в пространные рассуждения. По его мнению, судьба открывается «в виде вопроса и выбора, и в зависимости от того, как поступает человек в этом случае, он действует и в будущем, и наша жизнь расположится по выбранному нами способу. Дело в том, что мы привыкаем к известному стилю судьбы и сами его предопределяем для себя». Однако Сергей Иванович стоит на том, что люди меняются и могут быть воспитаны и преображены в любом возрасте. В этой полемике и психотерапевтической теории Ферстера и Батюшкова отражена точка зрения самой Шагинян, которая задолго до разработки советских педагогических и медицинских методик воспитания и лечения, сформулировала трезво реалистические взгляды на природу человека, который может меняться под воздействием социума.

В конце концов, разлад, который удалось Ястребцову устроить среди больных и персонала санатория, выплескивается наружу: назначается ревизия в санаторий (не без помощи Ястребцова). Ревизором оказывается бывший врач санатория Мстислав Ростиславович, которого Ферстер уволил за непрофессионализм. На фоне событий в санатории ему почти удается добиться его закрытия. Ферстер тяжело заболел, но главной своей цели он добился: сумел воспитать дочь, не только независимую, мыслящую самостоятельно личность, но человека, который способен, преодолев личное хо-

тение, сделать правильный нравственный выбор. Маро отказывается от брака с Хансеном, когда он уже был готов ради любви к Маро развестись с женой, оставить семью, беспомощных родителей, которые были на его попечении. Прислушавшись к мнению отца, что на чужом несчастье своего счастья не построишь: «Ищи такого счастья, – говорит ей отец, – чтоб не на чужой беде... Высокого... И суди себя высоким судом, девочка...», она уезжает в Петербург. Ведь по убеждению Ферстера, у совести не бывает условного наклонения. Он завещает своим врачам не бросать дело, бороться за санаторий и методику лечения до конца. В своих записях он четко формулирует, что «подход к душевной жизни человека резко противоположен учению современных западных психиатров, господ Фрейда и Юнга». Самый важный результат его деятельности и методики – лечить человека, а не его болезни, понять характер и суть его отклонений, во всей сложности жизненной и социальной специфики. Ферстер пишет в своей тетрадке: «Опубликованные работы этих последних (Фрейда и Юнга) говорят об аналитическом распутывании ассоциаций невротика, о проникновении больным вместе с его врачом в ту отдаленнейшую подсознательную область, которую он как бы тщательно скрывает сам от себя, и снятии его болезни путем этого акта самопознания. А так как у Фрейда все сводится к одному фактору, будто бы создающему цепь ассоциаций еще на самой заре жизни человека, в его младенческий период, – к фактору сексуального ощущения «крови», кровного влечения сына-матери, дочери-отца, брата-сестры, чувству ревности к отцу или к матери (так называемый «Эдипов комплекс»), то процесс самопознания, происходящий у больного с помощью собеседований, проводимых с врачом, или самостоятельных его автоанализирований, руководимых врачом, всегда бывает сам по себе окрашен несколько эротически и носит характер как бы нового раздражителя, появления нового «интереса», замыкающего больного на самом себе» [5, с. 17]. Выступая против такого подхода, Ферстеру удастся посмотреть на Ястребцова как на больного, а не просто дурного человека. Доктор понял, в чем его специфика и корень проблемы: непризнанный и нелюбимый, наделенный изрядным артистизмом, он постоянно стремился быть в центре внимания, хотя мог бы при-

нести пользу, оказавшись на своем месте. Ферстер завещает направить его на работу с детьми.

Человек, вообразивший себя сверхгероем, посчитавший, что ему все позволено (ср.: «тварь я дрожащая, или право имею?»), может сотворить колоссальные разрушения. Этот образ сверхчеловека корреспондирует с учением Ницше и задолго до появления фашизма М.С. Шагинян в своих «антиарийских» дискурсах предугадала катастрофические события XX века. Поэтому мы можем сделать вывод, что роман не только антифрейдистский, но и антиницшеанский, и это задолго до развернутой и обоснованной критики учений обоих великих ученых, внесших несомненный вклад в историю мировой философии.

Литература

1. Впервые отрывок под названием «Не гляди на грех» был опубликован в газете «Кавказское слово», 1916, 25 декабря; затем первые шесть глав в журнале «Вестник Европы», 1918, № 1-4; отдельной книгой впервые в 1923 г. (изд-во Л.Д. Френкеля. М.-Пг.). Ссылки в тексте на издание: *Шагинян М.С.* Собр. соч. в 9 т. Т. 2. М., 1986.

2. *Кони А.Ф.* Собр. соч. в 8 т. Т. 8. М., 1969.

3. См. об этом подробнее в кн.: *Скорино Л.* Мариэтта Шагинян – художник, изд. 2-е. М., 1981.

4. *Зулумян Б.С.* История создания поэтического сборника «Orientalia» Мариэтты Шагинян // Армяне Юга России: история, культура, общее будущее: материалы IV Международной научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 28-29 сентября 2021 г.). Ростов-на-Дону, 2021.

5. *Шагинян М.С.* Собр. соч. в 9 т. Т. 2. М., 1986.

Н.В. Самарина

М. С. ШАГИНЯН – ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ КРИТИК ЭПОХИ «СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА»: КОЛЛЕКЦИЯ ПУБЛИКАЦИЙ В ГАЗЕТЕ «ПРИАЗОВСКИЙ КРАЙ» (1911–1914)

Продолжительное сотрудничество М.С. Шагинян с региональной ростовской газетой «Приазовский край» в период 1911-1914 годов было временем публикаций ею регулярных, разнообразных и инте-

ресных статей в постоянной авторской рубрике «Литературный дневник». Появилась рубрика в январе 1911 года в связи с обновлением содержания газеты после изменения состава акционеров «Донского акционерного общества издательского и печатного дела в Ростове-на-Дону». Просуществовал «Литературный дневник» до начала первой мировой войны, когда стало невозможным пересылать написанные тексты из Германии, куда М.С. Шагинян уехала для работы над диссертацией по истории философии. Да и ей самой вместе с сестрой предстоял длительный и сложный путь возвращения в Россию. По возвращении на Родину она обосновалась в Нахичевани. Ее публикации вновь появились в «Приазовском крае» в январе 1915 года, после полугодового перерыва. Это были «Семь рассказов» (семь очерков, говоря современным языком) о пережитом во время пребывания в воюющей Германии. Публиковались они с периодичностью примерно два раза в месяц в январь-марте 1915 года, а впоследствии были изданы одной брошюрой. Объем газеты с началом войны резко сократился, и стало ясно, что в воюющей России «Литературный дневник» утратил актуальность.

Сам по себе факт получения студенткой московских Высших женских курсов Н. Герье постоянной авторской рубрики в газете, с которой регулярно сотрудничали столичные и московские публицисты и критики, весьма примечателен. И дело заключалось, видимо, не только в том, что курсистке, жившей не в Ростове, можно было платить за публикации лишь построчную плату, в отличие от сотрудников редакции, которым платили и как авторам постоянных рубрик. В 1909-1910 годах М.С. Шагинян опубликовала на страницах газеты немало серьезных статей религиозно-философской проблематики, литературной и художественной критики. Для ее публикаций этих лет уже характерны аналитический подход к описываемым явлениям или рецензируемым книгам и обоснованность делавшихся оценок, образность характеристик описываемых лиц и событий наряду с присутствием в них лирическо-эмоциональных описаний. Показательно, что в отчете за 1910 год цензор Главного управления по делам печати МВД, служивший при ростовском градоначальстве, назвал М.С. Шагинян среди сотрудников газеты, благодаря которым литературные и общественные темы «разраба-

тываются довольно объективно и сдержанно». При этом он поставил курсистку в один ряд с известным в крае искусствоведом, художественным критиком и библиографом Н. Лаврским (Н. Барановским) и московским литературным критиком и писателем С. Яблоновским (С. Потресовым) [1].

Большинство статей, опубликованных в рубрике «Литературный дневник», можно отнести к забытой части творческого наследия М.С. Шагинян. Между тем, сама она придавала этим текстам немалую значимость. Они собирались в виде газетных вырезок, а в случае отъезда М.С. Шагинян из дома такая обязанность возлагалась на мать. Так, в письме от 21 марта 1911 она напоминала: «Вырежи и вышли мне статью» [2, с. 143]. Относится это письмо к первым месяцам существования ее постоянной рубрики на страницах газеты и, по-видимому, речь шла о статье «Два Робинзона» [3], любопытной тем, что ее можно считать поиском подходов литературного критика к новому для себя жанру – литературно-философскому эссе. В последующие годы такие эссе – это около 29% опубликованных в «Литературном дневнике» текстов, посвященных литературе и другим видам искусства. В годы войны статьи, ранее опубликованные в газете, Мариэтта Сергеевна собрала в единый массив для последующего издания. Двухтомник «Собрание статей», как и ее роман «Своя судьба», были заявлены готовившимися к печати на обложке четвертого издания стихотворного сборника «Orientalia», вышедшего в Ростове-на-Дону в 1918 году [4], но по каким-то причинам публикация не состоялась.

Предлагаемый вниманию читателей обзор представляет собой общую характеристику написанного М.С. Шагинян для «Литературного дневника» за все три с половиной года его существования на страницах «Приазовского края». В мои задачи входит определение тематической и отчасти жанровой структуры публикаций, публикация в приложении к обзору их библиографии, что позволяет тем самым сделать интересные и оригинальные литературно-критические статьи и литературно-философские эссе М.С. Шагинян доступными для изучения специалистами и теми, кто интересуется культурой российского Серебряного века². Естественно и

² На сайте Донской публичной библиотеки сейчас представлены годовые подшивки газеты с 1891 по 1917 год включительно.

желание поделиться некоторыми читательскими впечатлениями, поневоле обрывочными в контексте библиографического описания коллекции текстов, довольно компактной, но по содержанию разнообразной и сложной.

«Литературный дневник» обычно выходил два раза в месяц, реже – трижды. Последнее случилось не более двух месяцев в год. По объему – 300-400 строк в восьми колонках в подвале газетной полосы. Это максимум, который предоставлялся редакцией публицистам, критикам, популяризаторам науки, имевшим реноме (или значимое имя). Вне рубрики печатались в «Приазовском крае» стихи и рассказы М.С. Шагинян, а также первая ее повесть «Каприз миллионера». Но для очерков чисто публицистического характера (женский вопрос, дело Бейлиса, открытие художественного музея в Москве и т.п.) места в газетном пространстве уже не находилось, и они также появлялись в «Литературном дневнике».

В этой связи из девяноста с лишним текстов рубрики в коллекции литературно-художественной критики я учла только семьдесят три статьи, разные по тематике и жанру. При этом одна из них – очерк о Л. Бетховене, напечатана помимо рубрики, и написана, видимо, по заказу редакции в связи с предстоявшими в Ростове Бетховенскими торжествами и концертами симфонического оркестра С. Кусевицкого в апреле 1913 года [5]. Очерк примыкает и тематически, и стилистически к коллекции текстов «Литературного дневника». Из них одиннадцать статей были опубликованы в нашем сборнике 2017 года [6]. К сожалению, в него не вошла ни одна из критических статей М.С. Шагинян о поэтах и писателях российского Серебряного века. Между тем, они представляют немалый интерес оригинальными оценками и суждениями автора.

Тематически в центре внимания автора «Литературного дневника» была именно литература – 62 из 73 текстов (85%). Таким образом, название рубрики вполне соответствовало ее содержанию. При подсчете я отнесла в одну группу с (условно говоря) «чистой критикой» и литературно-философские эссе. В последних тот или иной литературный текст или персонаж служили лишь отправной точкой для рефлексии по проблемам этики, эстетики, творческого познания мира или для религиозно-философских размышлений. Граница между двумя названными группами текстов М.С. Шаги-

нян представляется мне довольно условной. Так, ее интерпретация религиозных воззрений Л. Толстого на основе «Записных книжек» писателя может быть отнесена и к одной, и другой группе [7]. А помещенный в группе эссе текст «Образы прошлого», посвященный монографии М. Гершензона о российских писателях и мыслителях XIX века, можно было отнести к литературно-критическим персоналиям, если бы не само содержание рецензируемой книги, среди глав которой М.С. Шагинян особо отметила как «в высшей степени удачный опыт» очерк о славянофиле П. Киреевском» [8]. Полностью библиография литературно-художественной критики рубрики «Литературный дневник» представлена в приложении к данному обзору. Список систематизирован по тематике публикаций.

Лишь девять статей из шестидесяти двух посвящены представителям европейской литературы, если не считать литературно-философского эссе «Шекспир и Толстой», построенного Мариэттой Сергеевной на сопоставлении этических принципов этих писателей [9]. Среди текстов, посвященных европейским авторам, можно увидеть не только критику творчества или литературных направлений, но и биографические очерки: о Ж. де Нервале [10], о лорде Бекфилде, оправдавшем свою жизнь, по мнению М.С. Шагинян, одной единственной написанной им сказкой [11]. «Новеллы итальянского Возрождения» представляют собой, скорее, пространную аннотацию издания новелл, написанных до «Декамерона» Бокаччо и после него, и практически неизвестных до этого российской публике. Сопровождена аннотация любопытными читательскими впечатлениями [12].

Анализ содержания текстов, собранных в библиографическом приложении к данной статье, не входит в настоящее время в мои задачи. Но некоторыми впечатлениями от последовательного чтения этой коллекции хочется поделиться. Так получилось, что мое знакомство с литературно-художественной критикой М.С. Шагинян началось с ее публикаций советского периода. Большая часть статей о людях литературы и искусства, написанных ею в эти годы, выглядит, в сравнении с текстами «Литературного дневника», взвешенно-осмотрительными и тщательно причесанными и приглаженными. В них нет остроты критических замечаний, афориз-

стичных оценок и едких запоминающихся сарказмов, которые отличали ее как литературно-художественного критика «Приазовского края».

Автор «Литературного дневника» отличалась независимостью суждений и оценок, для нее не существовало своего рода «священных коров» в виде уважаемых толстых журналов или маститых литераторов. В подтверждение приведу несколько примеров.

Сначала фрагмент оценки творчества А. Куприна, названного М.С. Шагинян «русским Мопассаном»: «Вот воистину здоровый талант – А. Куприн. В наше время это во всяком случае драгоценно. Пока собрат его, более прославленный Леонид Андреев раздирает себя трагическими безднами, воспринимает мир не иначе, как безконтурно, в расплывчатом виде, А. Куприн видит все округло, отчетливо и пишет, как видит, с такой же здоровой плотоядностью. <...> Мы скажем правду, если определим характер его творчества как полное отсутствие алкания. Из всех русских художников, настоящих, Куприн отличается тем, что в нем положительно нет голода, – разумею голод интеллектуальный, – это воистину не только здоровый, но и сытый талант. <...> Я не поклонница духовной сытости; конечно, тут о многом приходится жалеть и, прежде всего, жалеть об узости кругозора Куприна, да простят мне стереотипное выражение. Но нельзя не радоваться соразмерности таланта и выражений его, содержания и формы, рассказа и стиля, этой очаровательной соразмерности, столь редкой в наше время. Истинное алкание так часто нынче симулируется, что поневоле отдыхаешь на подлинной, не фальсифицированной сытости» [13].

Афористична и содержательна оценка М.С. Шагинян эволюции творчества старшего поколения поэтов-символистов, данная ею накануне Первой мировой войны: «Один за другим старшие символисты сложили оружие, разомкнули прежнее, исторически уже выполненное «вместе», и бежали каждый к своему соблазну, к своей индивидуальной теме. Гиппиус ушла в религиозную общественность, Блок – в чистую лирику и проповедь иррационализма, Бальмонт в стихийную певучесть и фольклор, Брюсов – в заслуженное звание литературного маршала, Белый в мутную мистику берлинского теософа Штейнера. Темы каждого из них безнадежно и мгновенно разошлись; дружное и так много принесшее русской культу-

ре движение по одному руслу раздробилось на множество путей» [14]. Замечу, кстати, раз уж упомянуты в цитате теософия как направление мысли и Штейнер как теософ. Среди текстов коллекции есть два эссе на эту тему: «Соблазн пустого места», посвященный критике теософии как таковой [15], и «Модное язычество» – о г. Штейнере и штейнерианстве [16]. На мой взгляд, не утратили эти тексты актуальности и по сей день.

Само название рецензии на январскую (1911) книжку журнала «Русское богатство» – «Русская бедность», сообщает об оценке критиком ее интеллектуального содержания. «Право же, «давно известно миру», что крестьянам жить нелегко, а каторжникам тем более. Нечего тыкать в эту сторону. Есть предел, при котором всякое «тыканье» превращается в тиканье, вот как тиканье часов, очень успокоенное и благополучное. От «Русского богатства» веет теперь именно таким благополучием тиканья, старой гражданской привычкой «обличать», как поясицу чесать. Иные нужны слова, иное углубление в действительность. И прежде всего потому, что действительность эта – иная. Она переменилась, неуловимо, неуследиимо в процессе, но явно – в его результатах» [17].

Острой и саркастической критике был подвергнут в «Литературном дневнике» юмористический журнал «Сатирикон» и его авторы А. Аверченко и С. Черный. Публикуя текст, редакция газеты в примечании к нему отмечала, что г-жа М.С. Шагинян вынесла журналу «беспощадный приговор», что его авторы заслуживают, по мнению редакторов, снисхождения, но тем не менее текст публикуется, поскольку он – «один из многочисленных показателей несомненно пробуждающегося снова в стране общественного настроения и жажды общественных идеалов» [18]. Реплика колумниста газеты и ее театрального критика П. Герцо-Виноградского (Лонгрина), опубликованная спустя пару дней после фельетона М.С. Шагинян «Петля повешенного», написана с мягким юмором и призвана была сгладить произведенное им впечатление [19]. Впрочем, этот казус с «Литературным дневником» оказался единственным за все время его существования на страницах газеты.

Литературно-художественная критика рубрики отражала прежде всего текущий литературный процесс: рецензировались новинки литературы, отслеживались эволюция творчества того или иного

автора, его успехи и неудачи, возникновение новых поэтических направлений и т.д. Например, первый сборник стихов М. Цветаевой был встречен критиком с большим одобрением, если не сказать восторженно [20], а второй – несколькими язвительными критическими фразами в статье, посвященной женской поэзии в целом [21]. Констатируя то или иное художественное явление, М.С. Шагинян стремилась объяснить причины его возникновения или его глубинный смысл, или определить его место в культурном процессе. В связи с этим «Литературный дневник» представляется оригинальным и содержательным источником по истории культуры Серебряного века. Однако следует помнить, что литературно-художественные симпатии и антипатии его автора, ее эстетические предпочтения весьма зримо отражались в резюмирующих оценках и суждениях.

Литература

1. ЦГИА РФ. Ф. 776. Оп. 17. Д. 667. Ч. II. Л. 106.
2. *Шагинян М.С.* Статьи. Письма. Ростов-на-Дону, 2017.
3. *Шагинян М.С.* Два Робинзона // Приазовский край. 1911. 12 марта.
4. *Шагинян М.С.* «Orientalia». Изд. четвертое, дополн. Ростов-на-Дону, 1918. Тыльная сторона обложки.
5. *Шагинян М.С.* Бетховен. К концертам Кусевицкого // Приазовский край. 1913. 24 марта
6. *Шагинян М.С.* Статьи. Письма. Ростов-на-Дону, 2017. 158с.
7. Новое о Толстом // Приазовский край. 1913. 28 апреля.
8. Образы прошлого // Приазовский край. 1912. 29 февраля.
9. *Шагинян М.С.* Шекспир и Толстой // Приазовский край. 1914. 6 июля.
10. *Шагинян М.С.* История одного одиночества // Приазовский край. 1912. 16 декабря.
11. *Шагинян М.С.* Вечная сказка // Приазовский край. 1912. 21 октября.
12. *Шагинян М.С.* Новеллы итальянского Возрождения // Приазовский край. 1913. 7 февраля.
13. *Шагинян М.С.* Русский Мопассан // Приазовский край. 1911. 5 июля.
14. *Шагинян М.С.* Счастливый домик // Приазовский край. 1914. 16 марта.
15. *Шагинян М.С.* Соблазн пустого места // Приазовский край. 1912. 8 июля.
16. *Шагинян М.С.* Модное язычество // Приазовский край. 1913. 5 мая.

17. Шагинян М.С. Русская бедность // Приазовский край. 1911. 15 февраля.
18. Шагинян М.С. Петля повешенного // Приазовский край. 1912. 8 января.
19. Лоэнгрин Зигзаги. Юмор перед судом // Приазовский край. 1912. 11 января.
20. Шагинян М.С. М. Цветаева // Приазовский край. 1911. 3 октября.
21. Шагинян М.С. Женская поэзия // Приазовский край. 1914. 4 мая.

Приложение

Библиография статей из рубрики «Литературный дневник» М.С. Шагинян в газете «Приазовский край»

О российских писателях и поэтах: персоналии

1. Театр марионеток // Приазовский край. 1911. 23 апреля. О романе З. Гиппиус «Чертова кукла».
2. Русский Мопассан // Приазовский край. 1911. 5 июля. О творчестве А. Куприна.
3. Тьма тем // Приазовский край. 1911. 26 июля. О творчестве Л. Андреева.
4. М. Цветаева // Приазовский край. 1911. 3 октября. О первой книге стихов Цветаевой «Вечерний альбом».
5. Дедушка Ириной // Приазовский край. 1911. 24 октября. О жизни, творчестве и философских взглядах В.Ф. Одоевского и его «Русских ночах» в особенности.
6. Совлечение ветхого // Приазовский край. 1912. 9 февраля. Об эволюции творчества Ф. Сологуба как прозаика.
7. Ключи пошлости // Приазовский край. 1912. 29 апреля. О «Ключах счастья» г-жи Вербицкой и причинах популярности книги.
8. Поэт божьей милостью // Приазовский край. 1912. 30 мая. О творчестве А. Блока.
9. Говорящая пустота // Приазовский край. 1912. 14 октября. О поэзии М. Чулкова.
10. Интимный Чехов // Приазовский край. 1913. 14 марта. О двухтомнике писем А.П. Чехова, их информативности как исторического источника для биографии писателя.
11. Новое о Толстом // Приазовский край. 1913. 28 апреля. Оригинальный авторский анализ взглядов Л.Н. Толстого на основе содержания его

опубликованных записных книжек (дневников). Можно отнести и к жанру литературно-философских эссе.

12. Игорь Северянин // Приазовский край. 1914. 9 февраля. Оригинальная авторская оценка творчества поэта.

13. Фальшивый купон // Приазовский край. 1914. 22 февраля. О ранней повести Л. Толстого с одноименным названием.

14. «Счастливый домик» // Приазовский край. 1914. 16 марта. О втором поэтическом сборнике В. Ходасевича и его творчестве в целом. Имеется оригинальная оценка эволюции первого поколения поэтов-символистов к кануну Первой мировой войны.

15. Воспоминания А.Ф. Кони // Приазовский край. 1914. 11 мая. О жизненном пути Кони на основе анализа его мемуаров, обоснование авторской оценки этого деятеля как одного из немногих «чистых служителей подлинной культуры человеческой».

16. Цветы на могиле // Приазовский край. 1914. 1 июня. О поэзии Н. Львовой.

17. «Барышня Лиза» // Приазовский край. 1914. 13 июля. О повести Ф. Сологуба с указанным названием. Дана общая оценка его творчества как «писателя-мастера».

18. «Петербург» Андрея Белого // Приазовский край. 1914. 19 июля. О романе А. Белого в сопоставлении с другими российскими писателями, писавшими о деятелях подполья и революционерах. Содержатся меткие и едкие заметки о произведениях Достоевского, Гиппиус, Ропшина-Савинкова на эту тему.

Об общем состоянии российской прозы и поэзии начала XX века

1. Русская бедность // Приазовский край. 1911. 15 февраля. Оценка толстого журнала «Русское богатство».

2. Пшеница и плевелы // Приазовский край. 1911. 23 февраля. Оценка общего состояния русской литературы и литературной критики; о задачах последней.

3. Два Робинзона // Приазовский край. 1911. 12 марта. Оценка книг московского писателя Свенцицкого и петербургского А. Иванова как проявления двух типов литературной робинзонады.

4. Петербургский эллинизм // Приазовский край. 1911. 2 апреля. О журнале «Аполлон».

5. Мертвое удивление // Приазовский край. 1911. 17 апреля. О шестом выпуске сборника прозы «Земля».

6. Перевод бумаги // Приазовский край. 1911. 13 сентября. О плохом качестве переводов иностранных авторов.

7. Поэтический раут // Приазовский край. 1911. 6 декабря. Рецензия на «Антологию» русской поэзии, выпущенную издательством «Мусaget».
8. Не по тем рельсам // Приазовский край. 1911. 29 декабря; М.С. Шагинян. Статьи. Письма. Ростов-на-Дону, 2017. С. 43-46. О сборниках рассказов А. Рославлева и В. Гофмана.
9. Петля повешенного // Приазовский край. 1912. 8 января. О журнале «Сатирикон» и его авторах А. Аверченко и С. Черном как юмористах.
10. Академический журнал // Приазовский край. 1912. 4 февраля. О толстом журнале «Русская мысль».
11. Летний флирт // Приазовский край. 1912. 12 августа. О летнем развлекательном массовом «чтиве», публикуемом еженедельными журналами; о специфике еженедельников, их отличиях от толстых журналов.
12. Плач Адама // Приазовский край. 1913. 3 марта. О гендерных аспектах русского романа начала XX века, его мужских и женских типах.
13. Новые стихи // Приазовский край. 1913. 17 октября. Оценка новых направлений и групп в российской поэзии кануна Первой мировой войны.
14. Женская поэзия // Приазовский край. 1914. 4 мая. О поэтических сборниках Н. Крандиевской, Л. Копыловой, М. Цветаевой, А. Ахматовой. Оригинальные трактовки сути поэтического творчества и причин успешности женской поэзии кануна Первой мировой войны.

О европейских писателях

1. Висячие сады // Приазовский край. 1911. 3 мая. О сборнике П. Верлена «Записки вдовца».
2. Бессонница // Приазовский край. 1911. 14 мая; М.С. Шагинян. Статьи. Письма. Ростов-на-Дону, 2017. С. 77-82. О творчестве Г. Уэллса как фантаста и о его романе «Когда спящий проснется».
3. Эстетическая скука // Приазовский край. 1911. 17 июля. О творчестве Г. Д'Аннунцио и специфике его литературного эстетизма.
4. Бутафория ужаса // Приазовский край. 1912. 19 февраля; М.С. Шагинян. Статьи. Письма. Ростов-на-Дону, 2017. С. 82-89. Об издательской серии «Библиотека ужаса», выпускавшей переводные романы А. Люпена и А. Буассьера.
5. Роковые странствия // Приазовский край. 1912. 20 августа. О романах С. Лагерлеф в целом и о «Сказании о Гесте Берлинге», в частности.
6. Тягость жизни // Приазовский край. 1912. 16 сентября. О романе Пшибышевского «Сумерки».
7. Вечная сказка // Приазовский край. 1912. 21 октября. О сказке «Ватек» лорда Бекфилда.

8. История одного одиночества // Приазовский край. 1912. 16 декабря. Очерк жизни и творчества Ж. де Нервала.

9. Новеллы итальянского Возрождения // Приазовский край. 1913. 7 февраля. О сборнике итальянских новелл, написанных до выхода «Декамерона» Боккаччо и после него и изданных в России впервые.

Литературно-философские эссе

1. Пирог сапожника // Приазовский край. 1911. 19 марта.

2. Человек экстремы // Приазовский край. 1911. 8 мая.

3. Борьба духов // Приазовский край. 1911. 7 июня; М.С. Шагинян. Статьи. Письма. Ростов-на-Дону, 2017. С. 38-43.

4. Чистое искусство // Приазовский край. 1911. 22 июня; М.С. Шагинян. Статьи. Письма. Ростов-на-Дону, 2017. С. 71-77.

5. Мистика дали // Приазовский край. 1911. 9 августа.

6. Шерлок Холмс и суд присяжных // Приазовский край. 1911. 1 декабря.

7. Человек и его рука // Приазовский край. 1911. 15 декабря.

8. Новая книга Д. Философова // Приазовский край. 1912. 26 января; М.С. Шагинян. Статьи. Письма. Ростов-на-Дону, 2017. С. 46-56.

9. Образы прошлого // Приазовский край. 1912. 29 февраля.

10. Звук и слово // Приазовский край. 1912. 21 марта; М.С. Шагинян. Статьи. Письма. Ростов-на-Дону, 2017. С. 96-105.

11. Тоска по быту // Приазовский край. 1912. 19 апреля.

12. Ницше и античность // Приазовский край. 1912. 10 июня.

13. Соблазн пустого места // Приазовский край. 1912. 8 июля.

14. Человеколюбие и человекоборчество // Приазовский край. 1912. 1 августа.

15. Слепая любовь // Приазовский край. 1912. 18 ноября.

16. Героизм и дендизм // Приазовский край. 1913. 17 марта.

17. Модное язычество // Приазовский край. 1913. 5 мая.

18. Конкурс Наполеонов // Приазовский край. 1913. 16 июня.

19. Достоевский и Россия // Приазовский край. 1913. 13 октября.

20. «Арийское изуверство». Этнологическая справка // Приазовский край. 1913. 3 ноября.

21. Шекспир и Толстой // Приазовский край. 1914. 6 июля.

О музыке и музыкантах

1. «Прометей» Скрябина // Приазовский край. 1913. 6 января; М.С. Шагинян. Статьи. Письма. Ростов-на-Дону, 2017. С. 105-112.

2. Метнер Н. // Приазовский край. 1913. 17 февраля.

3. Бетховен. К концертам Кусевицкого. // Приазовский край. 1913. 24 марта.

4. Музыкальные новости // Приазовский край. 1914. 9 марта. О новых произведениях Скрябина, Рахманинова, Метнера.

Художественная критика

1. Культура и варварство // 1912. 3 апреля; М. С. Шагинян. Статьи. Письма. Ростов-на-Дону, 2017. С. 89-96. О выставках художников-модернистов.

2. Лубочный кризис // Приазовский край. 1912. 27 июня. Об эстетике лубка как картинок для народа, о содержании и смысле, ими транслируемых.

3. Художественные новости // Приазовский край. 1913. 19 мая. О творчестве И. Левитана в связи с выходом альбома его репродукций.

О театре, кинематографе и прочем

1. Обновленный Гамлет // Приазовский край. 1912. 15 января; М.С. Шагинян. Статьи. Письма. Ростов-на-Дону, 2017. С. 112-119. О постановке шекспировского «Гамлета» в МХТ и Гамлете-Качалове.

2. Прок науки // Приазовский край. 1912. 19 июля. О деятельности общества любителей художественного слова в Петербурге.

3. Синемаграф // Приазовский край. 1913. 23 февраля.

4. Два театра. Части 1-2. М.С. Шагинян. Статьи. Письма. Ростов-на-Дону, 2017. С. 119-135.

И.В. Савчук (г. Старая Русса)

М.С. ШАГИНЯН И С.В. РАХМАНИНОВ, «СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК» – ОСОБЕННОСТИ ТВОРЧЕСКОГО ОБЩЕНИЯ

*И серебряный месяц ярко
над серебряным веком стыл...*

А. Ахматова

Серебряный век... Если произнести это медленно и тихонько прислушаться..., то в глубине души прозвенит колокольчик. Серебряный век ассоциируется в нашем сознании с чем-то возвышенным и прекрасным, это период расцвета духовной культуры: в по-

эзии, в прозе, живописи и музыке. Серебряный век русской культуры считается одной из самых утонченных эпох, это целое созвездие поэтов, музыкантов. Конец XIX – начало XX века в истории русской культуры принято называть Русским Ренессансом или, в сравнении с золотым пушкинским веком, серебряным веком русской культуры. Именно в этот период родились новые литературные жанры, обогатилась эстетика художественного творчества, прославилась целая плеяда выдающихся просветителей, деятелей науки, писателей, поэтов, художников, композиторов. Среди них - М.С. Шагинян и С.В. Рахманинов.

Творческий путь Мариэтты Сергеевны Шагинян берёт начало в период Серебряного века русской поэзии: в круг ее общения входили Владислав Ходасевич, Андрей Белый, Зинаида Гиппиус, Дмитрий Мережковский и др. В 1909 году М.С. Шагинян выпускает свой первый поэтический сборник «Первые встречи». 1913 год обозначен в ее жизни выходом второй книги стихов — «Orientalia» с посвящением Сергею Васильевичу Рахманинову. М.С. Шагинян была известной поэтессой Серебряного века. Ее стихотворения пользовались такой популярностью, что чуть ли не вся Россия повторяла строки из ее «Orientalia» «Девы нет меня благоуханней». В свое время писательница была известнее Марины Цветаевой. Поэтесса Серебряного века, первый советский писатель-фантаст, искусствовед, журналист – десятки лет она публиковалась в газетах «Правда» и «Известия», русская советская писательница армянского происхождения, прозаик, историограф, Герой Социалистического Труда, член-корреспондент АН Армянской ССР, лауреат Сталинской премии третьей степени и Ленинской премии. Ее литературное творчество, наполненное светом, добром, стремлением к переустройству мира на справедливых началах, было для нее духовной потребностью. Творчество М.С. Шагинян отличалось политической целеустремленностью, практическим жизненным опытом. Она постоянно училась, как теории, так и на практике. Творчество М.С. Шагинян – удивительное явление в русской литературе XX века. Литературная деятельность ее продолжалась свыше семидесяти лет. М.С. Шагинян примечала все интересное, доброе, прекрасное в жизни. Музыка была неотъемлемой частью ее духовного богатства. Ее творчество выделяли яркий писательский талант и

неиссякаемая жажда познания, творческое долголетие писательницы.

Одним из ярчайших выразителей передовых общественных устремлений в музыкальном искусстве серебряного времени был Сергей Васильевич Рахманинов. В его творчестве нашли отражение многие важнейшие темы, которые волновали лучших представителей русской художественной культуры того времени. С.В. Рахманинов продолжал отстаивать реалистическое искусство, отличался наибольшей творческой активностью. Он не только ежегодно создавал новые сочинения, но и вел интенсивную исполнительскую деятельность. Творческая активность С.В. Рахманинова в отстаивании реалистических традиций породила острую полемику в прессе. Как писала М.С. Шагинян: «У С.В. Рахманинова нет интереса к мистическим прозрениям, он весь на земле. Темы его или задушевные, или трагичны, но всегда бесхитростны. «Я хочу быть человечной» – упорно говорит его музыка». Вся история жизни и деятельности С.В. Рахманинова свидетельствует, что он был достойным сыном Серебряного века, представителем высокой духовности и нравственности, высоких общечеловеческих ценностей. Его сложный и уникальный творческий путь – образец служения Отечеству, Богу, людям, верности и преданности традициям русской музыкальной культуры. Подтверждением этого являются его слова: «в моих собственных сочинениях я не сделал сознательных усилий быть оригинальным, или романтиком. Я просто записывал на бумагу как можно естественнее ту музыку, которую слышал внутри себя. Я – русский композитор, моя родина определила мой темперамент и мое мировоззрение. Моя музыка – детище моего темперамента, поэтому она – русская» [1, с. 4].

Мариэтта Сергеевна Шагинян – поэтесса и писательница, была одной из немногих, которую Сергей Васильевич допустил в свой внутренний мир, с которой был искренним, простым, умным, веселым, настоящим. Писать о С.В. Рахманинове – большая ответственность. М.С. Шагинян сообщала: «Он был глубоко целомудрен, и это качество я ценила в нем больше всех остальных. Он был целомудрен в духовной области, в области мыслей и идей» [2, с. 130]. В феврале 1912 года Сергей Васильевич Рахманинов выехал на гастроль в Петербург, где через месяц исполнялось 15 лет со дня

провала его Первой симфонии. М.С. Шагинян пишет в своих воспоминаниях: «Именно тогда, в февральский метельный вечер, я и решила написать ему и послать письмо вдогонку в Петербург, вложив в это письмо всю веру в него, какую мы испытывали». С.В. Рахманинов, почувствовав волну нежности от московской молодежи, сразу же ответил на письмо с добротой и мягким чувством юмора. С тех пор и началась теплая и неравнодушная переписка между «Re» – М.С. Шагинян и С.В. Рахманиновым.

Отрывок из пятого письма С.В. Рахманинова: «Научите меня в себя верить, милая Re! Хоть наполовину так, как Вы в меня верите. Если я когда-нибудь в себя верил, то давно – очень давно – в молодости! Недаром за все эти двадцать лет моим, почти единственным, доктором были: гипнотизер Даль, да две моих двоюродных сестры. Все эти лица или, лучше сказать, доктора учили меня только одному: мужаться и верить» [3, с. 513]. Композитор неоднократно обращался к «Re» с просьбой о рекомендации стихотворных текстов русских поэтов для его романсов.

Роль Мариэтты Сергеевны Шагинян в период, охваченный их перепиской, ее живое участие в творческой жизни композитора, – это роль доброго ангела, поддерживающего у композитора веру в свои силы. На первое письмо Мариэтты Сергеевны С.В. Рахманинов ответил быстро, хоть и сославшись на занятость: «Милая Re, благодарю Вас за Ваше милое письмо, которое вчера получил. Охотно готов с Вами разговаривать, – но я так занят, у меня так много всяких дел, разъездов, и я так устаю, что разговаривать могу только изредка».

И переписка продолжилась: М.С. Шагинян пишет С.В. Рахманинову о музыке и искусстве, она обладала знаниями в этих областях, хорошим стилем изложения и очень тонкой душевной организацией. И уже 15 марта 1912 года С.В. Рахманинов обращается к ней с просьбой: «Милая моя Re, Вы на меня не рассердитесь, если я обращусь к Вам с просьбой? Мне нужны тексты к романсам. Не можете ли Вы на что-либо подходящее указать? Мне представляется, что «Re» знает много в этой области, почти все, а, может быть, и все...» [3, с. 509-510]. М.С. Шагинян посылает композитору список, а в письме к ней от 19 июня 1912 года он сообщает, что закончил свои новые романсы и «около половины из них написаны на

стихи из Вашей тетради». С.В. Рахманинов перечисляет: А. Пушкин «Буря», «Арион» и «Муза»; Ф. Тютчев «Ты знал его», «Сей день я помню»; Я. Полонский «Музыка», «Диссонанс»; А. Хомяков «Воскресение Лазаря»; А. Майков «Не может быть»; А. Кофинский «В душе у каждого из нас», К. Бальмонт «Ветер перелетный» ... Это творческое сотрудничество вдохновляет композитора, он признается в письмах, что всеми романсами в общем доволен и бесконечно радуется, что дались они ему легко, без большого страдания. Мариэтте композитор посвятил всего один из романсов, зато какой – «Муза», на стихи А.С. Пушкина.

М.С. Шагинян и С.В. Рахманинов принадлежат к эпохе величайшего расцвета русского искусства – к эпохе, как ее называют, Серебряного века. Они родились в один день 2 апреля, творчески работали. В необыкновенном серебряном «рахманиновском» звуке была трогательная нежность и титаническая мощь. Своеобразие и тонкость эмоционального наполнения музыки С.В. Рахманинова, лирическая направленность музыкального содержания его творчества, стремление композитора к психологической детализации, стилевые особенности его авторской мотивно-интонационной системы позволяют рассматривать наследие С.В. Рахманинова как характерную и органическую часть культуры Серебряного века. Как много нового внес серебряный век поэзии в музыку, какая огромная проведена работа, сколько создано новых слов, ритмов, кажется, произошло единение музыки с поэзией. Это действительно так, так как многие стихи поэтов Серебряного века переложены на музыку С.В. Рахманинова.

М.С. Шагинян и С.В. Рахманинов оставили великое творческое наследие, которое и сегодня для нас является источником радости и эстетического наслаждения.

Литература

1. *Брянцева В.* Фортепьянные пьесы Рахманинова. М., 1966.
2. *Шагинян М.С.* Воспоминания о С.В. Рахманинове // Воспоминания о Рахманинове: в 2 т. Т. 2. / Составление, редакция, примечания и предисловие З. Апетян. М., 1961.
3. *Шагинян М.С.* Человек и Время. История человеческого становления. М., 1980.

**МАРИЭТТА ШАГИНЯН – ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ –
СЕРГЕЙ РАХМАНИНОВ: ЗАГАДКА «КРЫСОЛОВА»**

Разговор на заданную тему, предполагающую в своей формулировке некую тайну, хочется начать с самых конкретных определений многогранного облика Мариэтты Шагинян, запечатленных в изящной пародии известного остроуслова минувшего века Александра Архангельского:

Широту ее размаха
Не уложишь в песчий лист:
Поэтесса, лектор, пряха,
Шерстовед и романист.

Эту восторженно-ироничную характеристику нашей легендарной землячки можно дополнить, назвав ее не только творцом литературных опусов в разнообразных жанрах, но и вдохновительницей многих ярких художественных замыслов, осененных именами ее современников. По отношению к С.В. Рахманинову как к музыкальному кумиру восторженной меломанки и герою одного из ее эпистолярных романов это утверждение, принадлежащее современным критикам, представляется наиболее убедительным и объективным, поскольку хорошо известно, что без творческого соучастия писательницы и ее активного воздействия на эстетические пристрастия композитора его знаменитый 38-й романсовый опус мог бы обрести совсем иные очертания или же вообще не случиться.

Столь интенсивная степень вторжения в композиторскую лабораторию и вполне заслуженное писательницей право на причастность к творчеству композитора были predeterminedены эпохой ее юности, когда, по свидетельству Мариэтты Сергеевны, музыкальное искусство считалось не столько видом узко-профессиональной деятельности, сколько «неотъемлемой составной частью всей культуры»: «из “обязательного” предмета образования и воспитания музыка уже превратилась для нас в потребность» [1].

Нельзя не отметить, что характерная для того времени система эстетического воспитания подготовила «юную декадентку» к ведению вполне профессионального и аргументированного диалога с композитором. Как писала Мариэтта Сергеевна в воспоминаниях, «получив в школе знание музыкального языка и умение постигать логику его развития, воспитав свой слух и музыкальный вкус», она рано определила для себя основной лейтмотив, связавшей ее с Рахманиновым «дружбы в письмах» и главный оценочный критерий, основанный на характере воздействия музыки на публику. Бесспорно, с лихвой оценив в своей корреспондентке это качество и вновь ощутив его во время личных встреч в Москве и Подмосковье, в Ростове и Нахичевани, композитор без колебаний прибегнул к помощи Мариэтты Сергеевны в качестве «текстмейстера», как сама она шутливо определила эту бесспорно почетную и важную роль.

Подлинная история сотрудничества С.В. Рахманинова и М.С. Шагинян в этой области подробно освещена самой писательницей и хорошо известна. Но несмотря на это прямая обусловленность такого обращения композитора с подобной просьбой непосредственно к Мариэтте Шагинян как законной наследнице Серебряного века требует отдельного обоснования. И в связи с этим выбранный ею из числа многих других стихотворений и ставший основой признанного самим композитором одним из лучших в цикле романсом текст «Крысолова» неожиданно обнаруживает автобиографическую направленность по отношению к самой Мариэтте Шагинян.

Несомненно, что в пору своего литературного становления начинающей писательнице пришлось вполне спонтанно, можно сказать, неосознанно примерить на себя сюжет старинной немецкой легенды в символистской версии основоположника данного направления Валерия Брюсова: она сама испытала на себе власть магии и чародейства современной поэзии, восторженно и любовно следуя за поэтической свирелью Зинаиды Гиппиус и Андрея Белого, Игоря Северянина и Александра Блока. Зачарованная сказочными звуками, она, по примеру пушкинской Татьяны, как отмечали затем критики, изливала восхищение и преданность поэтическим идеалам своих кумиров в письмах к самим поэтам, с которыми тогда не была знакома лично. Но что еще дороже – пребывая в замороженном

состоянии, юная почитательница проявляла небывалую чуткость литературоведческого слуха и остроту стиливого чутья, что с благодарностью и без тени снобизма оценили сами прославленные адресаты. «Мне казалось, когда я читала Ваше письмо, что Вы поняли всё, что я... не писала, а думала и чувствовала, когда писала... Вы подслушали мою душу» [2], – именно так, а не иначе, искренне и сердечно откликнулась на послание «пылкой и безумной Мариэтты» и с готовностью отозвалась на ее приглашение к эпистолярному диалогу Зинаида Гиппиус, для которой эта, по ее словам, «умная, религиозная и легкомысленная девушка» очень скоро стала «своим домашним человеком в достаточно сложном и закрытом для посторонних триумвирате Гиппиус – Мережковский – Философов» [3]. Охотно отозвавшись на послание незнакомки, написанное «в том же пылу духовных исканий», русский мыслитель С.Н. Булгаков искренне признавался: «Я никогда (кроме, может быть, самого раннего детства) не имел такой чистой и нетронутой души, открытой Богу...» [цит. по: 3]. Столь же непосредственно завязав с юной корреспонденткой «роман в письмах», Андрей Белый сам предложил ей «писать друг о друге другу» [цит. по: 3].

Но все это – прямое свидетельство того, что тонкая эрудитка и интеллектуалка не просто покорно подчинялась колдовскому зову символистской дудочки – она проявляла недюжинный аналитический дар и не славословила, и не тонула в сентиментальных междометиях, а подмечала главное. Так, в поэзии тогда еще очень молодой Марины Цветаевой начинающая исследовательница среди множества тональностей сумела различить одну, важную и не замеченную другими современниками – ту, в которой звучала не слышанная многими напевная колыбельность и материнская нежность Марины: «Но знаю, что только в плену колыбели обычное – женское – счастье мое!».

И все же вовсе не цветаевский стихотворный сказ о гамельнском флейтисте, уводящем крыс и детей – притчу, разросшуюся до масштабов социальной драмы, а загадочно-манящую версию этого же сюжета, изящно сплетенную Валерием Брюсовым, сумеет выбрать Мариэтта Шагинян в качестве литературного первоисточника романса и предложить его С.В. Рахманинову, исходя из природы композиторского стиля. И С.В. Рахманинов примет этот щедрый

дар, значительно преобразовав его музыкальными средствами. И сам стих раздвинет смысловые границы, включив в себя автобиографический мотив, связанный теперь уже с жизнью и личностью В. Брюсова, воплотившего в реальности черты Орфея и Дон Жуана. И впоследствии образ рахманиновского Крысолова невольно отзовется в лирических строчках Андрея Вознесенского: «Я – вечный Твой поэт и вечный Твой любовник».

А кто он еще в этой музыкальной транскрипции – ловец человеческих душ, дьявол-искуситель? В рахманиновской интерпретации Крысолов – соблазнитель поневоле, не всегда способный управлять силой своих чар, скорее не разрушитель, а созидатель, творец особого звукового пространства. И не случайно автор не только вокальных, но и симфонических шедевров так необычно «оркеструет» свирельный наигрыш Крысолова: он явно поручается не солирующему инструменту, а целой группе деревянно-духовых тембров, изящно «разместившихся» в фортепианной фактуре и тонко симитированных роялем. В этом звучании легко распознать и звон волшебных колокольчиков, и напоминающий бубенчики хрустальный смех эльфов, к слову сказать, также проявлявших склонность к похищению детей...

И все же Крысолов С.В. Рахманинова – не похититель и не поработитель, и не коварный Мефистофель в обличье простодушного пастушка, заманивающий доверчивую девушку и отпускающий ее... к овечкам. Согласно утверждению Ю.В. Келдыша, это решенный в романтических традициях «...образ поэта, который чарует и завораживает все живое, но сам остается одинок и чужд людям» [4].

Несомненно, что для С.В. Рахманинова, особенно ценившего М.С. Шагинян за то, что она «не крайняя», и избегавшего художественных излишеств и слепого следования моде, погружение в поэтику символистов, которых, по признанию М.С. Шагинян. «он не очень жаловал» [1], было процессом не простым и не одномоментным. «Присланную Вами «Антологию» получил. Немного мне там понравилось! От большинства же стихотворений я в ужасе» [5, с. 427], – откровенно признавался в письме к своей «милой Re» композитор. Сама же она, со временем покаявшись в «ребяческих намерениях “воспитывать”» автора «Колоколов» и «Всенощной», не

могла все же удержаться от утверждения своей победы в эстетическом споре с Мастером. «...Я все же старалась заставить его кое-что оценить и в них. «Крысолова» В. Брюсова, «Сон» Ф. Сологуба, «Ивушку» А. Исаакяна в переводе А. Блока и ряд других романсов он создал по переписанным и приготовленным мною для него текстам. Обычно я старалась «начитать» их для него графически: давала рисунок ритма стиха, рисунок интонационного движения стиха, раскрывала с помощью этих рисунков заложенную в самом стихотворении его собственную мелодию» [1]. Активная вовлеченность «вдохновительницы» в творческий процесс, бесспорно, вдохновляла композитора на новые жанровые поиски.

Однако в ор. 38 под названием «Шесть стихотворений» С.В. Рахманинов не только передал поэзии право управлять музыкой и создал новый для себя жанр «стихотворения с музыкой», но и воплотил важнейшие эстетические положения поэтов-символистов и, в первую очередь, идею творческого всеисилия, всевластия художника, провозглашенную Александром Блоком:

Верь лишь мне, ночное сердце, я – Поэт!
Я какие хочешь сказки расскажу,
Я какие хочешь маски приведу.

Но в условиях символистской эстетики создатель поэтической звукописи не только могущественный теург, властитель мира, он еще и наивное, беззаботное дитя, сотворяющее свой мир по законам беззакония или, если прибегнуть к тютчевской строке – «как бы резвяся и играя». Именно так озаглавит одну из своих статей о русской поэзии известный критик и ученый Г.М. Кружков, для которого поэты-символисты – это дети, «своевольные, непослушные, нарушающие запреты», поскольку «человеком владеют две противоположные силы: послушание и своеволие», а «нарушение запретов было нормой поведения поэта в эпоху символизма», «ведь своеволие – единственная закваска творчества...» [6, с. 204]. Автор этой концепции не прибегает к подробным доказательствам, а исходит из того, что «...в рамках строгого послушания можно написать разве что проповедь, да и то вряд ли. А поэзия требует противоречия, мятежа» [там же]. Вот почему и в стихотворении В.Я. Брюсова, насмешливо затаившем в себе художественную про-

грамму целого поэтического направления, и безхитростный свирельный напев на «тру-ля-ля», и сам загадочный дудочник сопряжены не с образами детства, земными, обывовленными, а с ощущением «детскости» как простой и емкой метафоры творческого своеволия, которую С.В. Рахманинов перелет в полновесную музыкальную формулу, способную в границах лаконичного текста подвергаться симфоническому развитию, переливаясь разными гранями и принимая различные обличья.

Легкий колорит детскости, хрупкость игрушечного мира, безусловно, ощущаются и в словесной и в музыкальной конструкции «Крысолова». Но эта незащитная «невсамделишность» отнюдь не оспаривает могущества Мастера, кем бесспорно является главный герой произведения. И в статье, посвященной семантическому анализу этого маленького шедевра, Н.Ю. Волкова, проявив исследовательскую наблюдательность, отмечает интонационное сходство лейтмотива дудочки с темой 24-го каприза Н. Паганини. Однако параллель с легендарным скрипачом может ассоциироваться не обязательно с «бесовской силой», как предполагает музыковед, но и с творческой свободой как апогеем внутренней раскрепощенности. Однако, сближая основное действующее лицо с демоном, все живое обрекающим на гибель и обручающим невинную жертву со смертью [7], автор публикации в своей трактовке содержания достигает предельной концентрации трагического, оставив без внимания другую образную грань, соединенную с младенческой беззаботностью. Кроме того, интерпретируя данное сочинение, как это делает автор статьи, согласно его определению, исключительно в «сакрально-мистическом ключе» [7], приходится обходить стороной ту быстроту и легкость, с которой композитор осуществляет образно-смысловые модуляции: юный дудочник незаметно завлекает доверчивую селянку в темные дебри ночных страстей, но так же стремительно и просто возвращает ее к утреннему свету и пасторальному покою. И в этих переходах от простоты к мистике нет искусственной нарочитости и драматических противоречий, как нет их и в тембровом и тесситурном решении вокальной партии: в самой предназначенности ее высокому женскому голосу исследователь усматривает скрытый иронический смысл, который противоречит смыслу заявленной метафоры. Зато кристальный тембр

лирико-колоратурного сопрано точно соответствует смысловому стержню центрального образа: парящая в свободном полете созидаящая душа поэта остается вечно юной! Однако этой крылатой душе подвластны и те глубины бытия, в которые она погружается в надежде вновь воспарить ввысь.

Но как определить ту середину, где можно по законам естества отыскать истину? Путь к ней, как правило, прокладывает исполнитель, и порой так же просто, легко и убедительно, как это делает за счет тембровых красок, штрихов и фразировки С.Я. Лемешев, достигавший полной гармонии в сочетании разнообразных и даже противоречивых черт своего героя.

Литература

1. *Шагинян М.С.* Воспоминания о С.В. Рахманинова // Воспоминания о Рахманинове: в 2 т. / Гос. центр. музей муз. культуры им. М.И. Глинки; сост., ред., примеч. и предисл. З.А. Апетян. 3-е изд. М., 1967. Т. 2. URL: <https://senar.ru/memoirs/Shaginyan/> (Дата обращения – 01.03.2023.)

2. Зинаида Николаевна Гиппиус. Новые материалы. Исследования. М., 2002. URL: <https://elib.natlibraryrm.ru/lib/document/svod/00ab43e8-d271-42cb-bf0a-bb4ce95bc6fd/dzen.ru/a/YtAYvhrxOnpy5FZv> (Дата обращения – 23.03.2023.)

3. Надо просто написать письмо – epistularum URL: <http://cambria-1919.livejournal.com/61809.html> (Дата обращения – 13.03.2023.)

4. *Келдыш Ю.В.* Рахманинов и его время. М., 1973. URL: <http://lib.kmv.ru/catalog/title/95709/> Дата обращения – 12.03.2023.)

5. *Рахманинов С.В.* Письма. М., 1955.

6. *Кружков Г.М.* «Вакханалия» Б. Пастернака: опыт прочтения // Знамя. 2020. № 1. С. 200-205.

7. *Волкова Н.Ю.* Романс С.В. Рахманинова «Крысолов» (ор. 38): опыт семиотико-семантического анализа // Культура и искусство. 2017. № 7. С. 74 - 86. DOI: 10.7256/2454-0625.2017.7.22166 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=22166 (Дата обращения – 03.02.2023).

**НА ПЕРЕКРЕСТКАХ ПОЭЗИИ «СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА»:
М.С. ШАГИНЯН И ИГОРЬ СЕВЕРЯНИН (И.В. ЛОТАРЕВ)**

Мариэтта Сергеевна Шагинян (1888-1982) – известная писательница XX столетия, начала свое творчество в период расцвета эпохи «Серебряного века» с книг стихов «Первые встречи» (1909), «Orientalia» (1913, вышло 7 изданий), автор более 70-ти книг прозы, публицистических очерков и воспоминаний «Человек и Время». Нам представляется актуальным анализ многогранной деятельности М.С. Шагинян, в том числе на поприще литературно-художественной критики эпохи «Серебряного века», непосредственным представителем которой она являлась с 1909 по 1918 гг., иногда ее современники, ценители поэзии ставили ее даже выше М. Цветаевой. Предварительный анализ современной литературы показал, что в историографии этой конкретной проблемы наметился новый дискурс. Особенно интересны оценки ее деятельности как литературного критика в газете «Приазовский край», в публикациях Н.В. Самариной. Нами предлагается рассмотреть это направление ее деятельности непосредственно на примере литературной критики поэзии Игоря Северянина.

Игорь Северянин (псевдоним поэта; его настоящее имя – Лотарев Игорь Васильевич (1887-1941) – потомок Н.М. Карамзина по материнской линии, весьма популярный и модный в России и за рубежом поэт с 1905 по 1940 гг., декламатор своих стихов в специальных новых форматах «поэзо-концертов» (известно о более 135 их с его личным участием с 1913 по 1918 гг.) [1, с. 307-310]. Интересно, что пик поэтического творчества М.С. Шагинян и ее признание публики пришлось на 1909-1914 гг. Так случилось, что ее стихи «Воскресенье» были напечатаны 6 апреля 1914 г. в пасхальном номере газеты «Утро России» рядом со стихотворением Игоря Северянина «Регина».

Вернувшись из столицы в Нахичевань-на-Дону, она активно работала в редакции ряда газет, особенно в популярной на Юге России газете «Приазовский край». Позднее о своих статьях М.С. Ша-

гинян вспоминала: «Я писала одним махом, одним дыханьем. Черновики прямо отсылала в «Приазовский край»...»

Там же был опубликован ее глубокий аналитический очерк-рецензия о поэзии популярного уже тогда поэта Игоря Северянина, лидера модных и скандальных поэтов-«футуристов» и «эгофутуристов». Этот очерк отличался глубоким пониманием своеобразия и универсальности поэзии нового не признанного пока «гения» [2]. Его популярность яркой вспышкой осветила российский поэтический небосклон именно с 1909 по 1918 гг., вызвала массу дискуссий и крайних мнений, как читающей публики так и литературных критиков [3]. Включаясь в дискуссию, она писала: «Чего только ни наговорили об этом поэте! Федор Сологуб любит его за «дерзание», Корней Чуковский за «коконтес и виконтес», которых он считает наиболее характерными для «изысканного упадочника», т.е. декадента, Северянина. Принято нынче всюду, говоря о нем, прибавлять «но, конечно, он очень талантлив...».

Для читающей публики М.С. Шагинян внимательно и с большим тактом и уважением разбирает основной и самый популярный тогда сборник Игоря Северянина – «Громокипящий кубок», вышедший в свет в 1913 г., и к 1915 г. выдержавшего уже девять переизданий. Не могу отказать себе в удовольствии воспроизвести большой отрывок из этой статьи: «...Его книгой «Громокипящий кубок» обновился старый «Гриф», – московское книгоиздательство, давно уже помалкивавшее; издавая ее, оно как бы записало в восприимчивости футуризма волну русской символистской поэзии, именовавшуюся «декадентством». Первым и наиболее главным из отрицательных явлений, мешающих читателю ознакомиться с И. Северяниным, надо признать кличку футуризм и футуристскую рекламу. Большинство приступающих к чтению «Громокипящего кубка» ищет в нем сенсаций, чего-нибудь забавно-предосудительного, дразнения, а также и той болезненной истерики, которая столь часто дразнением вызывается. Наиболее искренние из называющих себя «футуристами» находятся сейчас на положении своего рода пушных зверьков, которых публика всячески гладит против шерсти, дабы вызвать рычанье и царапанье. Следы такой болезненной «непокорности» имеются в «Громокипящем кубке», но их мало, и они не существенны. Этот настоящий лирический сборник, заслу-

живающий настоящего и серьезного внимания, никоим образом не следует читать как нечто футуристское. Рекомендую моему читателю забыть сейчас все клички, все невежественные и наивные теоремы футуристов и вместе со мною отдаться удовольствию перебрать несколько прекрасных стихотворений, удовольствию, в наше время ставшему редким. Всякого поэта, большого и малого, в поэзию, как в рыцарство, должна посвятить любовь. Не потому ли мы переживаем наиболее бедное лирикой время, что наши многочисленные стихотворные таланты успевают только писать, окончательно разучившись углубленно переживать? К чему они должны непременно писать, и непременно в стихах, а не в прозе – загадка и для читателя, и для них. Подобной «загадки» не существовало ни для Игоря Северянина, ни для его внимательного непредубежденного читателя: автор «Громокипящего кубка» не мог не писать в стихах, ибо он любил. Первый отдел его книги называется «Сирень моей весны». В этом отделе происходит посвящение поэта в поэзию любовью; каждая строка тут автобиографична, по крайней мере, так убежденно чувствует читающий.

Очам твоей души – молитвы и печали.
Моя болезнь, мой страх, плач совести моей;
И все, что здесь в конце, и все, что здесь в начале, –
Очам души твоей...

Ну, что здесь футуристского? А между тем этим стихотворением начинается сборник. Автора <сердце?> совсем молодое, умеющее любить и страдать, самоуверенное, но и трогательное в своей смиренности существо, дерзкое перед чужими, кроткое перед любимыми, и, главное, – до зависти, до странности, не по-петербургски, – откуда оно для всех нас возникло, – молодое. В то время как стихотворные складки нашей безукоризненной молодежи ложатся постарушечьи сморщенно, строфы аккуратны и безобидны, темы до тошноты скучны – и это при всех потугах на юность и стихийность, у Игоря Северянина нет ни одного скучного стиха и ни одной старческой гримасы во всем сборнике, даже там, где он, к сожалению, начинает уже писать не просто, а как бы для иллюстрации футуризма.

Далее М.С. Шагинян отрицает субъективные обвинения в сторону поэта: «...Чуковский видит в Северянине городского поэта, поэзера, влюбленного в файф-о-клоки, автомобили, кокоток и т.д. Это абсолютно неверно. Игорь Северянин глубоко чувствует деревню, знает и видит ее и, когда о ней пишет, выбирает нежные и верные слова; посмотрите, например:

Люблю октябрь, угрюмый месяц,
Люблю обмершие леса,
Когда хромает ветхий месяц,
Как половина колеса...

Занимаясь уже тогда серьезно поэзией и биографией И. Гете, М.С. Шагинян подмечает: «...Замечательно по своей светлости и свежести стихотворение «Маргаритки», которое так и тянет сравнить с гетевской «Майской песнью», читатель, конечно, не посетует на меня, если я приведу это стихотворение целиком:

О посмотри! как много маргариток –
И там, и тут...
Они цветут; их много: их избыток;
Они цветут.
Их лепестки трехгранные – как крылья,
Как белый шелк...
Вы – лета мощь! Вы – радость изобилья!
Вы – светлый полк!

Каждое стихотворение, каждое слово говорит о верном чувствовании и свежем радостном взглядывании поэта в мир. Надо признать, что даже там, где Северянин, заключенный в городе, волея-неволей поет город, он воспевает, даже в специфически городском, косвенные отражения природы и находит эпитеты всегда живые, органические, растительные, земляные, а отнюдь не механические. Вот несколько образчиков этого: у автомобиля он берет не его машинные характеристические признаки, а такое, в сущности говоря, случайное свойство, как материал, – то, что он из клена: «...сел на сером клене в атласный интервал»; далее мотор прямо называется кленоходом: но не довольствуется растительным сравнением. Северянин окончательно анимизирует автомобиль: «шоффер» – мой

клевет – коснулся рукоятки, и вздрогнувший мотор, как жеребец заржавший, пошел на весь простор»... «Цилиндры у него «солнце-веют», дамская венгерка – комичного цвета, коричнево-белковая и т.д. Но то что, безусловно, отличает Игоря Северянина от громадной массы современных поэтов, как футуристского, так и прочего толков, это элемент подлинной лирической скорби, обостряющейся иногда до трагизма, и при этом не высосанной из пальца и взятой напрокат у соседа (как ныне практикуется), а рожденной собственным опытом, перенесенной душою, как болезнь, простой и оригинальной, как и все настоящее. Все истинные стихи – биография; жутко-интимные и стихи «Громокипящего кубка»: из них можно вычитать целый рассказ о любви автора. Я попытаюсь сделать это для читателя.

О, моя дорогая! ведь теперь еще осень, ведь теперь еще осень...
А увидеться с Вами я мечтаю весною, бирюзовой весною.
Что ответить мне сердцу, безутешному сердцу,
если сердце вдруг спросит?..

Но что произошло меж нею и поэтом? Так любима, что даже разлука становится для него источником духовных откровений и близости:

Найти друг друга, вот отрада!
А жизнь вдвоем – предтеча тьмы...
Нам больше ничего не надо:
Лишь друг вне друга – вместе мы!»

Цикл «Сирень моей весны» заканчивается в числе других стихотворением «Завет», где Игорь Северянин формулирует свой внутренний опыт следующими великолепными по мысли строками:

Целуйте искренней уста, –
Для вас раскрытые бутоны,
Чтоб их не иссушили стоны,
Чтоб не поблекла красота!
С мечтой о благодати Мадонны
Целуйте искренней уста!

Далее, в стихотворении «Завет» следуют строки «прощайте пламенной врагов», «страдайте стойче и святей», «любите глубже и верней, бессмертен, кто любил страдая...». Таково credo родоначальника русского футуризма.

Далее М.С. Шагинян, продолжая анализ и объективную критику, с прекрасным знанием языковых форм констатирует: «...Следующие циклы гораздо совершенней по форме, но, к несчастью, и гораздо нарочитей и скучней первого. С них, собственно, и начинается футуризм Северянина. Он подает читателю «мороженое из сирени», для чего предлагает своему «водопадному сердцу» «зальдиться в душистый и сладкий пушок». Поэт восклицает: «Пора популяризировать изыски, утончиться вкусом народа!». Но посмотрим, какие же изыски он собирается «популяризировать»? Лилия ликеров, фиалковый фиал, качалка грезерки, мечты-сюрпризэрки, омолощенный дым, озерзамок, аллея олуненная, окалошить, омолонить, солнцевеет, лоско, броско, нечно <так!>, зеркалозеро, лес одобренный, слезоем, омаен, освирелься, безслухий и т.д., и т.д. Вот область, где Северянин производит свои «изыски» и где сосредотачивается его изысканность. К изобретаемым новым словам присоединяется славянизация слов романских (офлера, кайзэрка, вирелэ, крем-де-мандарин, эксцессерка и пр.) и наряду с этим романизация слов славянских (пристегивание французских окончаний, итальянское сокращение гласных «*ia*» в «*a*» и т.д. Сюда же принадлежат так ново и непривычно звучащие русскому уху рифмы «констриктор-редактор, фиалково-Пулково, журфикс-кэкс, шелесте-шалости», которым, несомненно, принадлежит будущее. Все эти новшества относятся к технике стиха; что же принадлежит самому Игорю Северянину в области поэтического мелоса, иначе говоря, в чем его собственная песня? Большинство критиков сходится на том, что Игорь Северянин – поэт крайнего декаданта, «ажурности», «грезэрок», «румян», той самой гнили, которую отлагает от себя культура: другие (а с ними вместе, вероятно, и сам поэт), считают его как раз, наоборот, возвестителем конца мира, пророком одичания, бегуном от культуры. Я думаю, песня Северянина – ни о том, и о другом; она поет нам лишь о молодости самого поэта. Мелос Северянина в подлинной его молодости, – как раз в том, чего недостает

сегодняшним старцам, не успевшим даже на вершок перерасти гимназический поупитр.

Увы! – пустынно на опушке
Олимпа грозовых лесов...
Для нас Державиным стал Пушкин...

«...Что же в них наиболее характерно? Явная молодость, радостная воля жить, умение быть молодым... В этом главная прелесть Северянина: «блажен, кто смолоду был молод», и ждал «потрясающих утопий», как «розовых слонов»; но в этом же и главная опасность для поэта: сумеет ли он свою весеннюю ярость прочно и праведно переработать в мужество и показать нам всем, кто дул в его парус, – дух Божий, или только ветер его счастливого утра?».

Этими оценками и пожеланиями М.С. Шагинян завершается очерк-рецензия в газете «Приазовский край». В этом контексте весьма интересно, что ряд «пожеланий» и предвидение М.С. Шагинян в последующим поэт реализовал. В феврале 1918 г. на известном конкурсе поэтов в лектории Политехнического института Игорь Северянин провозглашен «Королем поэтов», немного опередив так же популярного тогда В. Маяковского [4].

Не оставил он своего серьезного поприща, оказавшись с семьей в эмиграции в Эстонии. С 1918 г. до конца жизни в 1941 г. выступал в Европе, выпустил еще целый ряд известных сборников стихов, заслужив уже и мировую известность. Однако особенно пронзительно с конца 1920-х годов в них звучала любовь к России, тоска по Родине и своим коллегам по «поэтическому цеху» [5].

Литература

1. Поэзия Серебряного века: Антология / Статьи и комментарии Б.С. Акимова (серия Библиотека Всемирной литературы). М., 2008.
2. *Шагинян М.С.* Игорь Северянин // Приазовский край. Ростов-на-Дону, 1914, 9 февраля.
3. Критика о творчестве Игоря Северянина. М., 1916.
4. *Петров И.* Игорь Северянин – он тем хорош... что он совсем не то...// Игорь Северянин. Полн. собр. соч. Т. 1. М., 2014. С. 1073-1107.
5. *Терехова В.Н., Шубникова-Гусева Н.И.* Игорь Северянин (серия ЖЗЛ). М., 2017. С. 94-227.

ВЛИЯНИЕ СИМВОЛИЗМА НА ТВОРЧЕСТВО МАРИЭТТЫ ШАГИНЯН

Символизм был одним из первых и наиболее популярных из модернистских поэтических течений в России в конце XIX – начале XX столетий. В нем выделяют два основных этапа. Первый – «старшие символисты», поэты 1890-х годов: В. Брюсов, Д. Мережковский, З. Гиппиус и др. Второй этап развития символизма пришелся на 1900-е годы, когда появились новые образы, что существенно обновило его облик. К младосимволистам относят А. Блока, А. Белого, М. Шагинян.

Эстетика символизма была сформирована благодаря развитию философии: от Платона до Ницше и Бергсона. Традиционным воззрением познания мира в искусстве символисты противопоставили идеи построения мира в процессе творчества. Творчество в их понимании – подсознательно-интуитивное ощущение тайных смыслов, видимое лишь художником-пророком. Символисты считали, что реалистично передать «тайны» невозможно, ведь они где-то летают в воздухе и просто чуть-чуть осязаемы. Они не имеют формы, цвета и вкуса, однако их можно почувствовать. По мнению популярного среди символистов теоретика В. Иванова, поэзия есть «тайнопись неизреченного». Художнику требуется не только сверхрациональная чуткость, но и тончайшее владение искусством намека: выбор стихотворной речи заключался в «недосказанности», «утаенности смысла». И именно символ-ассоциация были основными средствами передачи смыслов [1].

Модернистские течения в искусстве и литературе стремились создать новую философию культуры, выработав новое универсальное мировоззрение.

Преодолев крайности индивидуализма и субъективизма, символисты в начале XX века по-другому поставили вопрос об общественной роли художника, начали движение к созданию таких форм искусства, переживание которых могло бы вновь объединить людей. При внешних проявлениях элитарности и формализма символизм сумел на практике наполнить работу с художественной фор-

мой новой содержательностью и, главное, сделать искусство персонализированным [1].

Особенно заметное влияние символизма на Мариэтту Шагинян оказало знакомство с Зинаидой Гиппиус и Дмитрием Мережковским Стихотворения З. Гиппиус да и сама ее личность казались молодой поэтессе верхом идеала.

Восхищение и теплое отношение к Зинаиде Гиппиус чувствовалось в письмах, вызывая удивленное, но благожелательное внимание опытной женщины-поэтессы. Хоть иногда и З. Гиппиус раздражало боготворение со стороны М. Шагинян: «Конечно, я не сержусь на Вас и Ваше отношение ко мне не считаю смешным... я только считаю его опасным для Вас. Вы так хорошо писали о фетишизме, а теперь вдруг у меня является чувство, что Вы можете сделать меня фетишем. Я Вам говорю это резко, потому что мне кажется – Вы достойны моей откровенности. Любите мое больше меня, любите мое так, чтобы оно было для вас, или стало ваше – вот в этом правда, и на это я всегда отвечу радостью. Любить одно и то же – только это и есть настоящее сближение. Я не люблю быть «любимой», тут сейчас же встает призрак власти человеческой, а я слишком знаю ее, чтобы не научиться ее ненавидеть. Я хочу равенства, никогда не отказываюсь помочь, но хочу, чтобы и мне хотели помочь, если случится. Я хочу равенства. И боюсь за других там, где для меня уже нет соблазна» [2].

Неординарность мыслей и литературная одаренность М.С. Шагинян заставили З.Н. Гиппиус выделить ее из многих начинающих поэтов и писателей, проходящих в дом Мережковских за «благословением»: «Милая Мариэтта! Ну что же мне делать, – да, я продолжаю слушать Вас с величайшим интересом и вниманием, находить, что Вы умная (с удивлением, ибо редко вижу ум у женщины) и... пока больше ничего. Вам кажется, что это мало? А мне кажется, что много. Умные письма от «барышни»! И которая не присылает своих стихов для напечатания! И не спрашивает, что ей «переводить»! И которой я отвечаю – не на карточке и не из вежливости! И с которой я могу не быть безнадежно «любезна» и не спешу проститься с упованием больше не встретиться! Как хотите, это не мало» [2].

В 1909 году петербургская поэтесса ввела свою «подопечную» в круг близких ей литераторов – в салон Вячеслава Иванова, в журнал Поликсы Соловьевой (Аллего) «Тропинка», познакомила ее с Андреем Белым, который в это время не только был постоянным гостем дома Мережковских, но и посвятил Зинаиде Гиппиус свой «Кубок метелей». Она поощряла дружбу М.С. Шагинян со своими сестрами, пыталась «наставлять» ее в ее духовных исканиях, а также в вопросах веры.

В этот же год была опубликована под влиянием новых друзей книга Мариэтты Сергеевны «Первые встречи». Стихи с нотами декадентской поэтики, образами и тонкими ассоциациями. Чувствуется также лирико-пессимистичные мотивы неясной тоски и грусти, говорят о непознаваемости тайн бытия и несбыточности мечтаний о безусловном счастье. Главный герой книги «Первые встречи» находится в «скорбной и тихой печали», – ему известен «обман несбыточных обетов» и «дорога немая безнадежность». Он всего лишь «угрюмый мученик» своей мечты, желающий сбежать от реального мира, отделить себя «заколдованным кругом», где даже сама вечность не имеет власти над ним.

Пейзажи «Первых встреч» покрыты сумраком и призваны быть лишь фоном для беспокойных настроений лирического «я», а окружающий мир тревожен и покрыт тайнами и загадками. «И таинственно, сквозь полог звездный желтый месяц по небу маячит».

Сборник «Первые встречи» получил чувственный и сострадательный отзыв В. Анненского. «Первые встречи» – это лирика мысли ищущей, лирика, рвущаяся на волю из символистской оболочки.

Мистика, отвлеченность, порыв в потусторонний мир, характерные для ранних стихов М.С. Шагинян, то и дело нарушаются громким и требовательным голосом поэта, ставящим прямые вопросы: что же такое мироздание, вечность, что такое человек, в чем смысл существования?».

Общество пыталось всячески бороться с символистами, принижая ценность творцов. Им была присвоена кличка «декаденты», что, по мнению простых людей, должно было их оскорбить, заставить одуматься и скорее избавиться от такого прозвища. Однако символисты не только не были расстроены таким прозвищем, но еще и

сделали его своим вторым именем, гордясь таким вниманием со стороны. Стихи стали называть декадентскими, образ жизни тоже.

Мир, который создавали символисты, был непонятным, чуждым, но при этом многогранным. «Странности» в кругу русских символистов начались еще с его зарождения в мире литературы.

В. Брюсов удивлял своими загадочными речами, не удосуживаясь даже объяснять их. К. Бальмонт своими выходками покорял женщин. Эта действительность, высокопарная, естественно, становилась реальной жизнью.

Так дела обстояли и в Москве, в так называемом «московском символизме». В Петербурге к символистам причисляли себя те, кто тяготел к неотчетливым намекам на смутный и неясный им самим смысл, и направлявшие мысль читателя путем ассоциаций, и притязавшие на то, чтобы дать определение сущности Вселенной. В человеке же главное, согласно эстетике символизма, – нервность, тяготение к мистическому познанию. Символисты Петербурга стремились показать обостренную чувствительность, непонятные простому человеку переживания, неожиданные видения. Петербургский символизм в некоторых случаях называют «религиозным». Религиозность понимается максимально широко – это не только православие, но и различные другие вероисповедания и религиозные искания: от народных, сектантских, до рассудочных конструкций высокообразованных людей [1].

Семью Мережковских можно отнести к петербургскому символизму, поэтому они так рьяно наставляли в вопросах церковности. Долгое время Мариэтта Сергеевна безропотно слушалась своих «наставников», следовала советам и рекомендациям. Однако через некоторое время стала сопротивляться навязчивому чужому влиянию. В 1909 году по совету З.Н. Гиппиус она переехала из Москвы в Петербург, – расставшись с сестрой и более или менее обеспеченным существованием, была вынуждена снимать комнату в дешевой квартире и терпеть материальные лишения. Все это искупалось радостью личного общения с Зинаидой Николаевной, а итогом их творческого и личного общения можно считать поэзию, сказки и рассказы тех лет.

Однако, когда З.Н. Гиппиус попыталась повлиять на выбор дальнейшего жизненного пути, иронично отнесясь к идее путешествий

по стране для познания людской жизни, М.С. Шагинян дала отпор. Ее новые романы об интеллигенции и духовных поисках «Своя судьба» и «Приключения дамы из общества» во многом были вдохновлены размышлениями о круге Мережковских – о лицемерии, праздности и инфантильности. На одном из писем З.Н. Гиппиус к М.С. Шагинян есть две любопытные надписи, сделанные Мариэттой Сергеевной в разное время: «Люблю Зину на всю жизнь, клянусь в этом своею кровью, которою пишу» и «Какая же я была дура, что не понимала эту старую зазнавшуюся декадентку, выдающую себя за "самую простоту"» [2].

С последней записи пути Мариэтты Сергеевны и Зинаиды Николаевны, а также других символистов разошлись. В начале Первой мировой войны З. Гиппиус и Д. Мережковский переехали за границу: «Оба мы сказали решительное "нет" войне» – писала она в своих дневниках» [4]. Мариэтта Шагинян же в это время переехала в Нахичевань-на-Дону. Начала преподавать в консерватории эстетику и историю искусств. В эти годы написала первый большой роман – «Своя судьба», насыщенный философской проблематикой.

М.С. Шагинян с энтузиазмом приняла Октябрьскую революцию, которая дала ей новые темы для творчества. В 1922-1923 гг. появляется повесть «Перемена», затем – «Приключение дамы из общества». В 1923-1925 гг. она публикует под псевдонимом серию агитационно-приключенческих повестей «Месс-Менд», имевшую большой успех. В 1928 г. публикует своеобразное литературное произведение – «роман-комплекс» «Кик», объединивший разные жанры – «от поэмы до доклада». В 1928-1931 гг. пишет роман «Гидроцентральный», явившийся результатом проведенных ею лет на строительстве Дзорогаэс в Армении.

Многие годы М.С. Шагинян работала в жанре очерка: «Зангезурская медь» (1927), «Советское Закавказье» (1931), «Путешествие по Советской Армении» (1950), «Зарубежные письма» (1964) и многие другие. Однако символизм в жизни талантливой писательницы и поэтессы не перестал занимать важное место.

Литература

1. *Волженина Е.В.* Русский символизм в поисках будущего <https://cyberleninka.ru/article/n/russkiy-simvolizm-v-poiskah-buduschego>

2. Письма Зинаиды Николаевны Гиппиус к Мариэтте Сергеевне Шагинян 1908-1910 годов. Из частных собраний Е.В. Шагинян и М.В. Гехтмана. Публикация Н.В. Королевой: [http:// az.lib.ru/g/gippius_z_n/Text 1910.pisma_k_shaginyan.shtml](http://az.lib.ru/g/gippius_z_n/Text_1910.pisma_k_shaginyan.shtml)

3. *Шагинян М.С.* Дневник. М., 1953.

4. *Гиппиус З.Н.* Дневники http://az.lib.ru/g/gippius_z_n/text_0070.shtml.

С.М. Калашикова

ОБРАЗ КРУГА В ЛИРИКЕ Ф. СОЛОГУБА

(К вопросу о диалоге культур в эстетике «Серебряного века»)

Одно из значений слова «круг» подразумевает под собой понятие совокупности, группы людей, объединенных общими интересами и связями. Важнейшая составляющая периода конца XIX-начала XX, который мы традиционно обозначаем в отечественной культуре Серебряным веком, предполагает особое отношение к понятию круга как культурной общности. В своих мемуарах «Человек и Время» М.С. Шагинян не раз вспоминает о периоде своей юности, когда она дышала тем, что «воспевали Бальмонт, Брюсов, Федор Сологуб» [1, с. 241]. Близкое знакомство с Мережковскими обеспечивало определенную зону эстетического притяжения Мариэтты Сергеевны к так называемым «большим именам» литературной эпохи, в частности, «Мелкий бес» Сологуба стал для нее большим литературным событием [1, с. 378, 157, 332]. Исследователи отмечают ряды образов в тексте романа «Гидроцентральный», указывающих на полемический литературный диалог автора романа с текстами Сологуба, в частности, образ Аршака Гнуни у М.С. Шагинян анализируется в аллюзивной проекции на героев «Мелкого беса». Попытка осмысления литературного феномена Ф. Сологуба находит свое отражение и в статьях М.С. Шагинян («Свершилась просто небольшая статья, написанная о нем Мариэттой Шагинян в еженедельной газетке «Жизнь Искусства»: первая хвалебная статья за много лет. Он ходил с газетой по всему Дому Искусств, всем показывая и бормоча что-то о нелюбимом суде грядущей России», – пишет Ходасевич в книге своих воспоминаний «Некрополь»). В частности, М.С. Шагинян обнаруживает у Федора Сологуба «застойность творчества».

При этом вполне актуальна и точка вхождения самого Федора Сологуба в контекст круга культурной жизни г. Ростова-на-Дону начала XX века. 1 марта 2023 года Федору Кузьмичу исполнилось 160 лет. Но мало кто знает, что в этом году исполняется еще и 110 лет со дня первого посещения Федором Кузьмичем Сологубом нашего города. Во время гастролей Ф. Сологуб не переставал писать стихи, триолеты. Подшивка газеты «Приазовский край» за 1913 год позволила установить, что в Ростов-на-Дону поэты (Сологуб и Северянин) прибыли 27 марта. На следующий день – 28 марта они присутствовали в нахичеванском коммерческом клубе на лекции Мариэтты Шагинян «Две морали». Ныне в здании бывшего нахичеванского коммерческого клуба находится швейная фабрика. В январе 1916 года Федор Сологуб осуществил и вторую поездку в Ростов. На этот раз он выступал один с лекцией «Россия в мечтах и ожиданиях», с которой 1915-1917 гг. объездил всю Российскую Империю от Витебска до Иркутска. Выступление состоялось в здании торговой школы (ныне юрфак и экономфак ЮФУ).

Говоря о застойности творчества, М.С. Шагинян улавливает одну очень важную черту творческой динамики Ф. Сологуба. В целом нужно признать, что резких изменений мировоззрения Ф. Сологуба не происходило. Сознывая, что творческая манера и взгляды Ф. Сологуба претерпевают некоторую эволюцию, тем не менее, возможно обнаружить глубинные, устойчивые признаки единого дискурсивного пространства, сохраняющиеся во всех произведениях.

Отличительной особенностью лирического «Я» Ф. Сологуба является его неизменная верность самому себя, определенная статичность понимания/непонимания сущности бытия. Если траектория эволюции творчества таких поэтов-символистов, как К. Бальмонт, В. Брюсов и др. представляет собой волну, на максимуме подъема которой – квинтэссенция авторского представления о мире и художнике, то линия сюжета поэтической метафизики Ф. Сологуба скорее воплощает шопенгауэровско-ницшеанскую идею возврата, вечного возвращения: «Что было, будет вновь, Что было, будет не однажды...». Ф. Сологуб – художник «позиции», а не «пути» (Д. Максимов). О Ф. Сологубе принято было говорить, что у него нет возраста, что он не меняется со временем, что он древний и вечный, как самый древний ужас: «Мне нравятся некоторые стихи Со-

логуба, хотя и не новые для него. Но ведь он принадлежит к нестареющим в повторениях самого себя», – писал А. Блок в письме к В. Брюсову [2, с. 109]. Среди материалов же самого Ф. Сологуба есть архивная запись: «Метод – бесконечное варьирование тем и мотивов». Определенный набор тем и мотивов, поддерживающийся системой авторских устойчивых образов-символов, и определяют контекст восприятия лирики Ф. Сологуба в целом. Образ круга становится для поэта квинтэссенцией той самой стратегической позиции, с одной стороны, с другой, последовательно и системно воплощается на уровнях эстетизирования, формируя универсальное поле значений, связанных с коннотацией образа.

Одной из центральных является тема жизни и смерти, причем жизнь отвратительна, жестока и безобразна как в своем социальном представлении, так и в экзистенциальном понимании ничтожности существования лирическим я, она – тюрьма. В этом смысле показательно крайне популярное в начале XX века стихотворение «Мы – плененные звери...», в контексте которого мотив повторяемости действий внутри замкнутого пространства зверинца-существования напоминает однообразность движений по замкнутому кругу пространства клетки-бытия.

Жизнь – это однообразное движение качелей, которые раскачивает черт. Стихотворение «Чертовы качели» (1907) исследователь М. Дикман называет «трагическим мифом о жизни» [3, с. 51]. Повторы «вперед-назад, вперед-назад» порождают чувство непрерывного круга тягостного, томительного качания, воплощающего идею о *circulus vitiosus* бытия. Несовершенство жизни заключено и в самом феномене жизни, в бытии мира, и в природе человека, который не в силах вырваться из порочного круга страстных желаний и жестокого их подавления. Образ круга, достигающий до уровня символа, становится важнейшим у Ф. Сологуба, репрезентируясь заглавием, одного из лучших сборников поэта – «Пламенный круг». Состояние лирического героя Ф. Сологуба – вечная неудовлетворенность, ощущение жизни как бесконечного и бессмысленного томления в контексте порочного круга бытия, что и реализуется экзистенциальными мотивами страха, зла, тоски по свободе, необходимости и невозможности ее, абсурда человеческого существования, нелепости жизни, наконец, непостижимости жизни, ко-

гда не спасают ни «наука», ни «псалмы» («Холодный ветерок осеннего рассвета...», 1893): «В путях моих причин я вечный раб и пленник бытия».

Главным мороком существования становится Недотыкомка:

«Недотыкомка серая
Все вокруг меня вьется да вертится, –
То не Лихо ль со мною очертится
Во единый погибельный круг?» [4, с. 234]

Понятно, что Смерть, как утверждал К. Чуковский, в этом случае становится «единственный положительный герой» поэзии Ф. Сологуба. «Сологуб создает миф о смерти – избавительнице и утешительнице...», – утверждал литературовед М.И. Дикман. В этом смысле, например, образ круга как порочного состояния повторения жизни вне категории смерти присущ, например, и лирике А. Блока. Но в его парадигме его «трилогии вочеловеченья» такая коннотация образа возможна лишь в состоянии максимального падения на дно души лирического героя в кульминационном цикле третьего тома «Страшный мир», в программном стихотворении «Ночь, улица, фонарь, аптека...».

Впрочем, в художественной системе Ф. Сологуба для поэта как художника бытия, личности, которая может противопоставить несовершенству земного существования преобразующую энергию творчества, возможен прорыв из порочного круга реальности к фантастическим реалиям – на звезду Маир, землю Ойле, к реке Легой.

Тем не менее именно образ круга в лирике Ф. Сологуба стал особенной образно-тематической точкой притяжения для поэтов-современников. В частности, столь же актуален данный образ для лирики армянского поэта и общественного деятеля конца XX – начала XX века Ваана Терьяна, который, высоко ценя произведения Сологуба, находился под определенным творческим влиянием поэзии русского символиста.

Литература

1. Шагинян М.С. Собр. соч.: в 9 т. М., 1986-1989. Т. 1. М., 1986.

2. Блок А.А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 8. М.-Л., 1962.
3. Дикман М.И. Поэтическое творчество Федора Сологуба // Сологуб Ф. Стихотворения. Л., 1979.
4. Сологуб Ф. Стихотворения. Л., 1979.

В.А. Цатрян

ОБРАЗ КРУГА В ПОЭЗИИ В. ТЕРЬЯНА

Почему мы решили обратиться именно к творчеству Ваана Терьяна? В. Терьян был представителем школы «русских армян» в армянской литературе. Помимо этого, В. Терьян хорошо знал и ценил русскую литературу, был лично знаком с М. Горьким, В. Брюсовым, В. Ивановым. В произведениях В. Терьяна можно встретить отсылки к лирике А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Е.А. Баратынского, Ф.И. Тютчева, А.А. Фета, К.Д. Бальмонта, а также к прозе Н.В. Гоголя, А.П. Чехова и других русских писателей.

Эпистолярный Терьяна свидетельствует о том, насколько для него была значима фигура Ф. Сологуба.

В поэзии Ваана Терьяна мы встречаем различные значения и способы выражения образа-символа – круг. В стихотворении «Спустилась ты на путь неясный мой...», вошедшем в сборник «Грезы сумерек», поэт говорил о невидимом кольце рук возлюбленной. Кольцо-круг – символ единства и взаимопроникновения двух начал: мужского и женского: «И жизнь и смерть во мне переплелись, / И в твой туман вошла душа моя» [1].

Кольцо-окружность символизирует взаимосвязь внутреннего мира и внешнего: лирический герой заключен внутри невидимого кольца. Он огражден этим кольцом от всех бед: «И, прозрачны, как зов краев иных, / Твои движенья в сумраке ночном / Скользнули и невидимым кольцом / Свились вокруг усталых плеч моих» [1]. Лирический герой оказывается заложником двух миров: в реальном мире он не находит счастья, поэтому путь, по которому он шел, «неясный», а жизнь сравнивается с «печальным туманом». Появление «сладостной грезы» озаряет его существование «сладостным обманом». Греза прозрачна, туманна: «И в твой туман вошла душа моя...» [1]. Она – «зов иных краев», что-то неуловимое, неосязаемое.

мое. Но греза сулит герою забвение и отдых, и он идет за ней по нетвердому пути. Однако герой благословляет этот путь, в конце которого ему будет дарован покой: «Благословил тот путь нетвердый я, / Где ты, о греза, озаряешь высь» [1].

Стихотворение «Во власти все одних и тех же дум...» вошло в сборник «Возвращение». В этом стихотворении появляется образ жизни-круга: «Я слышу грохот, крики, лязг и звон. / Волнуя плачем и весельем слух, / Прилежный день – движением времен – / Включен в непостижимый жизни круг» [1]. «Жизни круг» – это символ времени. Время находится в постоянном движении, его, как и жизнь, невозможно остановить или замедлить. Поэтому в стихотворении автор использует эпитет «непостижимый», т.е. недоступный пониманию, подчеркивая величие Времени.

Наряду с образом круга жизни в стихотворении появляется и образ колеса: «Здесь рядом колесо и человек / В один безумный бег вовлечены...» [1]. Колесо символизирует двухфазное движение времени: время подъема или время спада, прогресса или застоя. В данном стихотворении лирический герой погружен в «кипение бытия». Он открывает «наболевшую душу» миру, чтобы полюбить свободную землю, «что встанет, полной новых сил». Герой-пророк, герой-певец всего себя отдает борьбе. Главное его оружие – песни. В них – его сила и страсть. Им и борьбе он посвятил жизнь. Но колесо – полярный символ. Кроме подвижной окружности-обода у колеса есть неподвижный центр, точка. Что может стать центром, точкой отсчета для лирического героя-певца? Очевидно, его творчество: «Грядущего предвестник, песнь моя, / Всю силу страсти отдал я тебе, / Тебя, как знамя, поднимаю я...» [1]. Лирический герой понимает «многоголосый времени язык». Сквозь яростный грохот железа, сквозь время грядущих битв он видит прекрасное. И совсем по-пушкински звучат заключительные строки стихотворения: «Проснитесь, песни верные мои, / Пора на битву воинов сзывать, / Звать сверстников на правые бои, / В сердцах свободы пламя зажигать» [1].

Стихотворение «Мы двое заблудших детей...» вошло в сборник «Золотая цепь». Его можно отнести к жанру лирической миниатюры. Оно представляет собой восьмистишие. Поэт не делит его на строфы. В единое целое строки объединяет образ двух «заблудших

детей». Почему именно дети? Возможно, герои стихотворения по-детски чисты и наивны. Любовь, соединившая их, чужда миру, в котором они живут. Поэт называет их «заблудшими». Слово «заблудший» имеет несколько значений. Это и сбившийся с пути, заблудившийся, и опустившийся, падший человек. В каком значении употребляет автор этот эпитет в стихотворении? Ответ найти помогают строки: «И, милостыню собирая, / Бредем наугад, без путей...» [1]. Значит, речь идет о заблудившихся детях. Вокруг них – ни души. В глуши, по которой они бредут, «все чуждое, все неживое», т.е. все духовно мертво: «А злу ни конца, и ни края...» [1]. Так в стихотворение входит идея двойственности, отображая борьбу добра и зла, любви и ненависти. Это не только борьба отвлеченных понятий, символов, но и борьба двух начал самой человеческой сути, внутренняя борьба человеческого в человеке с его темной стороной.

Лексический повтор «нас двое, нас только двое» и выделительная частица усиливают впечатление одиночества детей, их чуждость миру, в котором они живут. «Кругом ни души». Круг в данном случае не только символ бесконечности, но и символ ограничения мира реального, символ внутреннего единства. Замкнутые внутри круга дети защищены от всего чуждого и неживого, защищены от зла.

Стихотворение «Карусель» является переводом «Деревянных лошадок» Поля Верлена из цикла «Брюсель». Но из-под пера В. Терьяна выходит совершенно оригинальное произведение. Стихотворение «Карусель» Ваана Терьяна вошло в цикл «Золотая сказка». На первый взгляд, его можно отнести к любовной лирике. Но на самом деле поэт хотел нам сказать намного больше. Оно не просто о любви, оно – о жизни в любви. А жизнь – это карусель. Движение по кругу – символ бесконечности и в то же время – символ пространства, которое для влюбленных имеет границы – это их любовь. Выйти за границы этого круга – значит потерять ее. Любовь, по мнению поэта, «старинная песня жизни». Каждый поет ее на свой лад, и каждому ее мотив «знаком, затерт, запет».

Карусель в стихотворении – символ жизни. По своему символическому значению в данном случае образ карусели близок к символу колеса Фортуны, представляющему жизненный круговорот.

Этот круговорот беспечен, обольстителен, опьяняет героев. Но у карусели, колеса, любого круговорота есть центр – своеобразная точка отсчета событий. Таким центром в стихотворении является встреча героев и зарождение их любви: «Обольстительная тишина, / Розоватая дымка тумана... / Ты прелестна была и нежна, / Улыбалась легко и обманно» [1]. Эпитеты «обольстительная тишина», «розоватая дымка» рисуют безоблачные дни расцвета чувств героев. Но вот появляются «обманная улыбка» и «закатное солнце». Пусть еще вдалеке, но уже заметны на горизонте грозовые тучи упреков и разочарований. О том, что произойдет разлад в отношениях героев, мы уже догадались: в стихотворении употребляются в основном лишь глаголы прошедшего времени (была, улыбалась, опомнились, миновала, звучала). Значит, в нем звучит тоска воспоминаний о том, что было, о том, что могло бы быть. Очевидно, эти воспоминания до сих пор вызывают боль в душе лирического героя. А пока влюбленные уходят из реального мира в мир «сладких иллюзий». Но мираж рассеивается, и наступает пора печали, тоски, хандры и слез по ушедшей любви: «Несказанно была хороша / Та страна, где мы жили в союзе. / А опомнились – нет миража, / Нет как нет наших сладких иллюзий» [1].

Почему герои покинули страну любви? Кто виноват в произошедшем? Как горьки упреки: «Я люблю, ну а ты холодна» [1]. Почему навсегда уходят томные звуки «Невозвратного времени»? Автор использует интересный прием: невозвратное время любви – «Невозвратное время» – название вальса, вызывающего в памяти аллею, «поцелуи, и ласки, и ночь...» [1]. Но ничего уже не вернуть. «Миновала восторгов пора» [1], – подытоживает лирический герой. Воспоминания о былом навеяны не только тоской по ушедшему, но и скукой: «Ах, как скучно! И скука все злее». И все же карусель жизни неумолимо продолжает свое движение по кругу. Такое движение является символом вечности, символом стремления к совершенству.

Стихотворение имеет кольцевую композицию. Такая композиция, по замыслу автора, усиливает значение образа-символа карусели: «О кружись, карусель, о кружись... / Эта песня старинная – жизнь» [1]. Эти строки являются рефреном стихотворения. Они делят его на четыре смысловые части: 1-я – рассказ о зарождении любви; 2-я

– описание страны любви и начала разочарований; 3-я – воспоминания о былом; 4-я – предостережение и напоминание о невозможности повернуть время вспять и непреодолимости вечного движения жизни по кругу.

Слова лирического героя «я вчера, нынче ты, завтра он» подтверждают мысль о том, что движение по кругу не только вечно, но и включает в себе стремление к совершенству. Совершенство для влюбленных – постижение счастья вечной любви.

Концовка стихотворения «а она все звучит, как звучала» наводит на мысль о безысходности, предрешенности исхода человеческого пути: исход его всегда очевиден, но человек все равно хочет пройти путь разочарований до конца, испытать боль и слезы на этом пути, чтобы ценою проб и ошибок получить результат. Но колесница, символ духовного поиска, продолжает нести человека на карусели жизни.

Литература

1. *Терьян В.* Армянская классическая поэзия [Электронный ресурс] / В. Терьян. – Ер.: Советакан грох, 1986. – Режим доступа: <http://armenianhouse.org/teryan/poems-ru/contents.html>

В.В. Артеменко

М. ЛОХВИЦКАЯ, М. ШАГИНЯН, М. ЦВЕТАЕВА: ПОЭТИЧЕСКИЕ ОТГОЛОСКИ И ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Объединение имен столь несхожих между собой Мирры Лохвицкой, Мариэтты Шагинян и Марины Цветаевой может показаться случайным или надуманным, связи их творческих индивидуальностей – поверхностными, неглубокими. На первый взгляд, поэтесс сближает лишь принадлежность к эпохе Серебряного века: творческий путь Лохвицкой оборвался в 1905 году, несколькими годами позднее дебютировали ее младшие современницы: сначала Мариэтта Шагинян, затем, в год кризиса русского символизма, – Марина Цветаева. Однако внимательное прочтение произведений этих ав-

торов убеждает в том, что они куда более близки друг другу, чем кажется.

Неожиданное подтверждение самой возможности такого сближения мы нашли в забытой рецензии В. Нарбута. Предмет его размышлений – так называемая «женская поэзия» в ее развитии от Ка roliны Павловой до 1913 года, когда увидели свет «Orientalia» Мариэтты Шагинян и «Из двух книг» Марины Цветаевой. В. Нарбут утверждает, что «ни Мирра Лохвицкая, ни Зинаида Гиппиус, несмотря на утонченную архитектонику, – не дали большего в выявлении женского мирозерцания, чем дала К. Павлова, но сборники молодых авторов укрепляют веру в «грядущую великую поэтессу» [1, с. 39].

Думается, что в словах рецензента о «великой поэтессе» нет ничего, кроме иронии, поскольку книги М. Цветаевой и М. Шагинян оцениваются им весьма низко. Его вкусу претят как «нарочитая слащавость» М. Цветаевой, так и «грубоватость» и эксцентричность» М. Шагинян. Дарование М. Шагинян, которая «держит весьма заметно», критик называет «небольшим» и неровно развешивающимся. В заключение В. Нарбут, указывая на родство «Orientalia» с «Песней песней», как бы возвращает читателя к началу статьи – ведь в свое время М. Лохвицкая тоже отталкивалась от известного библейского текста, и в этом отношении М. Шагинян перенимает ее творческий опыт.

Неблагоклонность В. Нарбута к начинающим поэтессам понятна: он был единомышленником А. Ахматовой по акмеизму и «Цеху поэтов», и наилучшим образом выявлять женское мирозерцание, по его представлению, надлежало, бесспорно, ей.

На контрасте была построена и статья самой М.С. Шагинян о М.И. Цветаевой, опубликованная двумя годами ранее в Ростове-на-Дону. На наш взгляд, эта скромная по объему работа имеет немаловажные достоинства. Во-первых, в ней проведен глубокий и убедительный анализ первого сборника стихов поэтессы «Вечерний альбом», что признавала сама М.И. Цветаева и через всю жизнь пронесла благодарность автору. Во-вторых, было привлечено внимание к М. Лохвицкой, которую в ту пору начали уже забывать. Не лишен своеобразного интереса и тот факт, что писательница невольно повышает интерес к М. Лохвицкой в то же время, когда

Игорь Северянин учреждает эгофутуризм и возводит имя «русской Сафо» в культ, объявляя ее предтечей нового направления. Но особенно важно для нас то, что именно М. Шагинян поспособствовала формированию устойчивого представления о М. Лохвицкой и М. Цветаевой как о поэтах-антагонистах.

Если базисный материал статьи, который посвящен М. Цветаевой, отличается глубиной погружения в материал и изяществом анализа, то вкрапления о М. Лохвицкой вызывают некоторые недомыслия. Возникает такое впечатление, что критик делает выводы на основании избранных стихотворений покойного автора, а не всего корпуса его творчества.

Дело, по-видимому, в том, что восприятие М. Шагинян личности и поэзии М. Лохвицкой было во многом обусловлено (если не сформировано) суждениями З. Гиппиус, да и всего цеха «Нового пути», идеологическим лидером которого она являлась. П.П. Перцов и Мережковские относились к М. Лохвицкой с нескрываемой враждебностью, для М. Шагинян же З. Гиппиус в те годы была непререкаемым авторитетом. Как следствие, в статье сужен творческий диапазон М. Лохвицкой, не принимается во внимание интеллектуальный потенциал ее поэзии. В поле зрения М. Шагинян не попали последние книги анализируемого автора с их религиозно-философскими раздумьями. В результате те фрагменты статьи, в которых характеризуется поэзия М. Лохвицкой, оказались набором штампов, растиражированных народнической критикой еще в 1890-е гг.

Антагонизм между М. Лохвицкой и М. Цветаевой М. Шагинян усматривает в следующем:

1. «У Лохвицкой нет вопроса пола», любовь ее героини безотчетно-стихийная. «Марина Цветаева затрагивает вопросы пола, ее позиция – вечная, осознанная женственность. Отдача, но отдача после сражения, отдача постороннему, чужому, врагу» [2]. Таким образом, М. Шагинян решительно отрицает у Лохвицкой (или, что было бы вернее, ее героини) саму способность к рассуждению о природе и смысле любви. Гендерные конфликты, по мнению рецензента, в ее поэзии также отсутствуют.

Все это те же народнические и марксистские оценки М. Лохвицкой развенчивала символистская критика (К. Бальмонт, В. Брюсов,

Вяч. Иванов, М. Гершензон) еще при жизни автора. Ведь пресловутое «сладострастие» героинь М. Лохвицкой имеет не физиологическую, а ментальную подоплеку, обусловлено психикой и мировидением поэта. Любовная страсть в творчестве М. Лохвицкой не «физиологична», как считали народники и марксисты, и не «театральна», как утверждали советские исследователи, а рассудочна и даже рациональна. Страсть в художественном мире М. Лохвицкой всегда осмысливается в ключевых для понимания ее мировоззрения темпоральных и экзистенциальных категориях (мгновение и вечность, свобода и плен, скука и экстаз и т.д.). В зрелом творчестве поэта любовь представлена вовсе не как безотчетное подчинение мужчине. Это любовь-борьба, любовь-вражда, «поединок роковой»:

Вдвоем – враги, теперь – друзья,
Когда легли меж нами реки.
Тебя понять сумела я,
Ты не поймешь меня вовеки [3, с. 419].

2. М. Шагинян усматривает принципиальные различия во взглядах рассматриваемых авторов на самую стихию страсти. Страсть в поэзии М. Лохвицкой «груба, примитивна в ее первобытной чистоте и неосознанности, в мыслях М. Цветаевой о страсти много обдуманного».

3. Героиня М. Лохвицкой «вакхична», любовь в изображении поэтессы «самодовлеющая и внесемейна, внебрачна». М. Цветаева – «вся в быту, в семье, в материнстве» [2].

И на это есть что возразить. Первому тому своих «Стихотворений» (1896) М. Лохвицкая предпослала следующее посвящение: «Мужу моему Евгению Эрнестовичу Жибер». Это посвящение стало главным объектом нападения критики, принимавшего порою грубые, бестактные формы: «Из этих строк ясно, прежде всего, что супружеская жизнь г-жи Лохвицкой очень счастлива. Далее, основываясь на них же, можно бы предположить, что весь сборник – чисто семейное дело. Потребовалось, однако, неизвестно для чего выпустить книгу в свет» [4].

Спустя семнадцать лет М. Цветаева, следуя своей предшественнице, посвящает свою книгу «мужу Сергею Эфрон». Правда, в

1910-е гг. такая «безыдейная» выходка уже ни у кого не вызвала негодования.

У М. Цветаевой «нет ничего вакхического, в стиле Мирры Лохвицкой». Ее стиль – «участие, материнство, заботливость», «особая женская ласковость». Этот тезис М. Шагинян пытается доказать указанием на то, что у М. Цветаевой преобладают «ласкательные» обращения («мальчик мой», «сердце мое»), а у М. Лохвицкой – сексуально окрашенные («мой желанный, мой возлюбленный») [2]. «Мой желанный, мой возлюбленный» – это цитата из стихотворения М. Лохвицкой «Гимн возлюбленному» (1896). Обращения такого типа действительно частотны в лирике М. Лохвицкой ее «вакхического» периода, однако куда более употребительными являются «мой друг» или «милый друг» (так она обращалась к герою своей любовной лирики и поэту-единомышленнику К. Бальмонту). Вообще репертуар обращений у М. Лохвицкой очень велик. Вот лишь некоторые из них: «милый брат», «мой ясный», «мой свет прекрасный», «мой близкий», «мой светлый гений» и даже фольклорное «сокол мой ясный». В последние годы жизни, особенно в драмах – «властитель», «властелин», «деспот», «палач». Все эти разнообразные наименования мужчины обыгрываются в оппозициях «сестра – брат», «мать – сын», «царица – рабыня», «одалишка – повелитель», «жертва – палач» и свидетельствуют о том, что любовь в творчестве М. Лохвицкой многолика и что свести это чувство к одной «вакхичности» не представляется возможным.

4. Поэзию М. Цветаевой М. Шагинян, вслед за В. Брюсовым, характеризует как крайне интимную, «для своих»: «Ни одно имя не спрятано автором» [2]. «Вечерний альбом» обладает обаянием чужих дневников и писем. В творчестве М. Лохвицкой, по мнению критика, такая тенденция не просматривается. Однако она есть, о чем свидетельствуют даже заглавия и подзаголовки текстов: «Моему сыну Евгению», «Моему сыну Валерию», «Памяти дорогой сестры Ольги Р.» и др.

5. Последовательно проводя мысль о противоположности творческих индивидуальностей поэтесс, М. Шагинян пишет: «Более всего удастся Цветаевой говорить о детях и говорить детям. Вот колыбельная песенка: «Там, где шиповник рос аленький, / Гномы нашли

колпачки»... / Мама у маленькой Валеньки / Тихо сняла башмачки»... [2].

Сравним: «Сны над мальчиком летают, / Луг зеленый снится Бяшке, / На лугу пасется стадо, / Все овечки да барашки» [5, с. 311]. Это из стихотворения «Бяшкин сон», которое М. Лохвицкая посвятила своему четвертому сыну Измаилу. Последнее, что смогла записать поэтесса, – «Колыбельная», датированная 29 мая 1905 г. Автору оставалось жить три месяца.

Следует еще раз сказать, что поверхностность анализа, фактическая неточность и некая «снисходительность» тона, характеризующие вкрапления в статье М. Шагинян о М. Лохвицкой, были инициированы той культурной средой, на которую ориентировалась поэтесса и от которой впоследствии отмежевалась. В ее собственной творческой практике тех лет опыт выдающейся предшественницы учитывается. Например, ее стихотворение «Жены султана» корреспондирует с «Родопис» М. Лохвицкой, а знаменитое, с оттенком китча «Полнолуние» перекликается с «Гимном возлюбленному» и «Полуденными чарами» одновременно. «Тороплюсь сорвать запястья, / Ожерелье отстегнуть»... (Лохвицкая) «Я ремни спустила у сандалий, / Я лениво отстегнула пояс»...(М. Шагинян) [6, с. 703].

Как уже было сказано, именно М.С. Шагинян транслировала в общество и литературу мысль о непримиримой противоположности М. Лохвицкой и М. Цветаевой, их мирозерцания и художественной манеры. В западной славистике (В.Ф. Марков) и современном российском литературоведении (Т.Л. Александрова) прослеживается совершенно иная тенденция. Т.Л. Александрова полагает, что «если бы не было пути, пройденного Лохвицкой, то и Цветаева едва ли стала бы тем, чем она стала» [7]. По мнению исследовательницы, двух поэтесс объединяют специфика выражения женского мирозерцания, танатологические мотивы, воспевание собственной внешности, любование собой, прославление спонтанного чувства, ролевая маска русалки, посвящения мужьям и детям, соблазны греха и страсти.

На наш взгляд, большой семантической и эстетической насыщенностью также обладают следующие составляющие их творчества:

Лирический мотив «бессмертной любви». Любовь, не знающая границ и меры, переводится за пределы мира, в другое измерение, в подлинное бытие, и становится символом для всех любящих.

Мотив безмерности как любовного чувства, так и экзистенциальной безмерности «в мире мер».

Нравственный максимализм.

«Героический эгоизм, презрение к толпе». Эти слова В. Брюсова о М. Лохвицкой вполне применимы по отношению к М. Цветаевой.

Интерес к библейскому и античному миру и мифу (Адам и Лилит, Тезей и Федра), наличие сафических мотивов.

Обращение к крупным драматическим формам (не свойственное, например, А. Ахматовой), к жанру стихотворной сказки, к магической речи, ритуальным жанрам молитвы, заговора, заклинания, проклятия, приворота и т.д.

Некоторые особенности словесного и интонационного строя поздней М. Лохвицкой (лаконизм, мощная, «неженская» фактура стиха, акцент на глагол при полном отсутствии определений, внесение элементов разговорной и даже грубой, «площадной» речи) станут доминантными чертами цветаевского стиля.

Обыгрывание семантики личного имени, усиливающее исповедальность и автобиографизм поэтического высказывания.

В 2005 г., к столетию смерти М. Лохвицкой, Т.Л. Александрова создала сайт «Mirrelia». Одна из наиболее интересных страниц этого сайта – «Поэтические отголоски». Здесь исследуется влияние М. Лохвицкой на поэтов-современников и авторов последующих периодов, включая И. Бродского. В цветаевском разделе 20 стихотворений.

Тексты М. Лохвицкой, перекликающиеся со стихотворениями М. Цветаевой, указаны в соответствии с поставленной Т.Л. Александровой задачей, и все же некоторые комментарии можно расширить:

1. Стихотворение М. Цветаевой «Мне нравится, что Вы больны не мной» также содержит аллюзию к стихотворению М. Лохвицкой «Горячие звезды», откуда М. Цветаева позаимствовала великолепный эпитет: «тяжелый шар земной» (у М. Лохвицкой – «Земли позабытой тяжелый шар»).

2. В стихотворении «*Душа, не знающая меры*» М. Цветаевой есть отзвуки баллады М. Лохвицкой «*Мюргит*» с ее «ударной» концовкой: «Я душу Дьяволу предаю и вечному огню, / Но мира жалкого рабом себя не оскверню».

3. В стихотворении «*Попытка ревности*» есть аллюзии к «Сопернице» М. Лохвицкой: тот же пафос превосходства творческого духа над бытом и «тленной красотой», тот же, по меткому определению А. Ахматовой, «тон рыночной торговли». Наблюдается и ряд лексико-семантических совпадений: «венец», «храм», «царица», «алтарь», «боги» (М. Лохвицкая); «божества», «государыня», «престол», «мрамор», «волшба» (М. Цветаева). Соперницы, с которыми ведут торг лирические героини, всячески принижаются. У М. Лохвицкой это «призрак земли», обладающий «слабым рассудком». М. Цветаева характеризует соперницу куда более резко: «товар рыночный», «труха гипсовая». Лирическая героиня М. Цветаевой – «плавающий остров по небу – не по водам» [8, с. 242]. Этот образ заимствован непосредственно из драматической поэмы М. Лохвицкой «*Вандэлин*»: «На Голубых живет он островах, / В прозрачном царстве света и лазури, / Меж синевою моря и небес».

Также устанавливаются соответствия между «*Пражским рыцарем*» М. Цветаевой и «*Каменной швеей*» М. Лохвицкой, имеющей подзаголовок «*Чешское предание*», а «готическая» поэма «*Сон*» содержит элементы поэтического диалога между Мариной Цветаевой и Арсением Тарковским. Безусловно, эти наблюдения требуют внимательной и тщательной научной разработки.

В заключение необходимо сказать, что в связи с преждевременной смертью Мирры Лохвицкой не довелось установить ее личные и творческие контакты со своими младшими современницами: Мариэттой Шагинян и Мариной Цветаевой. Однако след в их искусстве она, несомненно, оставила, чем далеко не исчерпывается ее влияние на русскую поэзию XX и, как мы полагаем, XXI века.

Литература

1. *Нарбут В.И., Зенкевич М.А.* Статьи. Рецензии. Письма. М., 2008.
2. *Шагинян М.С.* Литературный дневник: <http://tsvetaeva.lit-info.ru/tsvetaeva/kritika/shaginyan-literaturnyj-dnevnik.htm>.
3. *Лохвицкая М.А.* Собр. соч.: в 3 т. Т. 2. М., 2018.

4. *Скриба (Е.А. Соловьев-Андреевич)* Стихи, стихи и еще стихи // *Новости и биржевая газета*, 1898, 29 января.
5. *Лохвицкая М.А.* Собр. соч.: в 3 т. Т. 3. М., 2018.
6. *Русская поэзия Серебряного века. 1890-1917.* Антология. М., 1993.
7. Сайт Т.Л. Александровой: <http://www.mirrelia.ru/echo/>.
8. *Цветаева М.И.* Собр. соч.: в 7 т. Т. 2. М., 1995.

Е.Г. Щербинина

РЕВОЛЮЦИЯ В ЖИЗНИ МАРИЭТТЫ ШАГИНЯН

1917 год. В этом году произошло множество событий, которые коренным образом повлияли на мировую историю и на развитие России. Февральская революция, свержение монархии, нахождение у власти Временного правительства, а затем Октябрьская революция и приход к власти большевиков.

В России полностью меняется правящая элита, идеология. Власть переходит в руки коммунистической партии, которая стремится построить социалистическое общество, где не будет социального неравенства, не будет богатых и бедных, у рабочего класса появятся гражданские права и свободы. И действительно, партия изначально издала декреты о мире, о земле, пытаясь решить самые острые вопросы на тот момент. Было уничтожено сословное деление общества, церковь отделалась от власти. Рушились старые устои, начались гонения на церковь.

Мариэтта Шагинян – дитя своего времени – необычайное, редкое явление в нашей литературе. Она прожила долгую жизнь – 94 года. Родилась и умерла в Москве (1888-1982 гг.).

У Мариэтты Шагинян удивительная судьба. Родилась Мариэтта Шагинян 2 апреля 1888 года в Москве, в семье известного практикующего врача, доцента Московского университета Сергея Давыдовича Шагиняна и домохозяйки Пепронии Яковлевны Шагинян.

Поэтесса Серебряного века, первый советский писатель-фантаст, искусствовед, журналист – десятки лет она публиковалась в «Правде» и «Известиях». Сомневаясь в самой себе, не раз бросала литературное поприще, но спустя годы вновь возвращалась к тому, без чего не могла жить. Нет такого литературного жанра, что был бы ей не под силу, начиная с небольшого стихотворения и кончая

эпической тетралогией. М.С. Шагинян опубликовала свыше 70 книг романов, повестей, рассказов, очерков, стихов и около 300 печатных листов статей, рецензий, докладов.

Характер у М.С. Шагинян был взрывной и неумный. Горячая и эмоциональная, М.С. Шагинян страстно бралась за новое в любом возрасте.

Работая над очерками об Армении, она спускалась в самые глубокие недра рудников в Зангезуре и поднималась на самую высокую – 4090 метров над уровнем моря – гору Арагац, став первой женщиной, взобравшейся на нее. Не каждый знает, что она имела диплом альпиниста!

Ее отличал огромный интерес к жизни и ко всему новому. Не случайно, увлекаясь поэзией, творчеством Гете, посетив Германию ради изучения его творчества, она вдруг меняет свои интересы и увлекается политикой! Сразу же и безоговорочно приняла революцию. Взахлеб читала статьи Ленина, писала разгромные статьи о вреде чтения ленинских статей по цитатам. Ленинское высказывание «Учиться, учиться и еще раз учиться» Мариэтту Шагинян поразило настолько, что она принялась тщательно изучать биографию В.И. Ленина, прояснив кое-что уже в ранней повести «Перемена» (1923), понравившейся и самому Владимиру Ильичу: «Жить, чтоб делать, чтоб познавать, чтоб бороться. Жить, чтоб взойти на земле семена окрыленной мечты человечества о справедливости. Жить, чтоб своими руками, из камня и стали, строить то, что мерещилось в думах, записано в книгах». Именно поэтому, видимо, в 1930-х годах училась в Плановой академии Госплана им. В.В. Молотова, где изучала, «Капитал» К. Маркса, проблемы плановой экономики, энергетику. Работала лектором, инструктором ткацкого дела, статистом, историографом на ленинградских фабриках.

Одной из первых М.С. Шагинян решила взяться за создание цикла историко-биографических книг о Ленине. Работая в архивах, писательница обнаружила, что отец вождя имеет в своей генеалогии калмыцкие корни, а дед со стороны матери вообще был евреем – правда, крещеным... Этот ужасный компромат был немедленно заперт на «сто замков», в адрес М.С. Шагинян прогремело специальное постановление ЦК (правда, вскоре гроза миновала).

Записной пародист эпохи Александр Архангельский сочинил на М.С. Шагинян эпиграмму:

Широту ее размаха
Не уложишь в писчий лист:
Поэтесса, лектор, пряжа,
Шерстовед и романист.

И действительно М.С. Шагинян на месте не сидела, исколесила как спецкор газет «Правда» и «Известия» почти всю страну.

М.С. Шагинян была необычной женщиной. В г. Нахичевани многие современники считали, что она «не от мира сего». Действительно, она была многогранно талантливой и неординарной личностью. Например, будучи коммунисткой, искренне верящей в учение К. Маркса, она с уважением относилась к христианской вере, к библейским заповедям, тесно общалась с Католикосом всех армян Вазгеном I. Кстати, М.С. Шагинян Октябрьскую революцию восприняла как событие христианско-мистическое.

В книге «Приключение дамы из общества» М.С. Шагинян описывает перелом в сознании русской интеллигенции под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции. А в начале 1920 годов опубликовала серию агитационно-приключенческих повестей «Месс-Менд», имевшую большой успех. По этой книге был снят фильм.

«Надо создавать красных Пинкертонов!» Такой лозунг некогда выдвинул не кто-нибудь, а сам Николай Бухарин в начале двадцатых годов, имея в виду, что для новой страны нужна и новая приключенческая литература. Мариэтта Шагинян, работавшая тогда специальным корреспондентом газет «Правда» и «Известия», восприняла этот лозунг с энтузиазмом, и в результате на свет появился роман «Месс-Менд».

Кинороман. Сейчас этот термин имеет другое значение – им обычно называют бесконечные мелодраматические сериалы, а в то время «кинороманы» представляли собой авантюрно-приключенческие произведения, наполненные головокружительными поворотами сюжета, яркими характерными персонажами, множеством «трюков» и всем прочим, что тогда неотъемлемо ассоциировалось с кино.

Если взглянуть на книгу через призму современных реалий и терминов, то можно сказать, что «Месс-Менд» – это воплощение конспирологии в своеобразном идеологически-приключенческом ключе. Что интересно, ее главные герои не являются коммунистами, и даже не являются советскими гражданами – это члены и руководители всемирной тайной организации рабочих, объединенных великой (почти мистической) властью над изготовленными ими вещами. Противостоит эта тайная организация, само собой, – другой тайной организации, уже безусловно зловредной, созданной фашистами, реакционерами и прочими сильно нехорошими с точки зрения прогрессивных рабочих, людьми. Другими словами, Мариэтта Сергеевна Шагинян одной из первых писателей осудила проявления нарождающегося фашизма. М.С. Шагинян была убеждена, что при социализме любой труд будет приносить людям радость. «Мы поставили себе задачей осуществление утопии, – говорит ее герой. – Лучшие из наших умов сидели над этим много дней. Полное счастье дают лишь две вещи: созидание и познание. Но до сих пор те, кто созидал, ничего не знали, а те, кто познавал, ничего не созидали. Уродливый ублюдок прошлого – рассеянный профессор и автомат-рабочий – должны были раз навсегда исчезнуть! Мы твердо решили сделать производство познавательным, а познание – производственным. Как этого можно было достичь? Тут-то, мой друг, и помог нам метод единого хозяйства. Да, обедневшие, истощенные, голодные, лишенные продуктов и рынка, мы начали с того, что на своей собственной шкуре испытали метод единого хозяйства. То было жестокое время голода и разрухи. Мы сеяли картошку в ящиках от письменного стола, сами дубили кожу для сапог, шили сапоги, красили старое сукно, добывали, возделывали, обрабатывали, чтоб прожить, не умереть, – и практически в силу необходимости подошли к круговороту хозяйственной механики, зависимости производств друг от друга. Наш «единый метод хозяйства» и заключается в том, что ни один из наших рабочих отныне не приступает к своей работе без полного представления обо всех звеньях производства. Он выделяет головку гвоздя, зная не только о добыче минералов, но и о его химическом составе, его спектре, с одной стороны; с другой – о роли своего гвоздика в самой сложнейшей из фабричных вещей, начиная с мебели, и кончая

винтиком микроскопа. Иными словами, мой друг, мы рассадили наше производство по системе оркестра. От барабанщика и до скрипки каждый выполняет свою партитуру в общей симфонии. но каждый слышит именно эту общую симфонию, а не свою партитуру» [1, с. 388].

М.С. Шагинян прожила большую, интересную жизнь. Она свято верила в добро и справедливость, которые принесла Великая Октябрьская революция. Долгое время имя М.С. Шагинян было забыто. Сейчас, благодаря энтузиастам, проводятся Шагиняновские чтения. Имя писательницы возвращается к новым читателям.

Литература

1. *Шагинян М.С.* Собр. соч.: в 9 т. Т. 2. М., 1971.

М.Н. Ким

М.С. ШАГИНЯН – ЖУРНАЛИСТ И ПУБЛИЦИСТ

Если журналист будет соблюдать в своей деятельности три главных принципа – стремление к научной достоверности, высокому литературному уровню публикуемых материалов и их занимательности, то это станет лучшим подтверждением того, что его культура как публициста возникает и развивается не на пустом месте, но питается достижениями прошлых поколений и передается поколениям новым. Советская писательница, поэтесса, журналист и публицист Мариэтта Сергеевна Шагинян (1888-1982) в своем литературном творчестве блистательно освоила духовные ценности прошлого своей страны, переосмыслила их применительно к новым историческим условиям и передала их будущим поколениям. Давая себе шуточную *само*-характеристику, назвав себя «*эстафетой поколений*» из прошлого в настоящее и будущее, тем самым М.С. Шагинян весьма точно отразила свое творческое кредо.

«Силу печатного слова» юная Мариэтта впервые познала в 15-летнем возрасте, когда, будучи на летних каникулах в курортном Геленджике, она столкнулась с вопиющей несправедливостью по отношению к отдыхающим: излюбленным местом отдыха для них был пляж, на котором греческие купцы устроили деревянной склад.

Городской суд вынес решение: убрать склад, но, пользуясь покровительством городских чиновников, купцы игнорировали это решение. В конце июля 1903 года М.С. Шагинян опубликовала в газете «Черноморское побережье» сатирический стихотворный фельетон, после которого дровяной склад был немедленно убран с пляжа. «Суд ничего не мог сделать, – позднее вспоминала она, – а четыре смешные строчки в газете действовали!» [1, т. 1, с. 209].

На всю жизнь Мариэтта Сергеевна запомнила «урок», который ей преподал великий русский физиолог И.П. Павлов: *журналисту не следует прибегать к вымыслу, неправде, приукрашиванию*. В 1935 году в Ленинграде проходил Международный физиологический конгресс, на который М.С. Шагинян была аккредитована от газеты «Правда». За шестнадцать дней работы конгресса Мариэттой Сергеевной было опубликовано 17 статей о достижениях советской физиологии, за что редакция газеты даже отметила ее благодарностью. Но уже первый очерк, появившийся в «Правде», И.П. Павлов, недолголюбивавший газетчиков и журналистов, оценил так: «Набрехала!» И «ляпсус-то был не научный», а скорее «художественный». Дело в том, что в самом начале статьи ею было дано поэтическое описание дороги в Колтуши, – в научный Физиологический центр страны, – по обочинам которой якобы красовались цветы. А цветов-то по этой дороге вовсе не было и быть не могло, т.к. это была искусственная трасса – асфальт и немного приподнятый холм, засеянный обычной травой. После нелюбезной павловской оценки М.С. Шагинян внимательно припомнила каждую деталь этой дороги и поняла, как «безобидный» вроде бы вымысел мог перечеркнуть значение серьезного текста. «Люди не бойтесь признавать ошибок в своем творчестве, – призывала она журналистов, – мы все не боги, мы живем долгую жизнь и не можем не ошибаться. Но, люди, бойтесь «бреха»! Потому что «брех» – это не ошибка, это проступок против правды и против самого себя» [1, т. 1, с. 746].

Так постепенно у нее вырабатывался свой профессиональный творческий идеал, который приводил ее к сочетанию философской мысли с жизненной практикой. И М.С. Шагинян как журналист не просто описывала происходящие события, но и практически вмешивалась в них. «Советское печатное слово, – убежденно писала она, – никогда не было пассивным сопровождением этих великих

лет, оно «орудовало», боролось, строило, как и все прочие орудия труда нашей строительной работы: как молоток, лопата, станок. И следы его вошли в здание советского мира, зацементированные в нем, как реальный наш вклад в историю... Я газетный работник, журналист, путешественник. Мне просто тяжело больше двух месяцев усидеть на месте!» Но не только тяга к путешествиям, а принцип, что «хата моя никогда не стояла с краю», и все что происходит в большом советском мире «тянет меня вмешаться, страстно вмешаться словом, делом» [1, т. 4, с. 806], чтобы добиться положительного результата.

Яркий пример такого «вмешательства» описан в очерке «"Гудок". Газета с таким названием' позвала в дорогу» спецкором М.С. Шагинян, которая проехала с агитационно-пропагандистской бригадой по строившимся участкам Южно-Сибирской магистрали. «Когда вагон "Гудка" прибыл в старинный уральский город, на станцию Стерлитамак, стало известно, что правительственная комиссия уже подписала проект постройки – отрезка дороги от Магнитогорска до Куйбышева, в его «южном варианте», через станцию Мелеуз в Башкирии, – констатировала М.С. Шагинян. – Но из встреч и бесед в пути я узнала, что с этим вариантом не согласны ни в Магнитогорске, ни в Башкирии, считая его нерентабельным. Мы устроили в вагоне встречу с изыскателями всех трех вариантов (южного, северного и компромиссного между ними) и в беседе убедились, что принятый вариант – наихудший. Министерство путей сообщения склонялось к нему, как к более дешевому. Он удешевлял строительство на 130 миллионов рублей и эксплуатационные расходы на 10 миллионов. Цифры внушительные. Но оставлял без выхода на магистраль несколько крупных уральских заводов, тулунские железные рудники и близлежащие лесозаготовительные хозяйства». После этой встречи М.С. Шагинян лично съездила к секретарям Челябинского и Магнитогорского обкомов и смогла убедить их, что «южный вариант» ошибочный. Началась длительная борьба за пересмотр старого решения... В конце концов, был утвержден «северный вариант»! [1, т. 4, с. 631].

В 1924 году М.С. Шагинян начала, а в 1928 году опубликовала роман «КиК» («Колдунья и коммунист»), действие которого происходит в редакции газеты, условно названной «Аманаусская прав-

да». В журналистском сообществе той поры господствовало стремление к разделению произведений на узкие, изолированные друг от друга жанры. М.С. Шагинян этого не приветствовала: «Чтобы выразить свое отрицательное отношение к узкой литературной специализации и призвать молодежь хорошо овладеть каждым жанром, даже если один из них и был для тебя главным, я поставила в «КиКе» себе задачу сдать экзамен грамотности на все литературные жанры. Решила писать роман «Колдунья и коммунист» в форме газеты, где есть все виды газетной работы: передовица, статья, очерк, фельетон, «редакционная корзина»; есть все виды литературной работы: поэма, новелла, драма, киносценарий. И есть, наконец, – критика...» Была необходимость овладения нами писателями, журналистами, критиками «советским жизненным материалом», что свидетельствовало о «важности постоянного пребывания в курсе всех современных событий»... «После «КиКа» мне уже просто тяжело было возвращаться к условным вещам», ...стало «скучно и неинтересно их писать. Великим наслаждением сделалась огромная напряженная работа над взятым из жизни, реалистическим сюжетом "Гидроцентрали"» [1, т. 9, с. 167, 169].

Очерковые циклы, посвященные Закавказью, возникли на материалах журналистских поездок М.С. Шагинян 1920-х годов, когда редакция газеты «Правда» командировала ее в Азербайджанскую, Грузинскую и Армянскую советские республики с мандатом, в котором указывалось, что ее задачей является информация «о жизни, нуждах и достижениях братских республик в их упорной работе по залечиванию ран, восстановлению хозяйства, становлению мирного сотрудничества народов под знаменем совместной трудовой жизни». «Я была первым писателем, – вспоминала М.С. Шагинян, – получившим мандат на первую командировку в Закавказье. Уже не любознательность вообще, но задание партийного органа приводит меня в Зангезур и в Нагорный Карабах» [1, т. 3, с. 810]. Именно в этот период и состоялось ее формирование как газетного работника нового типа, начался ее сложный и нелегкий путь от «любознательной журналистки» к публицисту, который прочно определил свою задачу.

В 1923 году М.С. Шагинян собрала свои очерки в книгу «Советская Армения». В 1926 году в результате поездки по Закавказью

она написала еще ряд очерков («Зангезурская медь», «Нагорный Карабах», «Ночь в Джульфе» и др.), впоследствии собранные в единую книгу «Советское Закавказье».

Большие циклы очерков относятся к «грозовым сороковым» годам, к Великой Отечественной войне: это очерки «Оборона Москвы» (1941-1942), «Урал в обороне» (1943), а затем и к послевоенному периоду, когда страна не только поднималась из руин, но и начинала новый этап социалистического строительства, шла к новым пятилеткам.

Картина могучего сплоченного тыла, ощущающего себя фронтом, возникла в очерках 1942-1943 годов М.С. Шагинян, корреспондента центральных газет, работавшей на Урале и в Сибири и изучавшей героический труд советских людей в тылу, который в то время являлся гигантской кузницей оружия для фронта. Она посещала «заводы Среднего и Южного Урала, колхозы Челябинской и Свердловской областей, горный и Нижний Алтай – все это стало родным, изъезженным, исхоженным». Книга очерков «Урал в обороне» М.С. Шагинян – истинная «летопись Великой Отечественной войны», представляющая собой взволнованный рассказ очевидца о Времени, о людях, а также документальное свидетельство. Сила очерков Мариэтты Сергеевны о ковавших Победу тружениках тыла в том и состоит, что отталкивалась ли она в сюжете от индивидуальных черт или шла от рассмотрения проблемы и факта, она всегда находила слова для создания живого образа героя, который эстетически воздействовал на читателя.

Преодолевая в своих журналистских поездках огромные пространства от Заполярья до Юга, от Средней Азии до Урала, М.С. Шагинян как журналистка наблюдала все происходящее изо дня в день, вела документальные дневниковые записи, которые легли в основу масштабных очерковых циклов «От Черного до Балтийского» (1944), «На Алтае» (1945), «Магнитогорск после войны» (1945-1947). Цикл очерков «По дорогам пятилетки» (1946-1947) возник у нее на основе послевоенных поездок по Уралу, Сибири, Узбекистану, Казахстану, Киргизии. Шагиняновские очерки «Мурманск», «Прогулка на Кировские острова», «Ясная поляна», «Керченская селедка» и др. были собраны в отдельную книгу «От Мурманска до Керчи» (1953).

Конечно, Мариэтта Сергеевна Шагинян не раз бывала и в поездках по странам Восточной и Западной Европы. Причем она не просто описывала страны, в которых она побывала, но исследовала духовную жизнь народов этих стран: современное состояние искусства и науки, жизнь и творчество выдающихся деятелей национальной культуры и т.д. Знание иностранных языков, углубленное знакомство с западной культурой, незаурядная эрудиция российского публициста позволяла ей нарисовать широкую и впечатляющую картину, интересную для отечественного читателя. Много интересного он узнавал из книги М.С. Шагинян «Зарубежные письма», составленной из очерков о культуре Франции, Англии, Италии, Чехословакии, Бельгии, Голландии, ФРГ и ГДР, которые вышли из-под ее журналистского пера в 1960-е годы. Многие страницы «Зарубежных писем» посвящены пребыванию за границей В.И. Ленина.

Хотелось бы, прежде всего, остановиться на очерке М.С. Шагинян «На "Волге" по Франции», открывающем книгу «Зарубежные письма». Будучи в командировке в Париже в середине августа 1965 года, Мариэтте Сергеевне Шагинян выдалась возможность восьмидневной поездки по Франции на советской "Волге". Пока коллеги продумывали план поездки (а он, в конце концов, принял такой вид: «сверху вниз, от Парижа до Лазурного берега, и снизу вверх, от Лазурного берега через Марсель до Парижа...»), пока это все оговаривалось и вычерчивалось с записью предполагаемых ночевков, а механик приводил в порядок нашего «доброего коня» – старенькую "Волгу", М.С. Шагинян нанесла визит в редакцию ежедневной коммунистической газеты «Юманите» (фр. L'Humanité – «человечество»). Она не смогла найти быстро какого-либо значимого справочника о современном развитии производственной базы департамента, который предстояло посетить на старенькой "Волге". В большом мрачноватом здании, похожем на все издательства и типографии мира, она встретила особую атмосферу «деловитости, лаконичности, темпа, товарищества, к какой привык советский газетный работник», сразу почувствовав себя как дома. Товарищи по перу помогли ей, и очень быстро она попала «в узкий мир многоящичных полок, где хранились «досье» всего, что только может понадобиться газетчику». А понадобились ей в тот день, во-

первых, экономическая газета «Эко» со статьей Мориса Морен-Марту о Гренобльском районе Франции; во-вторых, брошюра об иностранных рабочих во Франции; в-третьих, доклад известного эксперта-экономиста Жана Жиара о промышленном потенциале Гренобльского района. «Я уселась за столик возле окна... Я так спешила конспектировать драгоценный материал, что читала и записывала сразу с листа, как играют «с листа» музыку, – все было интересно и совершенно ново... Я закончила чтение речи Жана Жиара, восемнадцать страниц, когда за окном уже стало темно, люди вокруг меня начали задвигать ящики, снимать рабочие нарукавники, тянуться к вешалке. Конспектировать не осталось времени, но речь мне нужна была «до зарезу», нужна под рукой, для работы, для сверки. Тщетно выглядывала я силуэт машинистки... Где она, куда девалась? ...И тут меня ожидал большой конфуз. Товарищ, уже собравшийся уходить, сказал что-то о технике. Переспросил: «Машинистку, чтобы снять копию?» ...Он подошел к чему-то, похожему на ящик, и взял у меня из рук брошюру. Пять минут я стояла и смотрела, как он накладывает ее на плоскость, снимает страницу за страницей, и ровно через пять минут получила в руки всю речь Жана Жиара, восемнадцать страниц»...

«Такие машины, наверное, есть и у нас. Но их нет ни в одной редакции, ни в одном издательстве, где мне приходится работать», – не без горечи сетовала она. – А еще в советских *издательствах* и *типографиях* требуют от журналиста обязательно первый экземпляр перепечатки книги на машинке, *журналы* тоже требуют первый, и *газеты* тоже требуют первый. Если книга или очерк проходит через все три канала, то ее трижды необходимо перепечатать, а на это уходит множество дней и денег» [1, т. 6, с. 4, 26-27; 29-30].

Особенно Мариэтте Сергеевне в этой поездке понравился «благороднейший город Гренобль». Будущим советским туристам, которые побывают в Гренобле, М.С. Шагинян настоятельно «советовала» посетить художественный музей этого города, «второй во Франции после Лувра по качеству собранных в нем сокровищ живописи»: «В Гренобле нельзя не посмотреть музей, а посмотрев, нельзя забыть. В нем собраны огромные богатства: едва ли не лучший Рубенс, четыре великолепных Сурбарана, лучшие образцы Каналетто и Гварди, подлинные полотна французской, фламанд-

ской, итальянской школ, начиная с XVI века, а из французских импрессионистов такие шедевры, как «Портрет Мадлен Бернар» Гогена, «Читающая женщина» Матисса, «Ребенок с куклой» Пикассо... Не знаю, есть ли у музея «фонды», куда он прячет свое второстепенное; но замечательно, что посетителю он не навязывает этого второстепенного и не обрушивает на человеческое восприятие непереносимых сразу количеств». Всюду, в каких бы европейских или отечественных музеях не побывала журналистка, только в одном – гренобльском – она «нашла напоминание о том, *как* и *когда* начались такого рода городские музеи живописи, открытые для народа. И дала их своим гражданам Великая Французская революция, свежая сокровища из королевских дворцов, откуда изгнаны были «принцы крови, из графских поместий бежавших эмигрантов и, добавив к ним собрания «князей церкви», богатейших лиц духовного сословия» [1, т. 6, с. 31-33]. Рассказывая об этом, каталог гренобльского музея напоминает, каким огромным толчком для культурного развития народа была Французская революция.

«Пролетая десятками километров по стране, чтоб увидеть ее всю за какую-нибудь неделю, нельзя рассчитывать на подлинное углубленное узнавание. И все же – какое богатство впитывает за день наше взбудораженное воображение! Века и люди, и дела этих людей, проходят перед нами по цепочке Времени: древний мир, отложивший свои тысячелетние следы; христианство с его мыслями, устремленными к небу, особенность и характер французской ранней готики, не похожей ни на немецкую, ни на английскую; Ренессанс, с его любовью к земной красоте; начало века больших открытий в науке девятнадцатого, – писала М.С. Шагинян. – Красота – и та нить Времени, которую зовут историей, и люди-творцы, неутомимо создающие материальный и духовный мир, как пчелы в улье нашей планеты Земли... Оттого что так много сохранилось следов их непрерывной деятельности, вы вдруг начинаете конкретно представлять себе слово «человечество» не суммой всех тех, кто живет сейчас, сию минуту, а суммой всех живших в веках и обреченных жить в будущем, – и таким молодым кажется вам сегодняшний день, такой молодой земля Франции» [1, т. 6, с. 19].

В анализе «Зарубежных писем» можно найти справедливое высказывание критиков шагиняновских очерков о том, что их цен-

ность состоит в неразрывном единстве историзма и остросовременного видения писательницей послевоенного этапа в жизни различных европейских стран. «С добросовестностью ученого и страстностью борца за все новое и передовое М.С. Шагинян освещает вопросы преемственности культуры, школьного обучения и воспитания, проблемы современной литературы, искусства, экономики и промышленности. И везде она подмечает и подчеркивает связь прошлого с настоящим, а через нее – перспективы будущего».

Мысль о преемственности «творческого дела поколений» пронизывает всю газетно-публицистическую деятельность Мариэтты Сергеевны Шагинян, для которой «труд, созидание, творческий гений народов, – вот что объединяет все человечество». И на основании этого она делает вывод: «Да, люди должны «держаться вместе», и сообща бороться за сохранение того, что «создается множеством усилий» [1, т. 6, с. 649]. Не этот ли ее вывод объясняет прошлое, остается остроактуальным сейчас, когда человечество подошло к опасной черте, за которой только третья мировая война, победителей в которой не будет. Но он также направлен и в будущее. «Держаться вместе!» – единственно разумный способ сохранения жизни на земле. Но ведь это и есть творческое кредо Мариэтты Сергеевны Шагинян, в шутку *само*-характеризующей и называющей себя «эстафетой поколений» из прошлого в настоящее и будущее.

Литература

1. Шагинян М.С. Собр. соч.: в 9 т. М., 1986-1989.

Т.О. Осипова

«ТИХИЙ ДОН» НА ДРАМАТИЧЕСКОЙ СЦЕНЕ: К ВОПРОСУ ОБ ИНСЦЕНИРОВКЕ

Заявленная тема, безусловно, очень обширна, поэтому остановимся лишь на двух постановках, предпринятых Ростовским академическим театром им. Максима Горького.

Но сначала несколько слов о самом театре. Строительство здания театра было задумано в 1929 году. Местом был выбран пустырь

между объединенными в один город Ростовом и Нахичеванью-на-Дону. Авторами проекта стали архитекторы Владимира Щуко и Владимир Гельфрейх. По их задумке здание будущего театра должно было представлять стилизацию гусеничного трактора, что соответствовало духу того времени. Большая роль в оформлении здания принадлежала художнику, блестящему иллюстратору «Тихого Дона» Сергею Королькову, создавшему горельефные композиции «Гибель Вандеи» и «Железный поток», украсившие фасад театра. По воспоминаниям современников, эти горельефы, безусловно, отсылали к М.А. Шолохову, к его «Тихому Дону».

Театр открылся в 1935 году. Один из крупнейших архитекторов XX века Ле Корбюзье назвал его «жемчужиной советской архитектуры». В Лондонском музее архитектура нашей страны представлена двумя макетами: собора Василия Блаженного и Ростовского театра драмы имени Горького

В 1936 году главным режиссером театра стал один из крупнейших советских театральных деятелей того времени Ю.А. Завадский. Вместе с ним в Ростов переводят и часть его труппы: В.П. Марецкую, Р.Я. Плятта, Н.Д. Мордвинова и др. «Такого театра по масштабам, по роскоши отделки, по возможностям, таящимся в нем, нет в нашей стране» [8], – писал Ю.А. Завадский. К этому времени относится и первая попытка поставить «Тихий Дон» на ростовской сцене. Ю.А. Завадский мечтал об этом и даже обсуждал вопрос с М.А. Шолоховым, но не случилось, в скором времени его труппа покинула Ростов.

В годы оккупации фашисты не пощадили наш театр. При отступлении в феврале 1943 года они взорвали здание, но сама конструкция устояла. И двадцать лет полусгоревший остов возвышался на площади.

Лишь в 1963 году, к 20-летию освобождения Ростова, театр был восстановлен и открылся горьковскими «Варварами». В это же время труппа приступала к работе над «Поднятой целиной». Не нужно забывать, что 1960 год – это, по словам известного ростовского театроведа Ю. Немирова, «время для подлинной сценической интерпретации «Поднятой целины» [3, с. 14]. Ведь читатели тогда уже смогли прочесть весь роман. Именно в 1960-е появились спектакли в БДТ им. Горького (Г.А. Товстоногов), и в Московском

драматическом театре им. Пушкина (Б.И. Равенских). Они стали главными удачами в этой области. Сюда же можно отнести и спектакль нашего театра.

А в середине 1970-х гг. режиссер Ян Ццидиновский приступил к работе над «Тихим Доном». Инсценировка романа была рассчитана на спектакль, идущий два вечера подряд. Приступая к этой работе, режиссер первым делом встретился с самим М.А. Шолоховым. Позднее он вспоминал об этой встрече: «Беседа с писателем, его замечания стали для меня творческим компасом в работе <...>. Работать над прозой М.А. Шолохова необычайно интересно. Природа его творчества, магическая сила его письма таковы, что, раз окупившись в эти произведения, невозможно освободиться от власти их обаяния» [1].

Эта постановка была одной из первых в нашей стране. Через два года великий Г.А. Товстоногов поставит «Тихий Дон» на сцене БДТ. Но спектакль ленинградцев несколько отличен от ростовской инсценировки. «Тихий Дон» расценивался Г.А. Товстоноговым как трагедия, близкая к античности. Отсюда и роль Хора, который то вклинивается в действие, то вступает в спор с главным героем, и принцип наплыва сцен, когда прошлое вливается в настоящее. Много споров возникло в связи с выбором актера Олега Борисова на главную роль. Но сам Г.А. Товстоногов признавался, что в этом образе героя для него важны мысли, а не знаменитый «Баклановский удар». «Тихий Дон» стал безусловной удачей театра. И все же даже на этом фоне спектакль Ростовского театра не потерялся.

В Ростове на роль Григория Мелехова претендовали достаточно известные донские актеры. Но режиссер остановил свой выбор на 26-летнем Аристархе Ливанове, Позднее в готовый спектакль был введен заслуженный артист Украинской ССР Павел Морозенко, уже известный советскому зрителю по фильмам. Рецензенты отмечали определенное различие в трактовке образа. Рискну предположить, что это связано с возрастом актеров (Морозенко на 8 лет старше) и с различным багажом исполнительского опыта. Если Морозенко был более сдержан, в определенные моменты как бы дистанцировался от своего героя, используя, по словам искусствоведа Виталия Потемкина, «эффект отчуждения» [4, с. 105], то Мелехов Ливанова представлял собой клубок эмоций, страстей. Сам

актер уже в наши дни признавался: «Образ Мелехова до сих пор остается во мне, продолжает свою плодотворную работу и время от времени дает о себе знать» [1].

Заслуженной наградой стала Государственная премия РСФСР им. Станиславского за 1976 год. Интересно, что наряду с исполнителями главных ролей – Григория, Аксины, Натальи – премию получил Михаил Бушнов, будущий народный артист СССР, за роль Прохора Зыкова, состоящую, по словам самого актера, «из трех страниц текста». Как отмечали критики, в этой роли «колебания товарища Григория Мелехова между двумя идеологиями – «красной» и «белой» – именно Бушнов возвел в разряд экзистенциального сомнения. Тихая борьба героя за внутреннюю независимость оказалась близка не только зрителю, уставшему от коммунистических регламентаций и предписаний, беспрерывных «холодных» и «горячих» мировых войн, но и чиновникам от культуры» [7].

А через сорок лет, 16 мая 2015 года, состоялась Вседонская премьера нового «Тихого Дона», приуроченная к 110-летию юбилею писателя. Посмотреть спектакль в этот день смогли не только зрители в театре, но и горожане, собравшиеся на Фонтанной площади перед большим экраном, а также жители Ростовской области – по телеканалу «Южный регион» – и пользователи сети Интернет по всему миру, благодаря организованной онлайн-трансляции Спектакль, по приблизительному подсчету, посмотрели около 3,5 млн. человек.

Автором пьесы выступил московский драматург Владимир Маягин, который уже имел опыт работы с литературной классикой: в Московском академическом театре им. В. Маяковского с успехом шли его постановки «Братья Карамазовы» и «Мертвые души».

Постановщиком спектакля стал лауреат национальной премии «Золотая маска» Геннадий Шапошников, о котором театральный критик К. Щербаков писал: «Это режиссер, который владеет большим стилем и умеет сценически соединить его с большой литературой. Таких режиссеров у нас нынче немного» [9].

В 2015 году театр с успехом показывал «Тихий Дон» в Москве на сцене Малого театра, а несколько месяцев спустя получил Гран-при XIII Международного театрального форума «Золотой Витязь»,

золотые дипломы за лучшую сценографию, лучшую музыку и лучшую мужскую роль.

Главный приз фестиваля был вручен труппе 6 декабря 2015 года на торжественной церемонии закрытия фестиваля «Золотой Витязь» в храме Христа Спасителя.

Примечательно, что золотой диплом за лучшую мужскую роль получил народный артист РСФСР Игорь Богодух, исполнитель роли деда Гришаки. В инсценировке 1975 года деда Гришаки не было. В новой театральной версии он оказывается одним из главных героев. Как отмечали критики, в его монологах «концентрируются боль и мудрость, защита человеческих ценностей, безжалостно растоптанных злобой, жестокостью, амбициями, жадной властью» [5]. К сожалению, дед Гришаки – последняя роль И.А. Богодуха. В марте 2020 года его не стало.

Высокую оценку спектаклю дал Юрий Поляков: «В этом спектакле есть особенность, которая делает его не просто очень хорошим, а уникальным. Это тоже самое, что посмотреть произведения Шекспира в театре «Глобус». Здесь все такое естественное. Я физически ощущаю эту органику. Очень большая удача. Думаю, что многим московским академическим театрам, которые обвешаны «золотыми масками», есть чему поучиться» [6].

Александр Пудин, прослуживший на посту художественного руководителя театра несколько лет, признавался, что, вступая в должность, мечтал о том, чтобы академический театр драмы имени Максима Горького больше ассоциировался с именем своего великого земляка, гениального М.А. Шолохова. В его творческих планах была «Поднятая целина». Причем, он хотел, чтобы пьеса называлась «С потом и кровью». По его словам, сейчас, когда роман можно читать, не опираясь на партийные или классовые позиции, герои раскроются по-другому. Но в результате внутренних конфликтов Пудин покинул театр. Жаль, если эта мечта не будет осуществлена.

Литература

1. Библия донского края // <https://crimerussia.info/dose/item/221285-bibliya-donskogo-kraja> (дата обращения: 1 августа 2021 г.).

2. Михаил Шолохов: Летопись жизни и творчества (материалы к биографии) / сост. Н.Т. Кузнецова. М., 2005. 536с.: с ил.

3. *Немиров Ю.* Интерпретация прозы М.А. Шолохова в процессы инсценирования романов «Поднятая целина» и «Тихий Дон» // Автореф. дисс. на соискание ученой степени канд. филолог. наук. М., 1991. 18с.

4. *Потемкин В.И.* «Казацкий Гамлет». Проза – театр – кинематограф (культурологические аспекты) // Культура и цивилизация. 2018. Т. 8. № 6А. С. 100-108.

5. Ростов-на-Дону. Встречи с Мельпоменой // <http://nmdt.ru/publics/press/post-518/> (дата обращения: 1 августа 2021 г.).

6. Ростовский театр драмы представил в Москве спектакль «Тихий Дон» // <http://rostovteatr.ru/theater/publication/rostovskiyy-teatr-dramy-predstavil-v-moskve-spektakl-tikhii-don/> (дата обращения: 1 августа 2021 г.).

7. *Синеок А., Пшеничный Э.* Умозрение в масках // <http://www.rostovteatr.ru/peoples/u-nas-rabotali/mikhail-bushnov/> (дата обращения: 1 августа 2021 г.).

8. Тогда и сейчас: Ростовский театра драмы им. Горького // <https://bloknot-rostov.ru/news/togda-i-seychas-rostovskiyy-teatr-dramy-imeni-m-gor-1058161> (дата обращения: 1 августа 2021 г.).

9. *Щербачев К.* «Тихий Дон» с тихого Дона // Литературная газета. № 36 (6524), 16 сентября 2015. (fb2).

Н.А. Василевич

ОБРАЗ РОСТОВО-НАХИЧЕВАНСКОЙ МЕЖИ НА СТРАНИЦАХ ПЕЧАТНЫХ ИЗДАНИЙ И В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННОКОВ (1870-е – начало XX в.)

Современный город Ростов-на-Дону в его центральной части включает в себя территорию бывшего города Нахичевани-на-Дону, который вошел в состав Ростова в январе 1929 года и составил Нахичеванский, а позднее Пролетарский район. Граница между городскими поселениями именовалась Ростово-Нахичеванской межой (в обиходе ростовцев и нахичеванцев сокращенно: «межа», «граница») и проходила на месте нынешнего Театрального проспекта. Расстояние между городами к началу XX века составляло не более полутора верст.

Недалеко от межи, на западной окраине Нахичевани в створе Георгиевской улицы находилась армянская церковь Сурб Геворг (св.

Георгия-Победоносца, Георгиевская, построена в 1787 г.). Позднее, в 1863 г. в створе 1-й Софиевской улицы была возведена православная Софийская церковь. В ноябре 1867 года было открыто росто-нахичеванское шоссе, заменившее собой существовавшую гужевую дорогу, связывавшую два города, а в 1880 году к югу по линии 1-й Соборной улицы на западной окраине Нахичевани был заложен Александровский сад. Во второй половине 1880-х годов через Ростово-Нахичеванскую межу пролегла конно-железная дорога, а в начале XX столетия конку сменил электрический трамвай, движение которого было открыто в Ростове-на-Дону в декабре 1901 г. (по новому стилю, 2 января 1902 г.), а в Нахичевани – ровно через год, 20 декабря 1902 г. (по новому стилю, 1 января 1903 г.).

Находясь на окраине обоих городов, Ростово-Нахичеванская межа была особенным пространством, которое долгое время не объединяло соседей, а, напротив, воспринималось ростовцами и нахичеванцами враждебно, во много из-за его бесплодности и неблагоустроенной территории. Наиболее раннее описание очевидцами местности, прилегавшей к Ростово-Нахичеванской меже, относится к 1870-м – началу 1880-х гг. и связано с состоянием росто-нахичеванского шоссе: «В пятницу, 25 февраля [1877 г.], проездом в Нахичеван по росто-нахичеванскому шоссе, мы имели случай видеть на последнем, при въезде в Нахичеван, такие глубокие рывины и ямы, образовавшиеся от влияния времени и долгого отсутствия ремонта, которые езду по такому шоссе делают не только невыносимой, но даже опасной, особенно теперь при наступлении распутицы» [1]. Спустя время уже со стороны нахичеванцев слышны жалобы на отсутствие освещения на ростовском отрезке шоссе: «Ростово-Нахичеванское шоссе, составляющее собственность обоих городов, в темные ночи освещается только со стороны Нахичевана, ростовская же сторона, вплоть до конца Большой Садовой, представляет собой ад крошечный, в котором в безлюдьи свободно можно сделаться объектом трепанья, чему, впрочем, и были примеры» [2].

Примыкавшая к Ростово-Нахичеванской меже западная окраина Нахичевани-на-Дону вплоть до объединения городов представляла собой пустынную местность. В докладе нахичеванского городского головы М.И. Балабанова, который был представлен на заседании

думы 18 октября 1895 года по вопросу о финансовом положении Нахичевани-на-Дону, площадь по обе стороны Соборной улицы, лежащая между Ростовом и Нахичеванью, охарактеризована как «неиссякаемый резервуар пыли, крайне вредно влияющий на гигиенические условия города». Тогда же докладчиками во главе с М.И. Балабановым было предложено разделить эту площадь на участки, застроить кварталы, открыть новые торговые и промышленные заведения. А кроме того предлагалось включить, наконец, эту площадь в черту городского поселения Нахичевани [3].

Доклад членов нахичеванской городской управы о введении в черту городского поселения площади между Нахичеванью и Ростовом возбудил довольно оживленные прения в думе. Так, гласный нахичеванской и ростовской городских дум Г.Х. Чалхушьян выступил с резкой критикой предложений, по его мнению «застройка ее сблизит нас с Ростовом, откуда к нам будут проникать разные болезни и даже эпидемии» [4]. В защиту предложения М.И. Балабанова о разбивке на кварталы выступил гласный Г.И. Чубаров, который также оспаривал гигиеническую пользу пустыря: «Гигиеническое значение площади (трубы) более нежели сомнительно. По моему мнению, труба (народное название пустыря на Ростово-Нахичеванской меже, употреблявшееся в обиходе ростовцев и нахичеванцев) эта в холодные и ветреные месяцы не только не гигиенична, но даже положительно вредна».

Местная пресса также не осталась в стороне от обсуждения этого вопроса. Так, сотрудник газеты «Приазовский край», писавший под псевдонимом «Пиквикк», резко раскритиковал позицию Г.Х. Чалхушьяна: «...если и допустить, что наш Ростов кишит всяческими болезнями и эпидемиями, – чего, разумеется, на самом деле нет, – все же «способ изоляции», отстаиваемый г. Чалхушьяном, не выдерживает критики. Изоляция была бы в том лишь случае, если бы почтенный гласный предложил на месте нынешней пустопорожней площади воздвигнуть подобие китайской стены, которая служила бы Нахичевани несокрушимой твердыней для защиты от ростовских бацилл и микробов... В холодные и ветреные дни это именно и есть труба, в которой свистят всякие аквилоны и вздымаются густые столбы едкой, грязной, отвратительной пыли» [5]. По мнению автора, «Застройка пустопорожней Софиевской площади...

могут положить начало новой эре в летописи ныне сонной Нахичевани. Город обогатится средствами, расширит свою территорию, привлечет новые капиталы, обзаведется новыми предприятиями. Там, где теперь стоит мертвая зыбь, закипит жизнь и воцарится труд человеческий, а с ним вместе – творческая инициатива, энергия. Никакой решительно опасностью это Нахичевани не угрожает, тем более что фактически включение площади «трубы» в черту городского поселения уже состоялось, и в настоящее время дело идет только о юридическом закреплении этого факта...» [6].

В 1895 году по итогу обсуждений, свободное пространство между Нахичеванью и Ростовом в черту городского поселения большинством голосов решено было не включать.

Образ западной окраины Нахичевани конца XIX века дополняет описание примыкавшей с восточной стороны к Ростово-Нахичеванской меже Софийской площади Нахичевани, данное в прошении жителей этой местности в городскую управу от 2 июня 1897 г. по вопросу об устройстве здесь нового базара: «...площадь эта обладает по своему месту нахождения всеми удобствами и качествами богатой торговой площади: она находится между двумя городами, через нее идут дороги из окрестных сел и станиц, близ нее пролегает большой Аксайский тракт, поблизости расположены разные заводы и т.д.» [7].

Прошение жителей об открытии базара на Софийской площади было отклонено. По мнению гласных, «Софийская площадь, хотя и именуется площадью, но в действительности представляет собой пустырь, на котором не может существовать базар уже потому, что вблизи нет такого количества населения, которое могло бы его поддержать». Кроме того, вызвала сомнения подлинность заявлений просителей [8].

В начале XX века городское управление Нахичевани-на-Дону снова возвращается к вопросу о хозяйственном использовании земли у Ростово-Нахичеванской межи. В 1902 году санитарно-исполнительной комиссией Нахичевани было издано постановление засеять травой Софиевскую площадь, и нахичеванской городской думой был изготовлен план площади, согласно которому ее территория разбивалась на 12 отдельных участков, отдаваемых в бесплатную аренду на 2 года под засев травы, среди которых пред-

полагалось провести улицы для проезда [9]. Этот вопрос поднимали и в 1911 г. на заседании особого по городским делам присутствия, где было определено: «...площадь между Ростовом и Нахичеванью, ныне сдаваемую под посев, разбить на улицы и усадебные места» [10, с. 5]. Позднее эта площадь использовалась под посев льна и других культур [11, с. 123]. Однако, судя по планам города 1914, 1918 гг., к разбивке кварталов так и не приступили, вероятно, из-за начавшейся в 1914 году Первой мировой войны.

Образ межи в этот период находим в заметке сотрудницы газеты «Приазовский край» В. Михайловой с ее воспоминаниями из детства: «Знойный июльский день. Я иду по меже во ржи. Много нас. Мы собираем землянику. Надо набрать непременно полную корзину, – затем мы и пришли сюда, но как не нарвать при этом васильков? Скорее забираешься в рожь, стараясь не помять колосьев... с жадностью, поспешно рвешь васильки: как бы ни застал непрошенных гостей хозяин поля, не разворчался бы, зачем забрались в хлеб. Целый сноп васильков! Жарко, душно, рожью пахнет. Под ногами земляника, в траве, яркая, сочная, душистая, а во ржи – лазоревые васильки» [12].

С началом трамвайного движения в Ростове и Нахичевани рубрика «На злобу дня» местной периодической печати стала появляться заметками-жалобами горожан на неудобства, с которыми сталкивались при пользовании трамваем. «По открытии электрического трамвая сообщение с Нахичеванью представляет весьма существенные неудобства, с которыми вряд ли возможно мириться долго. Настоящее положение его таково: Нахичеванский конный вагон останавливается у границы на расстоянии не менее 50 шагов от электрического вагона. Публика, шлепая по грязи, направляется к этому вагону, который уже переполнен пассажирами. Приходится садиться в следующий вагон и в ожидании его стоять среди мостовой и топтать грязь. Благо еще, что погода теплая; в мороз положение это, кроме потери времени, становится рискованным, особенно для детишек, массами направляющихся из Ростова в Нахичевань и обратно в местные учебные заведения. Таким образом, открытие электрического трамвая создало столь существенные неудобства, с которыми нельзя не считаться. Будем надеяться, что скоро все устроится, все войдет в норму...» [13].

В 1910-е годы западная окраина Нахичевани все более застраивается. В 1912 году к востоку от старой Софийской церкви был возведен новый каменный храм по имени великомучениц Софии, Веры, Надежды и Любви. Новая трехпрестольная каменная церковь была построена по проекту архитектора Г.Н. Васильева в стиле XVII столетия и рассчитана до 2500 молящихся, освящена в 1912 г. В 1913 году к западу от Александровского сада завершено здание Управления Владикавказской железной дороги, занявшее целый квартал нахичеванской земли. Водопровод в здание был проведен из Нахичевани, канализация – из Ростова.

В 1914 году нахичеванская городская дума постановила отвести в пользование под университет и его медицинский факультет на все время его существования участок городской земли на Софиевской площади (около 42 000 кв. саж. или 17,5 дес.) в границах: с севера продолжением Степной улицы, с юга продолжением Вознесенской улицы, с востока Нольной линией и с запада Университетской улицей (на плане Нахичевани 1918 г. не отмечена, но возможно, была запланирована). При недостатке этого участка дума готова была отвести еще участок земли, смежный с первым, мерою около 5 дес., расположенный на городской меже между отводимым участком и Балабановской рощей, часть которой в случае надобности также могла быть отведена под университетский ботанический сад [14, с. 7]. Однако в 1915 г. эвакуированный из Польши в связи с Первой мировой войной Варшавский университет разместили в Ростове-на-Дону, в городском доме (ныне Б. Садовая, 33).

Площадь между Ростовом и Нахичеванью использовалась и для проведения народных гуляний. Ежегодно 23 апреля (6 мая по новому стилю) на площади перед армянской церковью св. Георгия, примыкавшей к меже, проводился праздник Хдрелез в честь дня святого Георгия-Победоносца – одного из самых почитаемых в Нахичевани. В масштабных народных гуляниях участвовали не только жители Нахичевани, но также ростовцы и приезжие поселяне из окрестных армянских сел. Местная периодическая печать живо откликнулась на это событие. Вот как праздновали Хдрелез в 1914 году: «В Георгиевской церкви вчера богослужение совершали настоятель ее о. Тер-Акопян и член церковного правления о. Кацетпьян. Присутствовали: городской голова К.М. Попов, члены

управы и другие представители города, масса учащихся и приезжих поселян.

По окончании богослужения на площади около церкви открылись народные развлечения. Из окрестных сел Чалтыря, Крыма и др. съехалась масса поселян, которые расположились со своими подводами в промежутке между границей Нахичевана и церковной оградой на большое пространство по направлению к берегу Дона. Разукрашенные лошади, национальные костюмы девушек в своеобразных кофточках с золотыми и серебряными поясами – все это представляло эффектную картину.

Раздался звон балаганного колокола, и вся молодежь пошла на площадь, где подвизаются разные клоуны, акробаты и проч. Хорошо работает «Всеобщий любительский тир», «Электромеханический театр Роберта Ахи», цирк «с гастрольями воров Парижа на дьявольских лестницах».

Толстая хозяйка каруселей с ридикюлем через плечо еле успевает собирать гроши с крестьянской молодежи, которая веселится от души, совершенно непринужденно. Гуляющих тьма тьмушая, негде яблоку упасть» [15].

А в 1970-е годы художником, уроженцем Нахичевани-на-Дону С.П. Чахирьяном по воспоминаниям из детства был написан одноименный этюд "Хдрелез", который затем был подарен Ростовскому областному музею краеведения.

Образ межи сохранился в воспоминаниях известной советской писательницы Мариэтты Сергеевны Шагинян. В 1916–1919 годах они с сестрой Магдалиной проживали в Нахичевани, родном городе матери Пепронэ Яковлевны Шагинян (урожденной Хлытчиевой, во втором браке – Болдыревой). «...Меж Ростовом и Нахичеванью дорога идет по степи. Слева скверы, летом пыльные, с киосками лимонада, сладких стручков и липкой паточной карамели в бумажках. Днем и вечером в них толпятся солдаты, шарманщики, франтоватые люди прилавка. По воскресеньям усердно гудит здесь марш «Шуми, Марица» и вальс «Дунайские волны». На запрещение не глядя, налускано семечек по дорожкам несчетно, и дождь их сыплется, как из крана, из неутомимых ртов днем и ночью, заменяя скучную надобность речи.

Справа лежит дважды сжатая степь, уходя к полотну железной дороги. Исчертили ее колеи проезжих дорожек. Пылится она постоянно взметаемой из-под колес белой пылью, трещинами покрывается к осени, как сосок у небрежной кормилицы, и не дает ни влаги, ни тени...» [16, с. 122-123].

Младшая современница М.С. Шагинян, советская писательница Вера Федоровна Панова, уроженка Ростова-на-Дону, проживавшая здесь до 1935 года, детские годы которой прошли в Нахичевани, вспоминала: «Между этими районами [Пролетарским и Центральным (ныне Кировским)] лежала «граница» – полоса степи, делившая город как бы на два ломтя... «Граница»... Шел, бывало, по Коммунистической, мимо каменных домов и чугунных решеток, и прямо с тротуара ступал в бархатную пыль степной дороги, нагретой солнцем. Бульжная мостовая с трамвайными рельсами выбежала в распахнутое поле и пересекала его.

По одну сторону рельсов тянулся пустырь, где в ярмарку ставили карусели, качели, балаганы. За пустырем – мусорные свалки, угольные склады и угольный, прокопченный, рабочий, неприбранный берег реки.

По другую сторону сеяли хлеб. Вдоль хлебного поля, параллельно трамваю, была протоптана дорожка, ее обсадили молодыми акациями. Колосья кивали проходящим горожанам, дикие травы подступали к дорожке, повилика забрасывала на нее свои длинные побеги с маленькими розово-белыми граммофончиками.

В начале тридцатых годов на «границе» строили театр... Поле было изрыто котлованами, завалено строительными материалами, ходили паровозы, выбрасывая кучевые облака, в облаках передвигались краны... Театр построили великолепный, с самой большой и самой усовершенствованной в мире сценой, из самых дорогих материалов, во всех газетах писали о нем...» [17].

К моменту строительства театра драмы им. М. Горького город Нахичевань-на-Дону перестал существовать на карте, будучи присоединен в январе 1929 г. к своему давнему соседу – Ростову-на-Дону. Пустырь, разделявший ранее два города, в 1930-е годы был заасфальтирован, площадь получила название Театральной. Здесь проходили праздничные демонстрации, вблизи театра был разбит парк Октябрьской революции.

Литература

1. Донская пчела, 27 февраля 1877 г.
2. Донская пчела, 21 июля 1883 г.
3. ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 756. «Дело о введении в черту города площади между гг. Нахичеванью и Ростовом-на-Дону». 1895 г. Л. 1 – 3 об.
4. Приазовский край, № 272, 21 октября 1895 г. Л. 2.
5. Приазовский край, № 279, 29 октября 1895 г.
6. Приазовский край, № 286, 5 ноября 1895 г.
7. ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Дело 839. Л. 1 – 3 об.
8. ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 839. Л. 4 – 17.
9. Донская речь, 20 октября 1902 г.
10. Приазовский край, № 285, 30 октября 1911 г.
11. *Швецов С.Д.* На высоком донском берегу: Очерки из прошлого Ростова. Ростов-на-Дону, 1982.
12. Приазовский край, декабрь 1915 г.
13. Приазовский край, декабрь 1901 г.
14. Приазовский край, № 154, 14-15 июня 1914 г.
15. Южный телеграф, 24 апреля 1914 г.
16. *Шагинян М.С.* Перемена (Быль). Л., 1930.
17. *Панова В.Ф.* О моей жизни, книгах и читателях. Л., 1980.

Т.А. Шолохова

РОСТОВЦЫ, НАХИЧЕВАНЦЫ И РОСТОВЧАНЕ В ТВОРЧЕСТВЕ Г.Ф. ШОЛОХОВА-СИНЯВСКОГО

Георгий Филиппович Шолохов-Синявский – донской, советский писатель, родился 11 ноября 1901 года в хуторе Синявском Елизаветинской станицы, Ростовского округа, Области войска Донского – ныне с. Синявское Неклиновского района Ростовской области; умер 1 мая 1967 года. С 1933 года жил и работал в Ростове-на-Дону.

Писатель стоял у истоков зарождения Ростовской писательской организации (в 1920-е годы – Ростовская ассоциация пролетарских писателей – РОСТАПП). Участник 1-го съезда писателей СССР в 1934 г., с 1936 г. – член Литфонда СССР, возглавлял творческий коллектив писателей Дона, заведовал отделом литературы и искусства областной газеты «Молот», избирался депутатом Ростовского

городского Совета нескольких созывов; в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 г. г. работал собкором газеты «Известия»; в послевоенные годы являлся членом редколлегии журнала «Дон», правления Ростовского отделения Союза писателей СССР. Его книги издавались в Советском Союзе и за рубежом.

Начало пути 1926-1941 гг. Памятные встречи. В Ростове-на-Дону на пересечении улицы Шаумяна и переулка Халтуринского в 1920-х годах располагались редакции газеты «Советский Юг» и журнала «Лава». Об этом периоде вспоминал Г.Ф. Шолохов-Синявский: «В 1925 году я принес в редакцию журнала «Лава», редактором которого в то время был А. Фадеев (писатель и родоначальник Ростовской писательской организации – *Т.Ш.*), свой первый рассказ «Магикане» (на тему из гражданской войны), через некоторое время я пришел в редакцию газеты «Советский Юг», где помещалась и редакция журнала «Лава», и получил рукопись своего рассказа обратно. В уголке рукописи я увидел написанный от руки отзыв редакции о моем рассказе, но как-то не нашел в себе духу там же сразу прочитать этот отзыв. Выйдя из редакции «Лава», я прошел квартал или два. Потом на Московской улице присел на скамью, потихоньку развернул рукопись своего рассказа и осторожно, краешком глаза, прочитал в уголке рукописи одну или полторы строчки, написанные четким, ясным почерком: «Рассказ слабый, но способности у автора несомненны. А. Фадеев». Эти его семь слов запомнились мне на всю жизнь, они вселили в меня веру, что я смогу работать в литературе» [1, с. 131].

А. Фадеев стал «крестным» литературным отцом моего деда, он не только открыл ему дорогу в большую литературу, но и порекомендовал взять псевдоним «Синявский», для отличия от уже публиковавшего к тому времени первую и вторую книги «Тихого Дона» Михаила Александровича Шолохова.

Очень часто молодые ростовские писатели – А. Фадеев, Вл. Ставский, А. Бусыгин, Г. Кац, М. Обухов и другие для связи с массами выступали с чтением своих произведений перед рабочими на ростовских заводах и фабриках – на Лензаводе, ДГТФ (Донская государственная табачная фабрика), в трамвайном парке, в громадном здании в самом центре города, в его большом «мраморном зале» (ныне Окружной Дом офицеров по пр. Буденновскому, 34).

Об одной из таких встреч пишет Г.Ф. Шолохов-Синявский в очерке «Памятные встречи»: «...Впервые я увидел Михаила Александровича Шолохова в 1929 году в один из приездов его в Ростов-на-Дону. Приехал он вместе с поэтом М.А. Светловым и одним из лидеров тогдашней «Кузницы», писателем Н.Н. Ляшко, державшимся молча – особнячком. Это было время, как мне думается, наиболее счастливое в творческой жизни М.А. Шолохова. Выступления его перед многочисленными аудиториями можно было определить как триумфальные. Публика встречала его восторженно. Невысокого роста, плотный с вьющимся русым «казацким» вихорком над красивым высоким лбом и светлыми усиками, одетый в полувойенный костюм «хаки», он выходил неторопливо на сцену, несильным, но ясным, каким-то молодцеватым голосом читал главы из только что законченной третьей книги «Тихого Дона». Помнится: меня поразила это простая, полная подкупающей искренности, бодрая, без лишнего нажима, твердая манера чтения. Никто из писателей, кого мне удалось слушать, так не читал. Эта безыскусственная манера чтения гармонировала со всем юным и жизнерадостным обликом Михаила Александровича.

На другой день М.А. Шолохов, Н.Н. Ляшко и М.А. Светлов зашли в тесную комнатку журнала «На подъеме» (бывшее здание газеты «Молот»). Михаил Александрович в серой смушковой кубанке, в кожаной коричневой тужурке и с туго набитым портфелем, бодрый и сыплющий шутками, как бы завершил своим появлением в редакции радостное впечатление, оставленное у всех после литературного вечера.

В то время я сделал в литературу только первый робкий шаг – напечатал несколько рассказов, – стоял в уголке редакции и не сводил глаз с Михаила Александровича» [2, с. 617-619].

Именно о ростовцах (так называли жителей Ростова-на-Дону до 1930-х годов – *Т.Ш.*) Г.Ф. Шолохов-Синявский напишет цикл рассказов и первую повесть «Преступление», напечатанную в 1928 году в журнале «На подъеме» под редакцией А. Бусыгина.

Не мог начинающий писатель Г.Ф. Шолохов-Синявский и предполагать, что менее чем через 10 лет будет направлен в составе делегации от Ростовской области с правом решающего голоса на 1-й

съезд писателей СССР в г. Москву, а в 1936 году возглавит Союз ростовских писателей.

Ростов-на-Дону. Нахичевань на Дону. Весной 1933 года Г.Ф. Шолохов-Синявский с семьей переезжает из станицы Синявской в г. Ростов-на-Дону. Первоначально семья жила в маленьком домике на Шестой улице недалеко от зоопарка, район называли «Нахаловка». В этот период Георгий Шолохов усиленно работал над второй книгой романа «Суровая путина». По выходе из печати книга имела большой успех у читателей, последовали положительные отзывы критики.

Через год Союз писателей предоставил нашей семье квартиру в Ростове-на-Дону в доме на 16-й линии (тогда этот район города по исторической инерции называли Нахичеванью – *Т.Ш.*). Бабушка Елизавета Алексеевна Шолохова вспоминала: «Дом был большой на 150 квартир. Наша квартира на втором этаже окнами выходила во двор. Было всего две комнаты 32 кв. м. Первая комната поменьше, вторая, – побольше. Вторая служила спальней для двух наших ребят и моей мамы. Тут же в уголке был письменный стол и шкаф с книгами. Егор отгородился шкафом, сделал из уголка себе «кабинет», но от дворового крика ничем не мог отгородиться. У окон собиралось, до полсотни дворовых детей, и они поднимали такой крик, словно встревоженные грачи в непогоду. Егор садился за письменный стол и затыкал уши ватой, а то, вскакивал и бегал по комнате, пока не отрешится от всего. И когда он входил в такую лихорадку, тогда писал и писал по несколько часов подряд – часов по 10-11 в сутки. Так создавалась первая книга «Далекie огни» о жизни железнодорожников (1940 г.). Егор засел работать над второй книгой «Далекie огни». Книга была напечатана в Ростовиздате. Егор собрался писать третью книгу, но она не была написана. Началась Великая Отечественная война» (из семейного архива Г.Ф. Шолохова-Синявского – *Т.Ш.*).

К началу Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. в литературном арсенале Г.Ф. Шолохова-Синявского – изданные ростовским и московскими издательствами сборники рассказов «Новый причал» (1931 г.), «Камень у моря» (1934 г.), роман «Суровая путина» (1935-1936 гг.), «Далекie огни» (1940 г.), повесть «Три брата» выходил под названиями «Семья Кудимовых», «Братья» (1936-

1941 гг.). К теме Нижнего Дона, своей малой Родины, писатель вернется в конце жизни и напишет автобиографический роман-трилогию «Горький мед», состоящую из трех частей «Отец», «Казачья бурса», «Зарницы» (1961-1964 гг.).

Ростовчане на войне. Об одном мирном дне 31 декабря накануне грозного 1941 года Г.Ф. Шолохов-Синявский напишет в военном дневнике. Но как созвучны и актуальны были мысли и чаяния людей того времени сегодняшнему дню: «Вечером 31 декабря мы собрались в моей квартире на 16-й линии. Хотелось побыть в кругу наиболее близких мне людей. Жена приготовила ужин. Днем я купил какую-то душистую водку «Старка», несколько бутылок вина. Тяжелая бутылка шампанского должна была увенчать ужин. Я проверил часы. Легкое безмерное чувство, как в далеком детстве в пасхальные ночи, овладело мной. В широком окне мягко светились огни родного города. На улице шел теплый снежок. В ожидании своих немногих гостей я вышел из дому, прошелся до гастрономического магазина на углу 20-й линии. По улице шли люди, разговаривали между собой. То и дело слышался смех. На площади чугунный Карл Маркс весь был осыпан легким снегом. За его спиной стояла огромная елка, вся в разноцветных огнях, обвешанная шариками из дутого разноцветного стекла. На самой ее вершине горела рубиновая звезда. Вокруг бегали с резвым смехом ребятишки, толпились взрослые. «Мама, Карл Маркс как дед-мороз! – услышал я тоненький голосок девочки. – Только борода черная». Мать девочки рассмеялась. Я оглянулся. Праздничная толпа, пахнувшая смесью самых разнообразных духов, осаждала подкативший троллейбус. У такси – неуклюжего ЗИСа – спорили два парня. Люди ехали со свертками, патефонами, спешили... Сегодня вся страна поднимет тост, и все будут благодарить вождя за покой и мир в стране, в то время как по всей Европе люди уже узнали, что такое грохот авиабомб, скрежет танковых гусениц, разрушения и голод. Сегодня ночью немецкие летчики сбросят над Лондоном фугасные и зажигательные бомбы. Лондонцы будут сидеть в тесных переполненных убежищах... Странная встреча Нового года! А какое чувство будут испытывать поляки, французы, бельгийцы, голландцы, чехи, норвежцы? За кого они будут поднимать тосты? За каких героев?..

За ужином мы говорили о войне в Европе, о последних международных событиях, о том, куда еще двинет свою истребительную машину Гитлер.... В тот вечер под 1 января 1941 года мы заговорили об этом и сошлись, кажется, на одном: гитлеровская Германия истощится в войне прежде, чем вздумает напасть на Советский Союз, а мы тем временем увеличим мощь Красной Армии и двинемся на Запад как освободители оккупированных стран. Я уверен, не за одним новогодним столом спорили тогда доморощенные политики и искренне желали свернуть Гитлеру шею. И все же вопрос о неизбежной битве с фашизмом переносился на неопределенное время. Сама война рисовалась как нечто отдаленное, суровая неизбежность переносилась в будущее. У каждого было множество дел, все были поглощены созидательной работой. Мысль о войне у большинства носила только теоретическое выражение. Поэтому наш тост в эту полночь, как и тысячи тостов, были за мир и труд, счастье и процветание Родины. Если бы кто-либо сказал тогда, что враг уже в июне будет попирать нашу землю, жечь наши села, казнить наших людей, что в ноябре он будет под Москвой, – то такого пророка посчитали за сумасшедшего и разбили об его голову не один бокал...» [3, с. 525-526].

Будучи на фронте, Г.Ф. Шолохов-Синявский, постоянно, в мыслях возвращался к родным местам, к городу Ростову-на-Дону, где он вдохновился на создание новых произведений. Из дневниковых записей: «12 марта 1942 г. Выходной день. Хочется использовать его как можно полнее. Но драгоценные минуты текут, как вода сквозь пальцы. Вчера тревожные слухи о Ростове. Бои совсем близко между Таганрогом и Синявкой. Говорят, что моя родная Синявка переходит из рук в руки и остались от нее одни изломанные косточки. Если это так, то, где моя старенькая, всегда босоногая мать? Где сестры? Что с домиком, в котором я написал первую часть своей большой книги? Как поживают мои славные, всегда мрачноватые рыбаки? На письмо, отправленное две недели назад, ответа нет. Вообще о многих близких людях нет никаких вестей. Пишут «чужие», в их письмах нет того, что меня особенно интересует. Ничего не знаю о своей квартире. Были ли в ней немцы? Уцелели ли книги?»

Я никогда не забуду мрачных кинокадров, изображающих дымные пустынные улицы любимого города, огромное здание Радиоцентра с черными дырами вместо окон, снесенный до основания когда-то многоэтажный и шумный вокзал. Мокрый ноябрьский снег чуть припорошил улицы – до боли знакомая ростовская погода с её непостоянством! Мне было трудно дышать при виде всего этого. Сердце билось все сильнее. Жирная бродячая собака медленно, по-волчьи, вывернулась из-за груды какого-то хлама, нагроможденного у подъезда гостиницы «Интурист». Собака ожирела от падали, а может быть, и от мертвечины... Потом эти трупы расстрелянных на Армянском кладбище, на 1-й линии, и еще где-то, возле какой-то стенки, которую я не мог узнать, изуродованная семья профессора Рождественского, мальчик с голубем... Объектив киносъёмочного аппарата медленно двигался вдоль различных зданий. Я с трудом узнавал их. И вдруг – трупы и среди трупов – так мне показалось – женщина с ее лицом, ее волосы, в ее вязаной шерстяной кофточке. Она лежала, подогнув длинные стройные ноги. У меня захватило дыхание. Воображение, взвинченное страшными картинками озверения и разрушений (потом я узнал, что некоторые дома мы зажгли сами при отступлении), искало ее на улицах Ростова. Всю ночь и несколько дней меня преследовало это видение, – обожравшаяся падалью собака, сваленные как попало трупы...Я долго не мог избавиться от непередаваемых смешанных чувств ужаса, жалости, скорби и гнева...» [4, с. 530-531].

Сразу после войны, в 1946 году выходит первая часть романа-трилогии о войне «Волгины». В центре романа большая семья ростовчанина Прохора Матвеевича Волгина. Г.Ф. Шолохов-Синявский, как истинный патриот своего города, первым в литературе описал подвиг ростовчан в ноябре 1941 года. Это была первая победа в Великой Отечественной войне над фашистами, добытая совместными усилиями советских войск и нашими земляками, народными ополченцами, в битве за освобождение Ростова-на-Дону.

Не смогли остаться равнодушными к фронтовым воспоминаниям писателя мы, сегодняшние ростовчане. Сложился творческий коллектив – директор «Донского издательского дома» Ольга Петровна Рыбальченко с дочерью Еленой, журналисты Евгения и ее сын Владимир Апарины. К 75-летию Великой победы советского наро-

да над фашистской Германией этим издательством была опубликована книга «Фронтовой корреспондент Г.Ф. Шолохов-Синявский», а журналисты Апарины решили создать документальный фильм. Мы пришли в знаменитый дом на 16 линии в Ростове-на-Дону в мае, когда буйно цвели акации. Я была поражена, что люди, живущие в этом доме, помнят и гордятся знаменитым соседом-писателем. О фронтовом корреспонденте Г.Ф. Шолохове-Синявском, о ростовчанах, отдавших жизнь за свой город Ростов-на-Дону, о донских писателях создали ни один, а целых два короткометражных фильма «Память: Ведет...зовет и учит...» и «Фронтвой корреспондент Г.Ф. Шолохов-Синявский». Эти фильмы вы можете увидеть на интернет-ресурсе «You Tube». Получилось искренне, весомо и я с гордостью скажу, что эти работы были отмечены первыми местами на российских и международных конкурсах.

Писатель о юношестве. В 1950-1960-е годы писатель испытал новый творческий подъем. Одна за другой выходили его повести «Сухая юла» (первоначальное название «У кургана», 1949 г.), «Беспокойный возраст» (1953 г.) и трилогия «Горький мед» (1961-1966 гг.), выдержавшие не одно издание не только на Дону, но и в Москве, а также за рубежом – в Польше, Венгрии, Чехословакии. Георгий Филиппович уделял много внимания редакционной работе с рукописями молодых, начинающих донских писателей. Он ездил по Ростовской области, встречался с тружениками сел, заводов и предприятий, студенчеством, проводил читательские конференции, вел литературный кружок с молодыми железнодорожниками из газеты «Звезда», писал большой очерк о герое Советского Союза директоре совхоза «Гигант» Ф.А. Бойко, о строителях «Волго-Донского канала», работал в редколлегии журнала «Дон», являлся членом Комитета защиты мира, в составе делегации от союза Ростовских писателей направлялся на второй съезд писателей СССР, избирался депутатом местных органов власти. Он чувствовал пульс эпохи и отбивал вместе с ней удары зорким писательским пером.

Важно сказать о честности и бескомпромиссности писателя и человека Г.Ф. Шолохова-Синявского. Он понимал, что его литературное наследие переживет его, а последующие поколения захотят знать неприкрытую правду, поэтому он не лакировал в соответ-

вии с канонами соцреализма своих героев, изобличал пороки людей всех слоев общества, складывавшейся советской номенклатуры. Именно с этим связана история создания романа «Беспокойный возраст». Первая часть его под названием «Люди и время» была напечатана в литературно-художественном альманахе «Дон» № 2 в 1954 году. Роман подвергся жесточайшей критике, несмотря на то, что благосклонно был принят читателями. Основной проблемой романа, по мнению критиков, явилась победа черных сил – криминальных людей с «нечистой совестью». В областной газете «Молот» от 24.10.1954 г. выходит критическая статья А.В. Калинина под названием «На ложном пути», в которой автор упрекает Г.Ф. Шолохова-Синявского, что он отступил от принципов социалистического реализма, герои романа «нетипичные» для советских людей, описанные события не могут происходить в обществе, строящем коммунизм. Невзирая на критику, роман «Беспокойный возраст» полюбили читатели, особенно молодежь поколения 1950-1960-х годов, и сегодня, встречаясь с людьми на читательских конференциях, литературных фестивалях я слышу добрые отзывы о романе, для многих людей это воспоминание юности.

Тема молодежи всегда волновала писателя, в семье росли два сына, как и во многих других советских семьях, подростками их застала война, вместе с родителями побывали на фронтах Великой Отечественной войны, повидали смерть и людское горе, прослужили в рядах вооруженных сил еще долго после окончания войны. Общей проблемой для послевоенного поколения было прерванное образование. Как помочь послевоенной молодежи, чтобы не дать очерстветь их сердцам и душам, как воспитать. Вот такие вопросы стояли перед старшим поколением и, конечно, «на передовой» были советские писатели.

Роман «Упрямое поколение» – это гимн любви родному городу и землякам – начат в 1966 году, за год до смерти Г.Ф. Шолохова-Синявского. Окончить работу писатель не успел. Была написана только первая часть романа и издана посмертно в журнале «Дон» № 12 в 1969 году.

Мастерски найдена лирическая тональность повествования, словно художник легкими мазками писатель вписывает штрихи бытовых сцен послевоенной жизни ростовчан. Возвращаются с фронта

отцы семейств, заставая своих домочадцев, измученных войной и нуждой. В главных героях семьи Крапивиным мы узнаем семью самого автора, а события развиваются на улочках Ростова-на-Дону. Начало романа – это тоска, крик души на грани отчаяния молодого героя Олега Крапивина, но зарождающаяся любовь озаряет путь героя: «...Так они молча добрели до Театрального парка. Здесь было совсем мало света. Громадная площадь перед парком скупно освещалась редкими, недавно подвешенными матовыми шарами. Весь парк тонул в голубых сумерках. Лобастое, сожженное оккупантами здание драматического театра, зияя разрушенными галереями, обвалившимся порталом, темнело мертвой, бесформенной глыбой. До войны театр сиял огнями, сюда сходились празднично одетые люди, смотрели мастерски поставленные спектакли, а рядом в сквере шумел самый мощный в городе фонтан. Три атланта поддерживали на высоко вытянутых руках огромную чашу, с которой, спадая в бассейн, весело плескалась и звенела вода. Здесь когда-то толпились люди, играли дети, слышался смех. Горожане гордились своим театром, построенным по проекту двух выдающихся столичных архитекторов, гордились монументальным фонтаном... Атланты и сейчас несли на геркулесовских руках многопудовую чашу, но с нее уже не спадала вода. Фонтан был разрушен. Олег и Дина остановились в начале главной аллеи. Траурно чернели в ее глубине ряды наполовину срубленных пирамидальных тополей. Из парка веяло черной пустыней, от развалин театра – деревянными, брошенными тысячу лет назад катакомбами. Сюда вечерами редко кто рисковал заходить – было небезопасно. Бродили слухи, будто здесь могут раздеть, снять часы, а то и убить. Пошаливало выползшее из трущоб всякое жулье, завсегдатаи разгулявшейся толкучки. Но в парке, как нигде, ощущалось наступление весны. Из его зарослей притекали таинственные шорохи, где-то по голубиному ворковал ручеек. Здесь было как в лесу. И небо, и воздух были другие, чем на улицах, пахло влажной землей, древесной корой, прелыми листьями. А в эту ночь к тому же еще как-то особенно празднично перемигивались над парком теплые звезды» [5, с. 401-402].

Солнце, весна, любовь неизбежно пришли в жизнь ростовчан. Люди объединены общим трудом по восстановлению любимого

города. Встреча праздника Первомая становится кульминацией и торжеством жизни.

К сожалению, мы не узнаем, как сложились судьбы героев. Уверена, что фраза, вложенная в уста отца семейства – Василия Андреевича Крапивина: «Человек должен быть нужным государству», отражает суть убеждения писателя Г.Ф. Шолохова-Синявского.

Всю дальнейшую жизнь писатель ведет работу по сохранению мира на земле, являясь бессменным участником Международного комитета защиты мира от Ростовской области.

История повторяется. И вновь над миром нависла угроза, сегодня созвучны нашим чувствам слова, написанные Г.Ф. Шолоховым-Синявским через 20 лет после окончания войны: «Тревога вновь объяла мир. Многие тогда верили тому, что, если война и не уничтожена совсем и навсегда, то надолго отогнан ее кровавый черный призрак. Но прошло немного лет, а этот призрак вновь во весь рост замаячил на горизонте, и опять с той же стороны, откуда он двинулся 20 лет назад на мирное человечество.

Одни близорукие государственные деятели пытаются сейчас сделать вид, что не замечают этого страшилища в рогатой каске, с тупым звериным взором и новейшим автоматом в руках, другие стараются откровенно всунуть в его когтистые лапы чадный факел войны и небывалый концентрат разрушительной силы – водородную и атомную бомбу.

И в эти дни с трибуны ООН раздался мощный, полный веры призыв (и не впервые!) к всеобщему и полному разоружению. Его огласил перед всем миром представитель могучего народа, имеющего все необходимое, чтобы вновь и вновь защитить свое Отечество, свою свободу, свою одухотворенную правду от посягательства любого самого разнузданного и лютого врага. Человечеству нужен мир – вот главный смысл призыва нашего государства. Ибо нет выше блага на земле, чем мир, чем сохранение миллионов человеческих жизней, миллионов невинных детей, женщин и стариков, сохранение вековых созданий мировой культуры, величайших произведений искусства, литературы, красивейших городов и сел, заводов и фабрик, вузов и школ, музеев, здравниц – всего того, что служит на благо трудового человечества.

В этом и заключается главный гуманнейший смысл советских предложений о всеобщем и полном разоружении. И за это все простые люди земли благодарят и приветствуют высокого представителя нашей великой державы» [6, с. 202].

Эти слова, сказанные молодым советским офицером в послевоенные годы, вновь приобретают символический смысл. В них и тогда жила извечная мечта всех людей – навеки похоронить войну. Но война возникает не из абстрактных теорий, ее всегда начинают конкретные поджигатели – те, кто не внимлет голосу разума, настойчивому зову. Пока эти поджигатели существуют, оружие всегда должно быть наготове, ибо враги мира знают один закон – закон сильных.

Пока лежит в логове притаившийся кровожадный зверь, нужна и рогатина. И держать ее нужно в руках крепко, смотреть по сторонам зорко.

Наше могучее оружие — слово правды. Все орудия уничтожения мы готовы сегодня же переплавить на тракторы, плуги, сеялки и комбайны. Мы верим, что рано или поздно силы разума восторжествуют и призрак войны исчезнет с горизонта навсегда.

И, конечно, эта вера в торжество мира не ослабляет готовности российских воинов отразить любое нашествие на нашу Родину. Если зверь вновь вылезет из логова и кинется на нашу землю, его постигнет та же участь, что и его сгнивших в земле предшественников.

В своих произведениях Г.Ф. Шолохов-Синявский охватил период истории нашей страны с 1900 по 1967 год. Создал множество литературных образов и судеб простых людей, казаков, рыбаков, жителей Ростова-на-Дону и Нахичевани-на-Дону, воспевал самобытность Донской земли, особенности уклада жизни нижнего Дона и Приазовья. Творческое наследие писателя сегодня изучают литературоведы и краеведы, а его ценность заключается в обогащении знаний подрастающего поколения о родных местах, прививает любовь и уважение к истории, культуре родного края, помогает полнее ощутить и осознать связь литературы с жизнью.

Литература

1. *Максимов П. Фадеев в Ростове. – Ростов-на-Дону, 1972.*

2. Шолохов-Синявский Г.Ф. Собр. соч.: в 6 т. Т. 1. Ростов-на-Дону, 2019.
3. Шолохов-Синявский Г.Ф. Собр. соч.: в 6 т. Т. 4. Ростов-на-Дону, 2019.
4. Шолохов-Синявский Г.Ф. Собр. соч.: в 6 т. Т. 4. Ростов-на-Дону, 2019.
5. Шолохов-Синявский Г.Ф. Собр. соч.: в 6 т. Т. 4. Ростов-на-Дону, 2019.
6. Фронтовой корреспондент Г.Ф. Шолохов-Синявский. Ростов-на-Дону, 2020.

А.А. Попова

НАСЛЕДИЕ НИКОЛАЯ ЩУКЛИНА (К 100-летию Ростовской писательской организации)

Имя Николая Щуклина вряд ли известно современному ростовчанину. Но 100 лет назад оно было на устах всей читающей и пишущей братии ростовцев. Ведь именно благодаря стараниям этого человека в Ростове-на-Дону было создано писательское сообщество, которое с 1923 года носило название Ростовская Ассоциация пролетарских писателей, затем – Северо-Кавказская ассоциация пролетарских писателей, в 1934 году стала одним из структурных подразделений Союза писателей СССР, в этом году отмечает свое столетие.

История моего знакомства с биографией и творчеством Николая Кузьмича Щуклина полна загадочных совпадений.

Если и известен кому-то Н.К. Щуклин, то не как поэт, а как художник, выполнивший в 1925 году на южном склоне горы Машук в Пятигорске портрет В.И. Ленина. Эту картину невозможно не заметить, будучи на курорте. Размеры ее 15x20 м., написана она в красно-белых тонах и хорошо просматривается со многих точек предгорья. Информацию об этом можно найти в интернете. Но и только. Ни точных дат жизни, ни хоть какой-то биографии автора нет, сколько ни ищи.

Но, как говорят: бороться и искать, найти и не сдаваться.

В жизни каждого человека случаются удачи. Для кого-то – это долгожданная поездка на море, для кого-то – непредвиденное продвижение по службе. Для меня такой удачей стала встреча с книгой «Авиостихи» Н. Щуклина, изданной в Ростове-на-Дону в феврале 1924 года.

Попала книга ко мне именно в год, когда ей исполнилось 95 лет, а ее автору – 125. Чуть позже мне удалось раздобыть еще одну книгу, в которой были напечатаны стихи Н.К. Щуклина. Это был сборник «Памяти С. Есенина» 1926 г. издания. Потом был найден коллективный сборник «День донской поэзии» с его стихотворением. Мне захотелось написать об этом человеке. Но останавливало отсутствие фактической информации об этом авторе. Поиск выявил несколько источников. Прежде всего, это книга Нины Михайловны Гордеевой «Литературный Ростов 1920-х годов» (1967) и справочник «Писатели Дона» (1986), книга воспоминаний Павла Хрисанфовича Максимова «Памятные встречи» (Ростов-на-Дону, 1978), Николая Стальского «Друзья-писатели» (М., 1970). Все это было интересно, однако материалы повторялись, было видно, что первоисточник один на всех.

Я посылая запросы в разные архивы, однако везде получала отказ. И вот однажды, в который раз пересматривая интернет-ресурсы, я наткнулась на комментарии к статье о картине «Ленин на Машуке».

Один из них был от правнучки Щуклина! Но он был под ником, без имени и обратной связи не было. Я внимательно рассмотрела ник и аватарку и продолжила поиски. И да! Я нашла москвичку Евгению Жукову в соцсети, в-контакте, написала ей и получила ответ, в котором она подтверждала свое родство с Николаем Кузьмичем!

Но прошел еще год, пока я все-таки уговорила ее пообщаться со мною плотнее. И Евгения переадресовала меня к своей маме, которая была ближе знакома с предметом моего интереса. И вот, наконец, я в Москве, в квартире Жуковых-Щуклиных и у меня в руках бесценные архивы семьи. Многочасовая беседа, расспросы о моей работе, рассказ о некогда знаменитом дедушке, просмотр многочисленных папок с документами. Я не только узнаю даты жизни этого удивительного человека и подробности его личной жизни. Я получаю в полное мое распоряжение почти весь архив семьи, касающийся жизни и творчества Николая Кузьмича! И уже в Ростове, подробнее знакомясь с документами, я увижу эти строки:

... Когда идут последние мгновенья,
Когда кончается регламент мой,

Я завещаю все стихотворенья
Ростову-городу с его весной...

Таким образом, завещание поэта выполнено.

В привезенном архиве – фотографии, рукописи, начиная с 1916 года, газетные вырезки о работе литературных кружков Ростова с 1921 года, книги 1924 года издания, грифельные рисунки, письма.

Весной 1920 г. в Ростове установилась Советская власть, а в октябре из Москвы поступило распоряжение в губнаробразы о том, чтобы организовывать и направлять работу Пролеткультов. Большевикам необходимо было через культурно-просветительную работу вовлекать пролетариат под знамена новой государственной власти. Также необходимо было выработать поэтические формы и эстетические принципы, которые бы стали предтечей соцреализма. Именно поэтическая система Пролеткульта становится уникальным явлением массовой поэзии, для которой главным провозглашается содержание, совпадающее со смыслом. Слово, поэзия, литература становятся в Пролеткульте оружием в классовой борьбе... [1].

Именно Николая Кузьмича Щуклина, невысокого молодого человека, технаря-железнодорожника, вызвал себе в помощь в Ростове-на-Дону Александр Николаевич Поморский – уполномоченный Всероссийского Союза пролетарских писателей по Юго-Востоку России и Северному Кавказу, посланный в наш город для организации литературных кружков Пролеткульта.

Николай Щуклин (20.04.1894–24.11.1981), в своей автобиографии писал: родился 20 апреля 1894 года в семье тоннельного мастера Закавказской железной дороги. Окончил железнодорожное училище в Тифлисе, техническое училище в Баку, инженерно-строительное отделение Томского технологического института. По профессии – инженер-строитель, по призванию – художник и поэт. Первое стихотворение напечатано в Самаре 7 февраля 1916 года.

Образованный, не лишенный художественного и литературного таланта, до своего переезда в Ростов-на-Дону в 1921 году, Н.К. Щуклин жил во Владикавказе, работал в газете «Известия Военно-революционного комитета», был руководителем местной писательской организации, членом оргбюро Всероссийского Союза пролетарских писателей.

«Уже в августе 1921 г. А. Поморский, Н. Щуклин и писательница Зоя Аспий устроили вечер пролетарской поэзии, который имел у рабочей аудитории, как сообщает газета «Трудовой Дон», большой успех. Тогда-то и решено было создать в Ростове-на-Дону писательскую организацию и поручить руководство ею Н.К. Щуклину. Николай Щуклин в то время был худощавым молодым человеком, лет тридцати. Он ходил в кожаной куртке, кепке, в обмотках...» [2].

В Ростове он начинал работать в Ростовском участковом союзе железнодорожников (Ростучпрофсож) в качестве лектора-организатора и заведующего клубом Северо-Кавказского отделения путей сообщения, затем в Наробразе, в библиотеках города.

В марте 1922 года в городе создан кружок рабоче-крестьянского творчества, который объединял семнадцать молодых писателей. Среди кружковцев были В. Буриков, Н. Щуклин, П. Максимов и другие. Руководил кружком Михаил Орлин. Произведения начинающих авторов печатались в выходившем в то время журнале «Рабоче-крестьянское творчество». Его первый номер увидел свет 23 июля 1922 г. В номере были помещены стихи Н. Щуклина «Любите республику голодную», восторженное стихотворное воззвание «Кружку рабоче-крестьянского творчества», произведения других ростовчан.

Собрания, на которых литераторы читали и сообща обсуждали новые произведения, проходили на квартире Н.К. Щуклина в старинном купеческом доме № 47 по Казанской улице (ныне улица Серафимовича). Квартира состояла из одной небольшой, но высокой и светлой комнаты с тремя окнами. В комнате – только койка у одной стены, маленький тесовый столик у другой, да две табуретки. «Сходились гости, пили чай. Сидели на табуретках, на подоконниках, на стульях, взятых у соседей, на ящиках. Молодая, смуглая, чернобровая жена Н.К. Щуклина – Лида (Лидия Семеновна) угощала нехитрой снедью. И все это – в совершенно неофициальной, непринужденной, можно сказать, домашней обстановке. Ни председателя, ни секретаря на собрании не было, и никакого протокола не велось... В маленькой квартире Щуклиных вольно дышалось, все чувствовали себя друзьями по общему, невиданному прежде делу создания литературы нового общества» [2]. От дома № 47 по Казанской улице, в котором в 1923 году собирались поэты:

От дома этого остался только номер.
И больше ничего. Ни стен, ни крыш.
Как близкий человек в войну он помер.
И мертвого, его не оживишь.

Смотрю туда, где были окна наши,
Безликая там копошится тьма,
И о соседе, без вести пропавшем,
Сказать не могут ничего дома.

Как это страшно – потерять былое ...
Стою на улице один и нем.
Испепеленный страшною судьбою
Здесь дом стоял мой. Номер сорок семь... [3]

Группа пролетарских писателей Ростова росла с каждым новым публичным выступлением. На них приходили студенты и рабфактовцы, журналисты, рабкоры, недавно демобилизованные красноармейцы.

Первое заседание ассоциации пролетарских писателей состоялось в редакции «Трудового Дона» 15 августа 1923 года.

3 октября 1923 года в газете «Советский Юг» было опубликовано объявление: «В помощь пролетарскому студенчеству. Ассоциация пролетарских писателей (Ростовское отделение) устраивает в четверг, 4 октября 1923 года, в помещении физического корпуса Дон-госуниверситета, открытый вечер...»

Именно этот день считается днем рождения Ростовской писательской организации. По предложению председателя собрания руководителем был избран Владимир Киршон, а Николай Шуклин продолжил свою работу в качестве активного члена организации.

В документах, переданных мне, я нашла очень интересное письмо, датированное 13 апреля 1977 года. Оно адресовано ростовскому писателю Михаилу Андриасову: «...сказать по правде, я очень обижен тем, как ко мне отнеслись в городе Ростове-на-Дону. Мое имя не попало в первый сборник «Писатели советского Дона», а в сборнике «Писатели Дона», выпущенном в 1976 году моего имени нет в числе 60-ти перечисленных в сборнике писателей.

Однако, если взять подшивку газеты «Трудовой Дон» от 21 августа 1923 года, то можно найти сообщение под заглавием «ВАПП в

Ростове», где сказано о создании отделения РАПП и о том, что создано оно по инициативе К. Гатуева, А. Костерина и Н. Щуклина...И дату создания организации следует считать не 4 октября, когда избрали Киршона, а 16 августа, по дате нашего первого заседания...»

В те годы он много писал. «Стихи Щуклина часто печатались в «Трудовом Доне» и «Советском Юге» и пользовались успехом у рабочего читателя. Поэт рассказывал о том, что становилось главным содержанием жизни народа, о трудовом энтузиазме людей, строящих новый мир. «Водокачка», «Мостовщик», «Электромонтер», «Грузчик», «Постройка», «Швейницам», «Стихи о транспорте» и другие произведения Н. Щуклина воссоздают то время, когда рождалась трудовая слава рабочих Ростова. Тридцатилетний рабочий-железнодорожник стремился многое постичь» [2]. Он неплохо рисовал, писал стихи и очерки, статьи о творчестве писателей-современников.

Единственная книга Николая Щуклина «Авиостихи» издана в Ростове-на-Дону Обществом Друзей Воздушного Флота Донской Области и Ассоциацией пролетарских писателей в 1924 году; она написана в стиле конструктивизма. Это была первая книга, на которой размещался логотип Ассоциации пролетарских писателей Ростова! Отпечатана в типографии Южного Военно-Топографического Отдела Штаба РККА. Дизайн обложки – сам же автор книги Николай Щуклин. Обложка также выполнена в духе конструктивизма и очень похожа на работы того периода московского художника-конструктивиста Александра Родченко. В книге всего 56 страниц, небольшой формат. Включены шестнадцать стихотворений и поэма «Киностихи Воздухофлоту».

Не скажу, что меня сразу впечатлили эти «авиастихи». Они несовершенны, наивны, и с высоты XXI века выглядят детским лепетом. То глаз, то язык спотыкаются о «жорявости», типа «И будут / Повсюду / Заводы / Стальных алюминиевых птиц» или «...За то над заводом фабричным / Сомкнулись надолго пути...». «Стальные алюминиевые птицы» и «фабричный завод» звучит непривычно, режет ухо.

Но были у Щуклина и другие стихи, лиричные, которые сразу находят уголок в душе читателя:

...Днем тебя ранило,
Или осени листья томят,
Отчего твои пальцы дрожат,
Скользя клавиш холодными гранями...

К сожалению, до сих пор они нигде не печатались.

В 1926 году Н.К. Щуклин принимал активное участие в работе комитета по увековечению памяти С.А. Есенина. Комитет собрал много документов, связанных с пребыванием Есенина на Дону, и издал сборник «Литературный Ростов – памяти Сергея Есенина». В нем опубликованы стихи восьми ростовских авторов, в их числе Нина Грацианская, Вениамин Жак, Александр Гербтсман, Илья Березарк, Григорий Кац, Павел Кофанов, Юрий Юзовский, а также Всеволод Рождественский из Ленинграда.

«...В 1926 году Н.К. Щуклин уехал из Ростова. Он был не только поэтом, но строил жилые дома и промышленные здания, мосты и железные дороги. Пафос труда, превратившего Россию из отсталой крестьянской страны в могучую индустриальную державу, нашел отражение в его поэмах «Железная дорога», «Москва – Донбасс», «Турксиб» и др. Трудовая жизнь забрасывала его в различные районы необъятной страны. В горячих мертвых песках метр за метром прокладывал он «трассу жизни» – легендарный Турксиб. Неутомимый пропагандист советской литературы, он и там создал литературный кружок, выросший затем в Алма-Атинскую писательскую организацию» [2].

Николай Щуклин прожил долгую, интересную жизнь. До самой смерти был верен литературе, продолжал печатать очерки и стихи в различных периодических изданиях. Последние годы он жил в Москве.

Но все же...

Скрыть не могу восторга и волнения.
Я всем увиденным мной потрясен.
Передо мною, как стихотворенье,
Вновь возникает город Ростов-Дон.

Привет вам мой сердечный, ростовчане!
Всем ростовчанам юным и седым!
В страну Поэзии, в Ростов желаний,
Я прибыл на свидание с былым!

... Но за меня не будут ростовчане
Нигде краснеть. По фронту городов
Я неустанно проявлял старанье,
Везде достойно представлять Ростов! [4]

Литература

1. *Гордеева Н.М.* Литературный Ростов 1920-х годов. Ростов-на-Дону, 1967.
2. *Максимов П.Х.* Памятные встречи. Ростов-на-Дону, 1978.
3. День донской поэзии: стихи. Ростов-на-Дону, 1964.
4. *Щуклин Н.К.* Пути-дороги: стихи разных лет. 1916-1977. Т. 1. Рукопись. М., 1977.

М.Е. Журавлева

А.М. ЛИСТОПАДОВ В ВОСПОМИНАНИЯХ ДОНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

**(к 150-летию со дня рождения фольклориста,
этнографа и музыковеда Александра Михайловича Листопадова)**

Широкие донские просторы, степной ковыль да вольная казачья песня всю жизнь окружали исследователя донского фольклора Александра Михайловича Листопадова, чье творчество вошло в золотой фонд музыкальной культуры XX века. В этом году отмечается 150 лет со дня рождения автора пятитомного труда «Песни донских казаков».

Донские писатели не обошли вниманием известного фольклориста, многие были с ним знакомы и оставили свои воспоминания.

В их числе Георгий Петрович Сердюченко (1904-1965) [1, с. 837-838] – русский филолог, доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент Академии педагогических наук РСФСР, лингвист, языковед.

Самый известный труд А.М. Листопадова, – дело всей его жизни, – пятитомник «Песни донских казаков», опубликованный уже после смерти собирателя, издан под общей редакцией Г. Сердюченко. Второй том начинается с его вступительной статьи «Александр Михайлович Листопадов. Очерк жизни и творчества (1873-1949)» [2]. Описывая творческий путь фольклориста, Г. Сердюченко отмечает, что Листопадов – «замечательный собиратель и исследователь русской народной песни», «выдающийся русский музыкант-этнограф» [2, с. 3]. «В Александре Михайловиче Листопадове тесно переплелись интересы этнографа, фольклориста, музыканта, певца и музыковеда, что и дало ему возможность исключительно талантливо, на одинаково высоком уровне, записывать и тексты и напевы народных песен» [2, с. 3]. При этом Г. Сердюченко подчеркивает, что неправильно ограничивать деятельность Листопадова только собиранием и записыванием текстов и напевов, он всесторонне и тщательно изучал народное песнетворчество. Ценны и должны использоваться русской наукой научно-теоретические обобщения по вопросам фольклора, этнографии и музыковедения «исключительно скромного и требовательного к себе исследователя Листопадова» [см. 2, с. 28].

Иосиф Моисеевич Гегузин (1916-1999) [3] – журналист, краевед, литературный критик, автор многочисленных статей, очерков, рассказов, пьес. Несколько лет он вел в газете «Вечерний Ростов» раздел «Их именами названы улицы Ростова». Его перу принадлежат популярные сборники краеведческих очерков – «Страницы ростовской летописи», «Добрый след», «Читая сердце поэта». Широко известны его очерки о В. Закруткине, М. Шагинян, В. Пановой, А. Серафимовиче... При работе над материалом Иосиф Гегузин общался с множеством людей, вел переписку, знакомился с документами, посещал места, связанные с жизнью и творчеством героев очерков.

Первая книга И. Гегузина, изданная в 1948 году, – документальная повесть «Александр Михайлович Листопадов» [4], рассказы-

вающая о непростой жизни собирателя, его судьбе и увлечениях. Книга «Влюбленный в песню» (1974) [5] знакомит читателя с биографией А.М. Листопадова, с содержанием листопадовского пятитомника – итога неустанных поисков талантливого ученого, и по сей день сохраняющего свою познавательную и художественно-практическую ценность. Да и сам автор предстает перед нами не просто биографом, но и литературоведом.

«Листопадов – оригинальный исследователь-новатор... Он является страстным пропагандистом русского народного многоголосного пения. Этого крупнейшего знатока и деятеля русской музыкальной культуры отличают скромность и научная добросовестность, страстность и неугасимая энергия, широта кругозора и разносторонность интересов» [4, с. 6]. «Записанное А.М. Листопадовым песенное наследие донского казачества дает колоссальный материал как в сюжетном, так и в жанровом отношении. Он, без преувеличения, является почти исчерпывающим», – заключает автор [4, с. 44]. Однако, если «А.М. Листопадов» И. Гегузина и «А.М. Листопадов» Г. Сердюченко – очень близкие и по структуре, и по тексту произведения, то «Страницы ростовской летописи» 1989 года с главой «Всю жизнь с песней», посвященной Листопадову [6], – совершенно оригинальное произведение Гегузина. Здесь чувствуется личное отношение автора к своему герою, которого И. Гегузин хорошо знал с 1936 по 1949 год. «Это был очень скромный человек, простой, сердечный, отзывчивый. Мне нравилось с ним беседовать, ведь он обладал огромной эрудицией, интересы его были разносторонними. Я не переставал удивляться его неумемной страстности, кипучей энергии», – так описывает И.М. Гегузин А.М. Листопадова. [6, с. 195-196].

Александр Михайлович Суичмезов (1911-1986) [7, с. 327-331] – журналист, писатель, драматург и очеркист, главный редактор журнала «Дон», заслуженный работник культуры РСФСР. Значительное место в творчестве Александра Михайловича занимают краеведческие очерки о Донской земле. Под редакцией А.М. Суичмезова в Ростовском книжном издательстве изданы книги, знакомящие читателя с жизнью на Дону. Он и сам освещает эту тему.

В 1981 году вышел сборник произведений А. Суичмезова – «На всю жизнь» [8], в который вошли повесть «Из личной жизни Бори-

са Велихова», ряд рассказов, очерков и воспоминания о встречах с М.А. Шолоховым, А.С. Серафимовичем, К.А. Тренивым, Н.Ф. Погодиным, А.М. Листопадовым. «Жизнь для песни народной» – так называется очерк А.М. Суичмезова о жизни и творчестве своего тезки А.М. Листопадова. Очерк написан живым, образным языком, чувствуется теплое, дружеское и уважительное отношение к Листопадову-деятелю и Листопадову-человеку.

Александр Суичмезов вспоминал, как однажды в детстве он с товарищем ехал случайным обозом из станицы в город. Днем погонщики, изнывая от августовской жары, погоняли волов, лишь изредка понукая их возгласами: «Цоб-цобэ!» Когда же солнце клонилось к западу, все возчики, не обращая внимания на случайных пассажиров, начинали самозабвенно петь. Особенно запомнился Александру «чуть рябоватый усач»-дишкант с красивым тенором с хутора Юрова [8, с. 232]. Хозяин арбы с хутора Орешкина, рыжебородый Силантий Ефимович, рассказал, что «в окрестных хуторах много песенников. – Недаром их записывали на какой-то машине с трубкой... Еще я в парнях ходил, приезжал, помню, благородный такой, песню дюже понимает...» [8, с. 233].

Через несколько дней на обратном пути познакомился юный Суичмезов с дядей Барбаяновым, стесняющимся своего хрипловатого голоса рылешником, или гудошником, играющим на старинном народном инструменте – донской лире (рыле). Казаки называли этот инструмент гудком.

Уже гораздо позже, работая в Новочеркасске в редакции газеты «Знамя коммуны», А.М. Суичмезов сдружился с руководителем музыкального училища, преподавателем вузов Александром Михайловичем Листопадовым, прекрасным собеседником, хорошо знающим всю территорию бывшей Области войска Донского. Интересны были его рассказы о достопримечательностях станиц, о Новочеркасске, о донских песенниках. «И все же не знал еще я, – пишет автор, – что «благородный» человек, который, по давнему рассказу казака с хутора Орешкина, на «машину с трубкой» записывал казачьи песни, и Александр Михайлович – одно и то же лицо» [8, с. 234].

Но как-то Александр Суичмезов в одной из библиотек увидел изданный еще до революции сборник народных песен со статьей

А.М. Листопадова. На одном из фотоснимков были изображены два казака-гудошника – старик Андрианов (как указывалось в подписи под фотографией) и молодой, «с удивительно знакомыми чертами лица». А.М. Суичмезов узнал его. «Да, это был тот самый дядя Барбаянов, что пел своим хрипловатым голосом, рассказывал про гудок и укрывал меня, двенадцатилетнего мальчишку, своим старым чекменем...» [8, с. 234].

Александр Суичмезов отмечает, что А.М. Листопадов – «на редкость скромный человек, он мало говорил о себе, о своей жизни» [8, с. 234], при этом не забывал упомянуть по фамилиям интересных песенников из самых глухих хуторов. «А ведь, участвуя в одной только первой экспедиции, посланной из Москвы на Дон для сбора текстов и мелодий казачьих песен, Александр Михайлович встретился с тысячами людей, побывал почти в ста станицах и хуторах, проехал по донской земле более двух с половиной тысяч верст. А во скольких еще хуторах и станицах побывал он за пятьдесят лет творческой жизни!» – восхищается автор [8, с. 234-235].

«Музыковед и композитор, дирижер и певец, выдающийся фольклорист и этнограф, музыкант и педагог, Листопадов помог сохранить в первоизданном виде устно-поэтическое народное творчество», – пишет А.М. Суичмезов [8, с. 235].

Называя А.М. Листопадова «неутомимым пропагандистом русского народного многоголосного пения», сделавшим неоценимый вклад в развитие русской музыкальной культуры [см.: 8, с. 235], А. Суичмезов описывал нелегкий путь собирателя, отмечал некоторые факты его биографии – учебу в Московской консерватории и высылку из Москвы за участие в студенческих революционных кружках. Ссылку А.М. Листопадов отбывал в Саратове.

Интересно секретное письмо московского градоначальника, присланное в адрес войскового наказного атамана, приведенное А.М. Суичмезовым, где говорится, что «потомственный почетный гражданин Александр Михайлович Листопадов, которому, как лицу неблагонадежному в политическом отношении, московским генерал-губернатором... воспрещено жительство в Москве и Московской губернии... выбыл из гор. Москвы 10 сего февраля в Екатерининскую станицу...» [8, с. 236], то есть на родину. Окружному атаману надлежало вести наблюдение и сообщать о его деятельности, одна-

ко Листопадов в Екатерининскую не явился. Возможно, здесь и прячется разгадка одного из «белых пятен», коими изобилует биография А.М. Листопадова. В своей работе мы уже, ссылаясь на документы, а также изыскания, проведенные известнейшим музыковедом, профессором кафедры истории музыки Ростовской государственной консерватории, к сожалению, ныне ушедшей Т.С. Рудиченко, которые касались вопроса о месте рождения А.М. Листопадова [см. 9, с. 139]. Как писала Т.С. Рудиченко, «сведения о времени и месте рождения в опубликованных биографиях и автобиографии А.М. Листопадова противоречат имеющимся в документах. Согласно выписке из метрической книги церкви Рождества Богородицы, он родился в хуторе Чекалове 2-го Донского округа, а не в станице Екатерининской, как пишут биографы и сам Листопадов. Сейчас трудно вполне достоверно объяснить, что побудило казака А.М. Листопадова подправить факты, но теперь мы знаем, что для наших земляков это не было такой уж редкостью – одни вынуждены были брать чужие фамилии, другие – придумывать легенды о своем происхождении» [10, с. 3]. Нам же думается, что уже тогда, к 1907 году, «неблагонадежный в политическом отношении» А.М. Листопадов, опасаясь надзора, искажил факт о месте своего рождения.

А. Суичмезов тепло описывает встречи с А. Листопадovým. В первый послевоенный год в Ростове-на-Дону они вспоминали Новочеркасск, довоенный Ростов, ансамбль песни и пляски донских казаков, созданный в 1936 году при активном участии А.М. Листопадова. Во время войны ансамбль лишился многих участников и «в значительной мере утратил свое творческое лицо, нуждался в художественном совершенстве и материальной поддержке» [8, с. 237]. А.М. Суичмезов написал статью «О творческом лице одного ансамбля», чем привлек внимание к коллективу. Александру Михайловичу статья понравилась.

По словам А. Суичмезова, М.А. Шолохов высоко ценил труды А.М. Листопадова, его подвижническую деятельность, А.С. Серафимович, страстно любивший песни родного Дона, говорил о Листопадове как о «выдающемся композиторе-фольклористе». К.А. Тренев выразил свое признание таланта Листопадова в помощи при издании его трудов [см.: 8, с. 238].

Трудно говорить об Александре Михайловиче Листопадове только как о выдающемся деятеле искусства, – пишет А. Суичмезов. «В памяти неизменно встает образ этого душевного человека – мягкого, деликатного и, вместе с тем, непреклонного и бескомпромиссного в отстаивании своих принципов» [8, с. 238].

В заключение автор говорит о том, что Листопадов ушел из жизни, оставив богатейшее наследство, которое служит и всегда будет служить народу [8, с. 238].

Замечательный журналист, писатель, краевед Борис Петрович Агуренко (1934-2003) [11] не был знаком с А.М. Листопадковым, но, рассказывая читателям «Вечернего Ростова» про улицу Листопадова в Пролетарском районе, вспомнил, как летом 1953 года он в составе экспедиции студентов госуниверситета отправился на летнюю практику в станицу Раздорскую, чтобы продолжить сбор песен, былин, прибауток, пословиц и поговорок для второго тома нового издания «Народное творчество Дона».

Студенты совершали «экспедиции» в окрестные хутора, много интересного было записано в станице Мелиховской и хуторе Пухляковском.

«Многое мы слышали впервые и верили в то, что делаем открытия. Наш пыл остудил девяностолетний дед Ерыженсков, которого с трудом удалось застать – то он косил камыш на зиму, то возил зерно на мельницу... Спел дед нам несколько песен – и протяжных, и походных, и прибасных, – а потом говорит:

– Вы, ребята, найдите книгу одного человека. Вот, скажу вам, мудрушка был! Гутарят, недавно помер, царство ему небесное. Листопадов он, Александр Михайлович. Я ему еще до войны все, что знал, спел. Он по науке все записал, как следует. Целую книгу выпустил! Вот и берите в ней, что вам нужно. Там все правильно...

Это ли не народное признание полувековой деятельности нашего замечательного земляка!...» [12, с. 3], – восклицает автор.

«В последние годы, к счастью, поднимается новая волна интереса к фольклору, – продолжает Б. Агуренко, – Появляются самобытные, пользующиеся всенародным признанием исполнители, интересные молодежные коллективы. И творчество А.М. Листопадова для них – важнейшая основа: в нем на многие годы вперед намече-

ны пути возвращения народной песни в нашу общенациональную культуру» [Там же].

Михаил Андреевич Никулин (1898-1985) [7, с. 232-237] – известный ростовский писатель. Работал в литературно-художественном журнале «На подъеме» (1930-1939), корреспондентом областной газеты «Молот», возглавлял отдел художественной прозы журнала «Дон», автор более тридцати книг. Известность пришла к М. Никулину в 1957-1958 годах с выходом в свет его повести «Полая вода» – о судьбах донского казачества в первые годы Советской власти.

Повесть «Погожая осень» [13] посвящена людям творческого труда, донской казачьей песне и ее собирателю А.М. Листопадову, которого автор хорошо знал. Здесь много личного, эмоционального, собраны воспоминания и впечатления от встреч и бесед с композитором-фольклористом. Пятитомник А.М. Листопадова, обогативший нашу культуру, наше представление о поэтическом и музыкальном народном творчестве, по мнению М. Никулина, «дорог нам и как живая связь с прошлым нашего народа, и как оружие в борьбе за народность в литературе и музыке» [14, с. 230].

«Погожая осень» – еще и о выборе между удобным соглашательством и активной жизненной позицией. «Я тверд точно камень во мнении, – пишет М.А. Никулин, – что народная песня – наше оружие против приспособленчества, а Листопадов – пример солдатского служения искусству, а значит, укор ожиревшему писаке» [14, с. 240]. «Через четверть часа мы – на кладбище, около могилы Листопадова, – вспоминал М.А. Никулин, – Стоим. Молчим. Мертвые обязывают к молчанию, и особенно те, кто при жизни думал, трудился ради людей, ради их будущего... Скромная решетчатая ограда оцепила два немного затравевших холмика земли. Два щитка с надписями: «А.М. Листопадов» и «Н.И. Листопадова». Да, это и есть место последнего прибежища человека, который был истинным подвижником в поисках песенной правды и никогда на пути к цели не склонялся перед житейскими трудностями, не искал проторенных и гладких дорог.

Я тихо высказываю Варе и Косте мысль, которая меня беспокоит: – Ни в филармонии, ни в театрах области я не видел хотя бы скромного, маленького бюста Александра Михайловича Листопадова... Что это – забвение, равнодушие?

По пути с кладбища легко договариваемся, что это не забвение и равнодушие, а та ошибка, которая с деловитой молчаливостью будет исправлена временем!» [14, с. 256].

В очерке «Фольклорист-музыкант, художник» (1983) [15, с. 303-306] М.А. Никулин утверждал: «Наследство А.М. Листопадова с полным правом может быть названо хрестоматией устного поэтического и музыкального творчества донских казаков, хрестоматией донской песни. Сам же Листопадов, собиратель, исследователь и классификатор этих песен, был солдатом, посвятив свою творческую деятельность беззаветному служению в интересах народа».

Увы! Время неумолимо пытается стереть из нашей памяти и имя преданного своему делу фольклориста А.М. Листопадова, и имена многих талантливых донских писателей ушедшей советской эпохи. Наш долг, долг благодарных потомков – популяризировать их творчество, не дать забвению и равнодушию прервать связь с прошлым, сохранить и преумножить великое наследие.

Литература

1. Педагогическая энциклопедия: в 4 т. / Гл. ред. И.А. Каиров, Ф.Н. Петров. Т. 3. М., 1968.

2. *Сердюченко Г.П.* Александр Михайлович Листопадов. Очерк жизни и творчества (1873-1949) // Листопадов А. Песни донских казаков: Под общ. ред. д-ра филолог. наук проф. Г. Сердюченко. Т. 2. М., 1950. С. 3-29.

3. *Попова А.А.* Влюбленный в донскую литературу. Иосиф Гегузин. <https://donpisatel.ru/ndl/409/>

4. *Гегузин И.М.* Александр Михайлович Листопадов (к 75-летию со дня рождения). Ростов-на-Дону, 1948.

5. *Гегузин И.М.* Влюбленный в песню: очерк жизни и деятельности выдающегося собирателя и исследователя донских казачьих народных песен А.М. Листопадова. Ростов-на-Дону, 1974.

6. *Гегузин И.М.* Страницы ростовской летописи. Краеведческие очерки о событиях и людях, увековеченных в мемориальных досках». Изд. 2-е, испр. и доп.. Ч. 2, 1989. С. 193-196.

7. Писатели Дона: библиографический указатель. Изд. 2-е, испр. и доп.. Ростов-на-Дону, 1986.

8. *Суичмезов А.М.* На всю жизнь: Рассказы, повесть, очерки. Ростов-на-Дону, 1981. Жизнь для песни народной. С. 233-238.

9. *Журавлева М.Е.* «Мой труд – труд собирателя» (Творческое наследие и вклад в культуру многонационального Донского края выдающегося

фольклориста, музыканта, ученого А.М. Листопадава) // Многонациональный Донской край в литературном наследии М.С. Шагинян и ее современников: материалы VIII Шагиняновских чтений. 11 мая 2021 г. Ростов-на-Дону–Чалтырь, 2021. С. 139-145.

10. Памяти А.М. Листопадава: сб. науч. статей, посвященных 120-летию со дня рождения А.М. Листопадава / ред.-сост. Т.С. Рудиченко. Ростов-на-Дону, 1997.

11. Агуренко Борис Петрович.
<https://donlib.ru/memorabledates/2009/9/30/agurenko-boris-petrovich/>

12. Агуренко Б.П. Александр Листопадов, собиратель песен Дона // Вечерний Ростов. 2002. 10 сентября.

13. Никулин М. Погожая осень. Ростов-на-Дону, 1973.

14. Никулин М. Повести наших дней. Погожая осень.
<https://www.rulit.me/books/povesti-nashih-dnej-read-598307-216.html> С. 216 – 256.

15. Никулин М. Фольклорист-музыкант, художник: А.М. Листопадов // Люди земли донской: Очерки. Ростов-на-Дону, 1983.

Г.А. Кибалова

ИСКУССТВОВЕД Ю.Л. РУДНИЦКАЯ, СОВРЕМЕННОЦА М.С. ШАГИНЯН: ЕЕ ВКЛАД В РАЗВИТИЕ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА

Среди современников М.С. Шагинян было очень много талантливых и одаренных людей. Они жили и боролись, искали и постигали, открывали, возрождали и создавали. Все они в той или иной степени в своей деятельности и в своем творчестве отразили события и судьбы, ценности и мировоззренческие поиски различных исторических эпох, социального переустройства общества.

23 июня 2022 года исполнилось 100 лет со дня рождения искусствоведа Юлии Леонидовны Рудницкой. Юлия Леонидовна родилась в городе Ленинграде и мечтала связать свою жизнь с искусством. Великая Отечественная война застала ее студенткой Ленинградского Института живописи, скульптуры и архитектуры. Но все мечты о прекрасной профессии пришлось отложить. Юлия Леонидовна уходит добровольцем на фронт.

Окончила институт Юлия Леонидовна только в 1950 году, получив профессию искусствоведа. Переехала в город Ростов-на-Дону,

работала в Ростовском областном музее изобразительных искусств, впоследствии стала его директором и возглавляла музей в течение практически 30 лет.

Благодаря своему закаленному в годы войны характеру, безмерной любви к искусству и к своей профессии, творческому подходу, Юлия Леонидовна смогла добиться высоких результатов в годы работы в музее. Также она преподавала историю искусств в Ростовском художественном училище им. М.Б. Грекова (1951-1963).

Юлия Леонидовна внесла огромный вклад в развитие музея: в пополнение его коллекции, в научно-исследовательскую работу. По ее инициативе при Ростовском областном музее изобразительных искусств создается лекторий.

Она является автором каталогов о коллекциях музея: «Живопись Ростовского музея изобразительных искусств» (1965 г.); «Русская дореволюционная и советская графика» (1983 г.); каталог Ростовского областного музея изобразительного искусства (1983 г.). Ю.Л. Рудницкая является автором книги о донском искусстве: «Художники Дона». «Одного перечисления этих книг достаточно, чтобы получить представление о характере выставок "Общества" и об их довольно высоком профессионально уровне» [1]. Также Юлия Леонидовна является автором многочисленных публикаций в местной и центральной печати: «В мире светлых красок» (газета "Вечерний Ростов", 1967 г.), «Выставка произведений А. Тимофеева в городе Ростове-на-Дону» (журнал "Художник", 1977 г.); «Советский Юг» (журнал "Художник", 1965 г.); «Молодые в пути» (газета "Молот", 1966 г.); «И открывается родная земля» ("Вечерний Ростов", 1977 г.) и др.[3].

Юлия Леонидовна вела большую работу по популяризации изобразительного искусства художников Дона. В краеведческом фонде ЦГБ им М. Горького имеются прекрасные иллюстрированные и содержательные издания Юлии Леонидовны Рудницкой: «В.Ф. Щепланов» (1987 г.) – в монографии Юлия Леонидовна рассматривает творчество заслуженного художника РСФСР, работавшего в Ростове-на-Дону, живописца В.Ф. Щепланова; "Художники Дона" (1987 г.) – в этой книге рассказывается о большом отряде живописцев, скульпторов, графиков, художников театра и декоративно-прикладного искусства, также в ней ярко охарактеризована худо-

жественная жизнь города до Октябрьской революции и в первые послевоенные годы [2].

Юлия Леонидовна являлась инициатором различных выставок и мероприятий. Уделяла большое внимание хранению, комплектованию, реставрации, учету, изучению фондов музея. Много творческих сил она отдала изучению и популяризации памятников культуры и искусства. Всегда трудилась с невероятным душевным подъемом. Большое значение придавала лекционной деятельности (циклы лекций, отдельные выступления). Заботилась о расширении всех форм работы музея с молодежью. Широкий кругозор и необыкновенный интерес ко всему давали ей возможность глубоко проникнуть и разобраться в малоизвестных произведениях и недооцененных мастерах, привлечь к ним внимание общественности. Юлия Леонидовна не только инициировала выставки, но и развивала научную, культурно-просветительскую работу, формируя тем самым особую музейную среду. Осознавая огромную ценность искусства, вкладывала свой талант в любимое дело. Юлия Леонидовна была собирателем и создателем нового. Считала, что у каждого человека должно быть любимое и интересное дело по душе, к которому он привязан. Видела смысл жизни в том, чтобы оставить свой вклад в этом мире.

Юлия Леонидовна Рудницкая – одно из ярких имен, вписанных в летопись искусства и культуры. Как поэтесса, прозаик, искусствовед Мариэтта Сергеевна Шагинян была человеком большой культуры и энергии. В жизни Мариэтты Сергеевны было многое связано с Доном и городом Ростовом-на-Дону. Писательница М.С. Шагинян стояла наряду с художниками М.С. Сарьяном и А.Д. Силиным у истоков создания музея РОМИИ.

Как известно, Мариэтта Сергеевна с 1915-1920 гг. жила в донской столице, преподавала в местной консерватории эстетику и историю искусств. Муж М.С. Шагинян был искусствоведом. Сестра Мариэтты Сергеевны, Магдалина Шагинян – скульптор, педагог и художник, основатель первой художественной школы на юге Советской России, в Нахичевани-на-Дону.

Ростовский художник Ю.Т. Герасимов, работая над галереей портретов, которые он назвал "Летопись Ростова-на-Дону в лицах", изображая людей, оставивших значительный след в истории наше-

го города, изобразил Ю.Л. Рудницкую, уникальную личность, которая оставила после себя богатейшее творческое, научное и литературное наследие, обладающее и сегодня большим патриотическим потенциалом. Память о Ю.Л. Рудницкой, ее огромной роли в истории художественной жизни, в искусстве и культуре, простирается далеко за пределы Донского края.

Литература

1. *Рудницкая Ю.Л.* Художники Дона. Л., 1987.
2. *Рудницкая Ю.Л.* В.Ф. Щербланов. Л., 1982.
3. *Тимофеев А.В.* Библиография: <https://timofeev-aleksandr.ru/bibliografiya/> (Дата обращения - 25 апреля 2023 г.)

Т.А. Шолохова

ФОТОГРАФИИ НА СТЕНЕ ИЛИ ВСТРЕЧИ С А.И. БУСЫГИНЫМ

Неосуществленные замыслы. Писатель Александр Иванович Бусыгин был близким другом, наставником и соратником по перу моего дедушки, донского писателя Георгия Филипповича Шолохова-Синявского. В кабинете моего деда и по сей день висят фотографии донских писателей 1920-х и 1930-х годов. С детства я всматривалась в лица писателей и за каждым усматривая необыкновенную судьбу.

Вот на фото юный красавец Саша Бусыгин, с озорным взглядом смоляных глаз, рядом М.А. Шолохов, М. Светлов, Г. Кац, В. Ставский и, кажется, будто они сейчас встанут и пойдут с беззаботностью, свойственной юности. Может именно об этом моменте и написал мой дед в своих воспоминаниях о событиях начала 1920-х годов, когда он, будущий писатель, прибыл в Ростов-на-Дону в издательство журнала «На подъеме» с написанным рассказом: «После встречи с читателями, на другой день Шолохов, Ляшко и Светлов зашли в тесную комнатку журнала «На подъеме» на углу улицы Шаумяна и Халтуринского переулка (бывшее здание газеты «Молот»). Михаил Александрович выглядел подтянутым, веселым и счастливым и все время перебрасывался с Сашей Бусыгиным –

редактором журнала «На подъеме» – не менее веселым острошловом.

– Николай Николаевич, Миша, Саша, пойдемте чай пить, – обратился к товарищам Михаил Александрович.

Саша Бусыгин, смахнув указательным пальцем с носа невидимую пушинку (его излюбленный жест), добродушно подмигнул: – какой чай... Если белый – пойду.

Глаза М.А. Шолохова по-ребячьи озорно заискрились.

В то время я сделал в литературу только первый робкий шаг – напечатал несколько рассказов, – стоял в уголке редакции и не сводил глаз с уже известных писателей».

А в 1928-1929 годах, при одобрении А.И. Бусыгина, в журнале «На подъеме» вышли первые рассказы моего деда «Преступление» и «Пыль». По семейным преданиям, Александр Бусыгин с первой встречи почувствовал симпатию к Георгию Шолохову, и у них завязалась тесная творческая дружба. Летом 1928 года он приезжал погостить в станицу Синявскую, что на нижнем Дону, где жила наша семья. Вдали от Ростова у него была возможность спокойно поработать и, конечно, весело и душевно провести время на природе. Дедушка открывал другу писателю «свою» степь, балки, пасеки, цветущие сады.

А вот другая фотография начала 1930-х, в центре – А.И. Бусыгин и М.А. Шолохов в окружении старослужащих литературы А.П. Бибика, П.Х. Максимова, П.Н. Яковлева, рядом уже мой дед Г.Ф. Шолохов-Синявский.

Как и ранее наш дом в станице Синявской был открыт для друзей-писателей начала 1930-х годов, по воспоминаниям сына Г. Шолохова, Леонида: «Памятны приездами к нам, в Синявку, новых друзей отца – Александра Ивановича Бусыгина, огромного, как казалось мне в детстве, курчавого, черноволосого, доброго и всегда улыбающегося великана; барственного и холеного, незадолго до этого вернувшегося из болгарской эмиграции казака Михаила Андреевича Никулина, а также Павла Хрисанфовича Максимова – вечно в соломенной широкополой шляпе и в парусиновых брюках. Вечерами в самой большой комнате нашего дома или, как тогда говорили – зале, при свете, мне казалось, необычайно яркой керосиновой лампы под абажуром, друзья отца сидели за большим

круглым столом и весело беседовали. Иногда слушали и нас, детей: мы читали стихи, – кажется, Виктора Гюго, о Парижских коммунарах, о героизме, доблести и чести; а затем о горящем городе Токио и Чжан Цзо-Лине, по всей вероятности, написанные каким-то советским поэтом, под впечатлением Токийского землетрясения 1923 года и Первой гражданской войны в Китае. Конечно, всего этого мы, пятилетние дети, не знали, но чувствовали одобрение друзей отца и музыку стихов, их страстность и честность».

После переезда семьи из станицы Синявской встречи продолжались уже Ростове, вот с фото 1937 года смотрят донские писатели Г.Ф. Шолохов-Синявский, А.И. Бусыгин, М.Е. Штительман, А. Письменный.

По воспоминаниям семьи довоенные гости деда много спорили и говорили о литературе, читали стихи, обсуждали политику и проблемы коллективизации, частенько играли на маленьком бильярде с металлическими шарами, пели русские народные песни: «Ух, вы сени, мои сени» или «Светит месяц» под собственный аккомпанемент на балалайке или мандолине.

В этот период А.И. Бусыгин начал писать роман «Семья Бесергевых» и кто мог тогда предположить, что в 1952 г. выйдет сборник произведений Александра Ивановича «Избранное» с неоконченным романом, к которому вступительное слово напишет М.А. Шолохов, а послесловие – мой дед – Г.Ф. Шолохов-Синявский, не понаслышке знавший Сашу Бусыгина, который с точностью опишет его судьбу.

Но о героической гибели Саши Бусыгина, его мужестве и о том, как расстались навсегда осенью 1941 года под Вязьмой, расскажет дедушке М.А. Шолохов.

В начале 1950-х годов гостил у нас Михаил Александрович Шолохов с писателем А. Бахаревым. По иронии судьбы наша семья жила в Ростове-на-Дону в переулке Халтуринском, рядом с помещением, в котором располагалась до войны редакция журнала «На подъеме». Конечно, стали вспоминать Сашу Бусыгина. М.А. Шолохов рассказал, что встретились они с Сашей в 1941 году около Вязьмы: «Немцы теснили наши войска и сильно бомбили. Мы, несколько редакционных машин, стояли под березами, но враг нас нашупал и разбил почти все машины. Моя же машина сохранилась.

Я вскочил в нее и хотел уезжать, в это время подошел ко мне Саша и попросил, чтобы я его подвез до дивизии. Мы поехали. Нас немецкие артиллеристы старались взять в клещи. Делали «вилку». Саша держался смело, гордо, ни один мускул не выдавал его страха, он все подхихикивал и кряхтел, что было свойственно ему. Мы благополучно проскочили и укрылись за бугром.

Довез я Сашу до нужного ему перекрестка. Вылез он из машины, на груди у него автомат. И вдруг вижу: измазанный пылью подбородок его дрожит, а по широкой щеке катится слеза! Это у Саши, веселого, никогда не падающего духом, отчаянно храброго Саши, у которого не только слезу – слова жалобного, бывало, не выжмешь. Снял он с подбородка ремешок каски, откинул ее назад и говорит: «Давай, Миша, прощаемся». Мы расцеловались, простились. А через три дня, я узнал, что Саша погиб». Рассказывая об этом, Михаил Александрович прослезился. И спрашивает у Шолохова-Синявского: «Что это? И как можно это назвать? Предчувствием? Или еще чем то... тяжело раненный в обе ноги, он нашел в себе силы доползти до станкового пулемета, расчет которого был уничтожен вражеской миной, и, прикрывая отход товарищей, один вел огонь до последнего патрона в ленте».

Из военного дневника Г.Ф. Шолохова-Синявского: «Вообще война так перетасовала людей, разбросала в разные стороны, что потребуется много времени, чтобы вновь соединились они, разыскали друг друга. Вот уже пять месяцев нет никаких вестей от Штителмана, Бусыгина, Каца, Гридова, военных корреспондентов армейской газеты «К Победе». По сведениям из Ростова – попали они в окружение и погибли. Если это так – остается только печально склонить голову. Славные товарищи! С ними прожил лучшие годы... Это была наша общая литературная молодость. О ней можно написать много».

К счастью жизнь писателя продолжается в его книгах, трепетно притрагиваясь к корешкам книг А.И. Бусыгина в нашей библиотеке, вспоминаю слова деда: «Многие его замыслы остались не осуществленные. Замыслы эти горели в душе художника до конца его жизни. Ни пожалел для Родины ни крови, ни жизни Александр Бусыгин, писатель большевик, писатель-солдат».

АКТУАЛЬНОСТЬ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ ШКОЛЬНИКОВ

*Патриотизм – это не значит только одна любовь
к своей Родине. Это гораздо больше. Это
сознание своей неотъемлемости от Родины и
неотъемлемое переживание вместе с ней ее
счастливых, и ее несчастных дней.*
Алексей Толстой

*Патриот – это человек, служащий Родине,
а Родина – это, прежде всего народ.*
Н.Г. Чернышевский

Патриотизм – это сильное чувство доброты и ответственности к чудесной природе и земле, где мы живем, к людям с кем общаемся, уважение к многонациональному народу своей страны, искренняя любовь к своей Родине, понимание и твердая готовность всегда быть со своей Родиной.

Чувство патриотизма человеку с генами отца и матери не передается, а формируется постепенно, в детстве и в подростковом возрасте и зависит от того, в какой семье и в каком общественном окружении растет и воспитывается школьник. Патриотическое воспитание подрастающего поколения есть одна из самых актуальных задач нашего времени.

Для укрепления и процветания каждого многонационального государства, а также для его мирного существования огромное значение имеет воспитание патриотизма и формирование толерантности молодого поколения: воспитание интереса, любви, уважения к языку, к культурным ценностям своей страны, воспитание великого чувства ответственности служения своей Родине, толерантности к языку, культуре, традициям других национальностей, поселившихся рядом.

Мир и дружба – огромные силы, которые дают народам большие возможности дружно жить в социально-культурном пространстве своей страны. Между нациями, живущими по соседству в стране,

должно быть взаимопонимание, взаимоуважение, терпение, сотрудничество во благо единой многонациональной нашей Родины – России, а также – соблюдение законов и Конституции страны.

Прошлая история России: воинская слава малой и большой единой Родины, Великая Отечественная война, борьба с врагами нашей Родины для нового поколения, особенно для школьников всегда была и является основой воспитания чувства патриотизма.

На патриотическое воспитание особое внимание обратил Глава Российского государства В.В. Путин. Он сформулировал идею, связанную с сохранением единства народов и защиты суверенитета страны.

В нашей жизни были и остаются определенные ценности и истины, которые не теряют своей значимости на протяжении веков. Задаче патриотического воспитания школьников и молодежи во все времена уделялось большое внимание. Наши предки понимали, что каким вырастет молодое поколение, таким и будет их старость. От уровня воспитания гражданской позиции у школьников, будущих молодых граждан России, будет зависеть безопасность, процветание и благополучие нашей Родины.

Воспитание патриотизма школьников неотъемлемо связано с экологическим, нравственным и общекультурным воспитанием в целом.

Когда мы говорим о патриотическом воспитании школьников, нельзя обходить стороной те методы и средства, которые важны для развития тех чувств любви к Родине и знаний о нем, которые у них закладываются с младшего возраста.

В этом важном деле огромную роль играют и школьные музеи, которые играют свою роль в системе воспитания патриотизма у школьников.

Приведу лишь некоторые примеры патриотического воспитания школьников, которые практикуются в музее Гимназии № 14 г. Ростова-на-Дону.

Исходя из принципов патриотического и общекультурного воспитания школьников, целью и задачей музея является ознакомление и изучение истории своей малой и большой Родины через связь поколений. Мы организуем поисковые группы: по истории основания

школы, по поиску учащихся школы – участников и ветеранов Великой Отечественной войны, знаменитых выпускников школы.

После каждой тематической экскурсии, проведенной по экспонатам музея, мы стараемся поручать школьникам написание сочинения и реферата или выполнить определенные задания. Приобщаясь к воинской славе малой родины и большой страны. Мы просим их приносить свои работы в музей, создавать новые актуальные музейные экспонаты: видеоматериалы, тематические папки, стенды, презентации.

Эти задания, выполненные на примерах героев труда и ВОВ, на героических событиях многонационального народа нашей страны, из истории героев своей семьи младших и старших школьников воспитывают, формируют чувство патриотизма. Общение, изучение материалов по этим темам у школьников рождает интерес, гордость, любовь и верность своему народу, своей Родине, стойкость, храбрость и желание с верой и правдой жить, работать, служить: сохраняя единства народов и защищая свою страну.

Так, начиная с 2002 года в музее Гимназии № 14 г. Ростова-на-Дону, проводятся музейные экскурсии: обзорные и тематические лекции по следующим темам.

1. *«Великой Победе 75 лет»:*

- 9 мая 1945 года – окончание Великой Отечественной войны.
- Великая Победа над фашистской Германией.
- «Никто не забыт, ни что не забыто».

2. *«Наши ветераны – победители в Великой Отечественной войне»:*

- Освободители Сталинграда – А.Г. Малхасян, А.Г. Харахашьян, Г.М. Харахашьян, Г.В. Рыбин (2 февраля 1942 г.).
- Гвардии полковник Н.Ал. Ачкасов. Оборона Москвы, Сталинграда, участник освобождения г. Ростова на Дону в феврале 1943 г.

3. *«Блокада Ленинграда и дети блокады»:*

- Дневник Тани Савичевой о гибели ее семьи во время блокады Ленинграда.
- Радистка Анастасия Александровна Пальчикова в годы блокады Ленинграда.
- Михаил Леонидович Рапапорт о детях блокадного Ленинграда.

4. *«Учащиеся и выпускники 1941 года – участники и ветераны ВОВ»:*

- «Победы родные лица»: «Учащиеся и выпускники ростовской армянской школы № 16 (ныне МБОУ «Гимназия № 14») г. Ростов-на-Дону);
- «Участник взятия Берлина. А.Д. Назыкян» – выпускник 1941 года;
- «Героический подвиг А.С. Акопова» – выпускника 1937 г.;
- «Первый донской чемпион мира Г.И. Шатворян» – выпускник 1938 г.;
- «Сержант Г.С. Шорлуян» – Миус-фронт. Освобождение Крыма, Севастополя;
- Фронтовой портрет: «Судьба человека» – А.Б. Гамбарцумов» – войну закончил в Прибалтике – выпускник 1938 года;
- «Фронтовой портрет: «Судьба человека» – доктор наук, профессор РМУ В.В. Мартиросян» – выпускник 1941 года.
- «В армию был призван 22 июня 1941 года»: Г.О. Хоянян – выпускник 1930 года.
- «Физик А.Г. Харахашьян» – участник обороны Сталинграда, Ленинграда;
- «Профессор Г.М. Харахашьян» – участник освобождения Сталинграда.

5. *«Поклон тебе, солдат России»:*

- «Маршал Жуков и его наказ молодежи»;
- «Полководцы, военачальники ВОВ»;
- «Герои Советского Союза ВОВ»;

- «Г.Г. Никаноров – расписался на Рейхстаге». Председатель клуба «Патриот»;
- «Защитник дома Павлова в Сталинграде» – майор Г.В. Рыбин.

6. *«Город воинской Славы: Ростов-на-Дону»:*

- «Второе полное освобождение г. Ростова на Дону»;
- «Освободители г. Ростова-на-Дону»: Гукас Мадоян, Дмитрий Песков, Н.А. Ачкасов и др.;
- «Подвиг отряда старшего лейтенанта Г. К. Мадояна»;
- «Полковник гвардии Н. Ал. Ачкасов»;
- «Партизанский отряд М.М. Югова»;
- «О подвигах детей, оккупационного Ростова»;
- «Их именами названы улицы Ростова-на-Дону».

7. *«Реликвии Великой Отечественной войны»:*

В нашем музее имеются дарственные музейные экспонаты, вызывающие живой интерес у школьников: журналы «Огонек» со статьями о Великой Отечественной войне, нагрудные значки и медали солдат-фронтовиков, каска советского солдата, дар от выпускника школы № 16, ветерана ВОВ Г.С. Шорлуяна, радиопередатчик- дар от ветерана ВОВ Г.А. Малюка.

Мы проводим со школьниками школьные *выездные экскурсии*:

- Великой победе – 75 лет. (март-апрель, 2020 г.).
- Мемориальный комплекс «Кумженская роща»;
- Мемориалы ВОВ города Ростова-на-Дону: «Стела Победы», «Змиевская балка»;
- «Монумент памяти односельчан». Село Крым Мясниковского района;
- «Памятник жертвам Великой Отечественной войны». Село Чалтырь;
- «Памятник войнам Великой Отечественной войны». Село Чалтырь;

- «Памятник героям артиллеристам». Село Большие Салы Мясниковского района.

8. Пешеходные экскурсии:

- «Павшим войнам – вечная память», парк Фрунзе на площади К. Маркса;
- «Стела героев пионеров», парк имени Вити Черевичкина»;
- «Дом, где жил Витя Черевичкин», 28-я линия.

9. Посещение музеев других учреждений:

- «Музей русско-армянской дружбы»;
- Интерактивный парк «Россия – моя история»;
- Военно-исторический музей ЮОВО;
- Школьный музей «Молодая гвардия» СШ № 32;
- Музей МОУ гимназии № 111 «Служу Отечеству»;
- Музей школы № 87.

Когда к 75-летию со дня Великой Победы я готовила к изданию свою книгу «Светлая память», мне неоценимую помощь в этом оказали именно школьники-поисковики. В книге говорится о тех ветеранах Великой Отечественной войны города Ростова-на-Дону, которые часто бывали в музее истории гимназии № 14. На своих встречах с нашими школьниками они провели не один урок мужества, на которых рассказывали о войне и подвигах наших солдат. Музею гимназии они дарили книги о войне и предметы-реликвии Великой Отечественной войны. И по сей день наши герои Великой Отечественной войны славят свою Донскую землю и нашу Родину, а мы помним и чтим их имена. Нас переполняет гордость за героическое прошлое соотечественников Великой Отечественной войны.

* * *

Во время Великой Отечественной войны М.С. Шагинян, настоящая патриотка своей Родины, была корреспондентом газеты «Правда». С июля 1942 года в качестве собственного корреспондента газеты она жила и работала на Южном Урале, в Челябинске и Свердловске. Она вникала во все дела тружеников тыла, работающих для Победы. Приведу отрывок из статьи «Свердловск» М.С. Шагинян, опубликованный в газете центрального органа народного комиссариата обороны Союза СССР «Красная звезда»: «Именно в дни войны на Урале получил небывалое применение фрезерный станок. Стал массово применяться американский холодный штамп. Инженеры начали пересматривать и улучшать многие конструкции, в которых прежняя токарная деталь заменялась более легкой, штампованной.

Спросите наших инженеров – многое, о чем они думали в мирные дни и на что тогда не решались, они сейчас, в дни войны, смело ввели в технологию.

В движении много сотников и тысячников, в потоке изобретений и предложений, в работах больших ученых, – на глазах наших, на глазах одного человеческого поколения, – совершается чудесный скачок в будущее, в новую технику. Последнее слово техники, так называемое кокильное литье (в стальной формочке), пришло на смену литью опочному (в земляных формах). Мы начали строить быстро и четко. Мы научились считать время секундами. Пожалуй, нигде сейчас ярче, чем в Свердловске, нельзя пережить того удивительного факта, что советский человек ни при каких обстоятельствах, даже в минуту смертельной опасности, не перестает быть творцом.

Мы дышим победой в рабочем городе Свердловске – вот почему это город легкого дыхания!»

В годы Великой Отечественной войны М.С. Шагинян опубликовала книгу «Отечественная война и советская интеллигенция» (1942 г.) и сборник публицистических статей «Урал в обороне» (1944 г.).

* * *

И, наконец, хотелось бы несколько слов сказать о главной творческой теме – теме человек и война – ростовского писателя Михаила Андреевича Андриасова. В 1947 году вышла повесть М.А. Андриасова «Шесть дней» – о героическом батальоне Гукаса Мадояна, многократно затем переиздавшаяся. Эта повесть посвящена боевым эпизодам, связанным с освобождением Ростова-на-Дону советскими войсками в феврале 1943 года. В книге рассказывается о солдатах и офицерах отдельного стрелкового батальона, которым командовал Гукас Мадоян. В основу произведения легли подлинные события. Боевые действия, о которых рассказывается в «Шести днях», достоверны. В годы Великой Отечественной войны старший лейтенант М.А. Андреасов был специальным военным корреспондентом фронтовой газеты «Боец РККА», а затем «Комсомольской правды» по Закавказскому и Северо-Кавказскому фронтам. А также Отдельной Приморской армии и 2-му Белорусскому фронту. В 1944 году он был тяжело ранен. М.А. Андреасов награжден медалями «За отвагу», «За оборону Кавказа» и многими другими.

Итак, подчеркну еще раз, что в патриотическом воспитании школьников нашего времени, актуальным была и остается тема Великой Отечественной войны, боевые и трудовые подвиги наших солдат и тружеников тыла.

ШКОЛЬНАЯ СЕКЦИЯ

Е. Рыбченко

О КУЛЬТУРНОМ НАСЛЕДИИ МАРИЭТТЫ СЕРГЕЕВНЫ ШАГИНЯН (по материалам ее произведений)

Шагинян Мариэтта Сергеевна – выдающаяся советская писательница и поэтесса, историк, журналист, доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент АН Армянской ССР. Она родилась 21 марта (2 апреля) 1888 года в Москве в семье врача. Насколько талантливым человеком была М.С. Шагинян можно судить по ее творчеству, которое не только прославило ее имя, но и стало настоящим кладом для литературных исследователей и критиков.

Член ВКП(б)/КПСС с 1942 года, она получила прекрасное домашнее образование и затем продолжила свое обучение в частном пансионе и в одной из лучших школ г. Москвы того времени – гимназии Л.Ф. Ржевской. В 1912 году она успешно окончила историко-философский факультет Высших женских курсов, а затем переехала в Санкт-Петербург по приглашению известной поэтессы З.Н. Гиппиус, которая оказала влияние на ее творческий путь. М.С. Шагинян проявляла интерес к философским концепциям символистов и испытала их влияние. Однако большую роль в формировании ее как писательницы сыграло сотрудничество с различными газетами.

В период с 1912 по 1918 годы она была постоянным автором нескольких газет, включая «Приазовский край», «Кавказское слово» и «Баку», где она регулярно выступала как профессиональный журналист, освещая события литературной и художественной жизни страны.

В период с 1915 по 1920-й годы писательница проживала в г. Нахичевань-на-Дону, Ростове-на-Дону, где преподавала в консерватории эстетику и историю искусств. В целом, жизнь Мариэтты Сергеевны Шагинян была насыщена различными событиями и достижениями, которые объяснялись ее талантом и упорством в достижении поставленных целей.

Литературной деятельностью Мариэтта Шагинян начала заниматься с 1903 года. Ее первыми работами были газетные статьи и поэтические сборники, но вскоре она расширила свой творческий спектр и начала писать романы, повести, рассказы, очерки. За свою жизнь она опубликовала более 70 книг и около 300 печатных листов статей, рецензий и докладов. Среди ее известных произведений – книги стихов «Первые встречи» (1909) и «Orientalia» (1913), которая вышла в семи изданиях, а также книги рассказов «Узкие врата» (1914) и «Семь разговоров» (1915) [4].

В то время публика высоко ценила творчество Мариэтты Шагинян и ставила ее выше Марины Цветаевой. Однако в 1914 году М.С. Шагинян поехала в Германию готовить магистерскую диссертацию по философии. В этой стране ее застала начавшаяся Первая мировая война и она с огромными трудностями смогла вернуться в Россию, к своей матери, в Нахичевань-на-Дону. Но перед началом войны она успела съездить на родину своего литературного кумира – Гете. Впечатления от этой поездки воплотились в книге «Путешествие в Веймар».

В 1922-1923 годах Мариэтта Шагинян написала и выпустила свою знаменитую повесть «Перемена»[5], которая получила высокую оценку В.И. Ленина.

В книге «Приключение дамы из общества» Мариэтта Шагинян передала важное послание о переломном моменте в истории России: Великая Октябрьская социалистическая революция привела к изменению сознания русской интеллигенции. Это произведение стало одним из значимых для автора и для всей литературной жизни того времени.

В 1923-1925 годах Мариэтта Шагинян под псевдонимом «Джим Доллар» написала серию агитационно-приключенческих повестей «Месс-Менд» [2], которые получили широкое признание читателей и стали одними из самых читаемых ее работ.

А в 1928 году писательница опубликовала свой футуристический роман-комплекс, который объединил разные жанры и был назван «КиК» («Колдунья и коммунист»). Это произведение затронуло много тем, от поэмы до доклада, включая в себя различные литературные и газетные жанры, социальные и политические вопросы,

что позволило читателям оценить глубину и разнообразие таланта Мариэтты Шагинян.

М.С. Шагинян была не только талантливой писательницей, но и первопроходцем во многих областях социальной жизни. Она написала первый производственный роман – «Гидроцентральный» [1], который был результатом ее активной четырехлетней литературной деятельности (1927-1931 гг.) на стройке Дзорогэса. В этот период Мариэтта Сергеевна буквально рисковала своей жизнью, покоря крутые горные вершины Армении.

Однако это не было единственной трудностью, с которой пришлось столкнуться Мариэтте Шагинян в своей жизни. На двадцать лет из библиотек была изъята ее книга «Семья Ульяновых» за то, что она в этом произведении попыталась раскрыть национальные корни в родословной В.И. Ленина, опираясь на архивные источники.

Мариэтта Шагинян не сдавалась и продолжала творчески работать в сложных условиях. Во время Великой Отечественной войны она находилась сначала в Москве, а затем на Урале, где писала газетные статьи о героизме тружеников тыла, их вкладе в победу над немецко-фашистскими захватчиками. Она более двухсот раз выступила по радио и написала десятки статей. В самые трагические периоды Великой Отечественной войны ее творчество было пронизано идеей «В победу верю».

Творчество М.С. Шагинян было невероятно многообразным и включало в себя разные жанры и темы: от произведений о строительстве гидроцентрали до литературных произведений, в которых затрагивались социальные и политические вопросы, привлекавших внимание читателей всех возрастов.

В годы Великой Отечественной войны она выпустила книгу публицистических статей «Урал в обороне» (1944 г.) [6], которая вызвала большой интерес у читателей. После войны Мариэтта Сергеевна продолжала творчески работать и написала книгу «По дорогам пятилетки», посвященную достижениям советской экономики и строительства народного хозяйства.

Ее работы также включают литературные портреты известных писателей и поэтов – Т.Г. Шевченко, И.А. Крылова, И.В. Гёте, Ни-

зами, Й. Мысливечека, а также мемуары о ее жизни и эпохе, в которой она жила под названием «Человек и Время».

Мариэтта Сергеевна Шагинян была глубоко увлечена литературой и искусством, а ее талант обнаруживался в разных жанрах. Она написала литературные портреты У. Блейка, С.В. Рахманинова, В.Ф. Ходасевича, Г.Б. Якулова, демонстрируя свой талант критика и исследователя. Ее работы являются ценным вкладом в литературу и позволяют читателям лучше понимать творчество и культуру разных эпох.

М.С. Шагинян – яркая и заметная личность не только в отечественной, но и в мировой культуре, ее талант не только был признан коллегами, но и отмечен высокими государственными наградами. В 1946 году ей присвоили звание доктора филологических наук, что подтверждает ее глубокие знания и уважение к ней в профессиональных кругах.

Через несколько лет Мариэтту Сергеевну избрали членом-корреспондентом Академии наук Армянской ССР, что свидетельствует о ее значительном вкладе в развитие науки и культуры.

В течение всей жизни Мариэтта Сергеевна Шагинян писала горячо и заинтересованно о различных исторических событиях, которые она пережила. Например, особое место в ее творчестве занимают книги о В.И. Ленине, за которые в 1972 году она была удостоена Ленинской премии: романы-хроники «Семья Ульяновых» [7] и «Первая Всероссийская». Эти произведения не только доказали ее талант, но и стали настоящими литературными шедеврами.

М.С. Шагинян была удостоена многих высоких государственных наград за свой вклад в развитие культуры и науки. Она получила звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и золотой медали «Серп и Молот» в соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от 3 мая 1976 года. Ее жизнь была долгой и насыщенной, а ее достижения в области литературы и науки продолжают вдохновлять и оставили свой след в истории.

Андрей Вознесенский говорил о Мариэтте Сергеевне с большим уважением и восхищением, называл её «шаровой молнией русской литературы». Он говорил, что ее имя должно быть поставлено наравне с такими выдающимися литературными фигурами, как А. Цветаева, М. Волошин и А. Ахматова. Он считал, что научные ин-

ституты должны бороться за право носить имя Мариэтты Шагинян, так же как в древности греческие города сражались за право носить имя Гомера.

Таким образом, Мариэтта Сергеевна Шагинян была не только талантливой и известной писательницей, но и уникальной личностью, чье имя заслужило высокую оценку выдающихся литераторов и общественных деятелей своего времени. Ее творчество стало неотъемлемой частью культурного наследия России, которое продолжает вдохновлять поколения читателей и любителей литературы.

Литература

1. *Шагинян М.С.* Гидроцентральный. Электронная книга – knigogid.ru
2. *Шагинян М.С.* Месс-Менд. Электронная книга – loveead.ec
3. Многонациональный Донской край в литературном наследии М.С. Шагинян и ее современников: Материалы VIII Шагиняновских чтений. 11 мая 2021 г. Ростов-на-Дону, 2021.
4. *Шагинян М.С.* Первые встречи. М., 1909.
5. *Шагинян. М.С.* Перемена. Электронная книга – coollib.ne
6. *Шагинян М.С.* Урал в обороне. Электронная книга – books.google.com
7. *Шагинян М.С.* Семья Ульяновых. Очерки. Статьи. М., 1959.

Я. Савостин

М.С. ШАГИНЯН О СТАНОВЛЕНИИ ЛИЧНОСТИ ВЛАДИМИРА УЛЬЯНОВА В ЮНОШЕСКИЕ ГОДЫ

Припомним основные черты крестьянской реформы 1861 года.

Пресловутое «освобождение» было бессовестнейшим грабежом крестьян, было рядом насилий и сплошным надругательством над ними. По случаю «освобождения» от крестьянской земли отрезали в черноземных губерниях свыше 1/5 части. В некоторых губерниях отрезали, отняли у крестьян до 1/3 и даже до 2/5 крестьянской земли.

По случаю «освобождения» крестьянские земли отмежевывали от помещичьих так, что крестьяне переселялись на «песочек», а помещичьи земли клинком вгонялись в крестьянские, чтобы легче было благородным дворянам кабалить крестьян

*и сдавать им землю за ростовищические цены.
По случаю «освобождения» крестьян заставили
«выкупать» их собственные земли, причем содрали
вдвое и втрое выше действительной цены на землю.
Вся вообще «эпоха реформ» 1860 годов оставила
крестьянина нищим, забытым, темным,
подчиненным помещикам-крепостникам
и в суде, и в управлении, и в школе, и в земстве.*

В.И. Ленин

Творчество Мариэтты Сергеевны Шагинян настолько объемно, что погружает нас не только в эпоху культурно-исторических явлений прошлого, но и имеет прямое отношение к настоящему времени жизнедеятельности нашей страны. М.С. Шагинян не могла оставить без пристального внимания и творческого поиска судьбу Владимира Ульянова, – человека, который изменил мир в XX столетии и до сих пор притягивает к своему теоретическому наследию не только профессиональных философов и экономистов, но многих представителей нынешнего молодого поколения.

Остановимся на характеристике двух книг шагиняновской «Ленинианы» – «Рождение сына» и «Билет по истории».

В самом начале книги «Рождение сына» М.С. Шагинян ссылается на цитату В.И. Ленина об эпохе реформ 1860-х годов. Эта ленинская цитата приводится в эпиграфе. Углубляясь в суть анализа основных черт крестьянской реформы, сделанным молодым В.И. Ульяновым, поражает емкость и четкость мысли будущего политика, и в то же время яркость трагической картины их последствий. Он вскрывает саму суть реформ так называемого «освобождения» крестьян, в результате которого они оставались нищими, забытыми, темными, подчиненными «помещикам-крепостникам и в суде, и в управлении, и в школе, и в земстве».

В книге «Рождение сына» М.С. Шагинян описала эпоху до рождения Владимира Ильича – эпоху зарождения революционного движения в России, которую сам В.И. Ленин определил весьма точно в своем исследовании. Эти взгляды молодого В.И. Ульянова и вся его цель политической жизни унаследованы им от своих родителей – Ильи Николаевича и Марии Александровны, которые много внимания уделяли изучению положения простого народа и

происходящим в этой связи политическим процессам в России. Если взгляды родителей, представителей передовой части интеллигенции, формировались в атмосфере симпатий к трудовому народу, то и взгляды, убеждения, характер, личностная позиция их детей (в том числе и Владимира Ульянова) не могли не формироваться в атмосфере родительских симпатий. М.С. Шагинян обращала внимание читателя на время, в котором жили родители будущего политика, погружая нас в эту эпоху, описывая исторический контекст, и, с помощью образного воссоздания быта, отношений людей, давала нам представления о естественной картине становления личности Володи-ребенка, перебрасывая мостик от Володи-подростка к Владимиру-юноше. Картины жизни в семье воссоздаются настолько легко, что автор как бы невольно вводит нас в атмосферу жизни семьи Ульяновых. Во многих ситуациях и семейных событиях вырисовываются проявления честности, открытости, бережного, заботливого отношения друг к другу в семье и окружающим людям, что изо дня в день укреплялось в характере Владимира.

С первых строк книги «Билет по истории» М.С. Шагинян сосредоточивает внимание читателя на том, что «Ильич вышел на историческую сцену еще совсем молодым человеком. Но этот молодой человек, почти юноша, с первых шагов своей деятельности показал себя уже созревшим человеком...». Она твердо делает акцент на том, что аналитические работы, публикуемые В. Ульяновым, никак нельзя назвать словом «юношеские». Чем аргументирует данное убеждение автор? Уже в 1893 году в ранней работе Владимира Ильича, судя по разбору «книги Постникова о южно-русском крестьянском хозяйстве», ясно сформулирована политическая позиция, которая проявлена в мастерском анализе, безошибочности его выводов и силе убеждения.

Для реализации задачи «постигнуть становление характера Ильича» и выведения ее на передний план М.С. Шагинян обратилась к изучению условий эпохи и отношений к ним в семье: «...огромно было и влияние семьи, общение со старшим братом – вся чистая атмосфера настоящего демократизма, высокой нравственной требовательности и большой культуры, окружавшая его с детства».

М.С. Шагинян стремилась проникнуть в тайны становления индивидуальности Владимира Ульянова. На этом пути поиска она встретила с такими трудностями: в детские годы биографом Владимира Ильича была его старшая сестра, она отлично их описывала. Однако период обучения в гимназии она затронуть не могла. Дело в том, что «в решающие годы его развития», как свидетельствует М.С. Шагинян, Анна Ильинична стала учительницей и жила вне дома. Кроме того, ее внимание было направлено на старшего брата – Александра, искавшего пути изменения положения народа в царской России. Поэтому автору пришлось собирать информацию по крупицам из различных источников. Но они тоже были скудными.

Шаг за шагом М.С. Шагинян описывала свою исследовательскую работу, поиск фактов, объясняющих становление личности В. Ульянова. Стоит отметить, что к своей работе она подошла весьма скрупулезно и трепетно, поэтому ее поиск и рассказ об этом захватывает читателя. В своих поисках автор «перебрасывает» мостик от событий и ситуаций в детские годы к развитию в подростковый период, когда переживания уходят во внутренний (духовный) мир, в котором вызревают личностные взгляды и позиции, образуются личностные ценности – «в сложный процесс образования глубокой нравственной реакции». Проникая в суть событий, автор отмечала, что характер Владимира «формируется где-то глубоко, глубоко, почти невидимо и незаметно для окружающих, пока не дает понять взрывами о том, что уже созрело в нем». Вследствие этого, многое из того, что на первый взгляд кажется в юности В. Ульянова мгновенным, произвольным и как бы случайным, – на самом деле есть выход наружу значительного, иногда очень давнего, но оставшегося незамеченным для окружающих переживания.

О таких проявлениях говорит нам картина, изображающая университетскую сходку в Казанском университете. Причиной для возмущения и протеста молодежи стал новый университетский устав, согласно которому к студентам в конце 1887 года были приставлены своего рода «надсмотрщики» и ужесточены правила, приравнявшие Казанский университет к кадетским корпусам. На картине изображены бегущие студенты и впереди них «несется юноша» с горящими глазами, растрепанными волосами и бурными

движениями... Это Владимир Ульянов. Источником для художника данной сцены был протокол царской полиции. Важно и то, что обычно спокойный и сдержанный студент буйствовал, стремительно мчался по лестнице, что даже полицейское перо не смогло не запечатлеть этого.

Но, как отмечала М.С. Шагинян, революционная вспышка не была в юноше случайной и внезапной. Корни ее лежат глубоко, и казанские события только дали выход накопившемуся в нем душевному протесту. По какому поводу копился этот протест? – задает вопрос автор. – Что пережил и передумал юноша Владимир Ульянов? Смерть отца, связанная во многом с переживаниями по поводу революционной деятельности старшего сына Александра, о которой он знал даже больше чем Анна, проживающая рядом с ним, в Петербурге, – первое большое горе Володи. И эта первая в жизни большая потеря родного человека заставила его рано повзрослеть.

Он в это время был гимназистом-семиклассником, весьма преуспевающим, способным увидеть в частном общее... Известие об аресте Александра было огромным ударом для семьи, но Володя и Ольга – младшие дети – старались не подавать виду, пытались сохранить выдержку и спокойствие, несмотря на то, что их одноклассники начали сторониться Ульяновых, узнав об антигосударственной деятельности Александра. М.С. Шагинян писала: «Владимир Ильич знал, что для Саши дело может окончиться очень серьезно. Маняша плакала по ночам, просыпаясь, и звала «маму». Но нервы надо было держать в кулаке. Надо было идти по улице гордо, отвечать на вопросы спокойно, пренебрегать намеками и уколами. И Ольга с Владимиром словно условились, словно вся честь их семьи в том и была, – оба поражали своих одноклассников удивительной выдержкой и спокойствием».

Контрастом к внутренним переживаниям детей, автор описывает состояние природы: «Шел май, в городе запахло липой, зацвел клен на кладбище отца, набухла сирень в карамзинском сквере... В нежном майском воздухе, полном весеннего благоухания, звонко пробили над городом восемь ударов знаменитые симбирские часы»... А М.С. Шагинян подробно изобразила настроение Владимира Ульянова (словно подглядывала в это время за молодым юношей) – он был хмур, серьезен, идя в гимназию по привычной ему дороге.

И случайно его взор остановился на окне полицейского участка. Он по-новому взглянул на бледные лица заключенных, которые увидел в решетчатом окне, уже зная ситуацию своего брата.

И тем не менее несмотря на тяжесть ситуации, в которой оказались Ольга с Владимиром, экзамены проходили успешно.

По воспоминаниям гимназиста М.И. Кузнецова, который хорошо знал только маленького Володю, М.С. Шагинян установила, что, начиная с пятого класса, Ильич ушел в своем развитии далеко вперед, поэтому близких друзей не имел, хотя и сохранял добрые отношения с классом. Так, у М.И. Кузнецова сохранились документы, среди которых оказался билет по истории, который достался Ильичу на выпускном экзамене, удалось установить интересные факты из его жизни. Описывая сдачу выпускного экзамена по истории, М.С. Шагинян указывала, что Владимир находился в актовом зале, где и проходил экзамен; при этом он ловил на себе множество косых взглядов, в городе уже все знали, что его старший брат Александр за антигосударственную деятельность был повешен.

Автор книги находит краски, чтобы подробно передать мрачность ситуации: «Владимир был очень бледен, хоть и пытался сдерживать себя. Достав тот единственный билет, в котором «как по капризу судьбы» были вопросы о «стержневых точках революции и классово-вой борьбы – борьба плебеев с патрициями, реформация, Богдан Хмельницкий, – вся история мира, восстававшая перед ним, была полна борьбы за право жить без угнетения. Вот как М.С. Шагинян описала ответ гимназиста Володи на вопрос билета по истории, словно опять же сама присутствовала на экзамене: «Он был как пролетарий: один на горе, над Римом; еще вчера такой, как и все в классе, а сейчас – брат повешенного, один, выключенный, как зачумленный, из круга, впервые остро почувствовавший, насколько реален этот круг, эти перегородки...». Именно те перегородки, которые намерен был сломать Александр в одиночку. Он сдавал экзамен перед всеми, кто сидел в этом зале, взоры всех присутствующих были устремлены к Владимиру... Очень непростой был экзамен... Это был экзамен за право всей дальнейшей жизни, за право дальнейшего образования и поступления в университет.

Владимир сдержанно и блестяще ответил на все вопросы. Он отстаивал свое право на золотую медаль.

Словно подслушивая мысли юного Владимира Ульянова, М.С. Шагинян перешла к описанию его мыслей о педагогическом опыте отца, посвятившего свою жизнь просвещению, о его переживаниях по поводу закрытия школ в деревнях и спускающейся мгле безграмотности для детей бедных слоев населения; об изменении общества, об Александре, о том, что нужно идти другим путем в этом изменении, не тем, по которому намеревался идти старший брат. Хотя и путь отца, путь мирной культурной борьбы оказывался таким же тупиковым, как и путь индивидуального террора Александра. «Нет, не этими путями можно добиться человеческой жизни для народа!».

В книге «Билет по истории» М.С. Шагинян дает нам возможность представить, какая сила выдержки была проявлена на экзамене по истории. И как все же прорвалась эта выдержка молодого Ильича на казанской студенческой сходке, зафиксированная в сухом полицейском протоколе, в котором прописаны даже такие детали, как он «мчался в исступлении по университетским коридорам, красный лицом, размахивая руками... Именно там Гений революции опьяняюще коснулся его, как только студент Владимир Ульянов почувствовал себя в закипевшей огнем, взволнованной человеческой массе».

М.С. Шагинян образно и мастерски раскрывает путь становления личности Владимира Ульянова в юные годы. Перед нами путь человека, стремящегося познать и осмыслить глубокие знания, связать их с жизненными проблемами народа и устройством государственного управления, его отношением к трудовому народу.

И, как бы не спорили в научных кругах о теоретическом и практическом наследии В.И. Ленина, сколько бы не пытались подвергнуть сомнениям путь, пройденный народом под знаменем строительства более справедливого общества, к которому вели идеи Ильича, но неоспоримым является факт роли личности в истории... Личности, которая начала свое становление в кругу любящей семьи и сложных жизненных событиях, происходящих в окружающем мире, наблюдая, познавая, проникая в суть причинно-следственных связей и активно проявляя себя, неустанно работая над собой.

«Историю пишут гении, если с ними вместе идут народы», – констатировала Мариэтта Сергеевна Шагинян, автор книги «Билет по истории».

Литература

1. *Шагинян М.С.* Рождение сына. Роман-хроника. (Электронная библиотека. <http://royallib.ru>)

2. *Шагинян М.С.* Билет по истории. (Электронная библиотека. <http://royallib.ru>)

Е. Климова

ПОВЕСТЬ «ПЕРЕМЕНА» М.С. ШАГИНЯН КАК ОСМЫСЛЕНИЕ СОБЫТИЙ 1917-1919-х ГОДОВ В ДОНСКОМ КРАЕ

Осмысление художественного творчества автора в условиях изменяющейся среды актуально в настоящее время. Все чаще произведения советской литературы становятся предметом изучения отечественной литературной науки. Имя Мариэтты Сергеевны Шагинян незаслуженно забыто не только современным поколением, не знакомившимся с ее работами в рамках школьной программы, но и многими литературоведами и историками. Между тем, ее писательский век насчитывает более 70 лет очень активного и плодотворного творческого труда.

Создание исторического портрета М.С. Шагинян, определение ее роли в советской литературе будет способствовать решению проблемы формирования объективной оценки творчества писателя. Чтобы решить эту задачу, необходимо изучить все возможные материалы по данному вопросу, познакомиться с различными взглядами исследователей и, опираясь на конкретные художественные произведения М.С. Шагинян, сделать определенные выводы.

Мариэтта Сергеевна Шагинян – одна из известных писательниц XX столетия. В советское время была более известна как писательница, нежели поэтесса. Ее произведения входили в школьную программу уроков литературы. Самыми известными ее произведениями представляются поэтический сборник «Orientalia» (1913 г.),

принесший ей известность, «Перемена» (1923 г.), «Приключения дамы из общества. Маленький роман» (1924 г.), «Гидроцентраль» (1931 г.), «Путешествие по Советской Армении» (1950 г.), тетралогия «Семья Ульяновых» (1938-1970 гг.)

Особого внимания в этом списке заслуживает повесть «Перемена», отражающая исторические события на Дону времен революции и Гражданской войны в России. Оценка повести сегодня далеко не однозначна, даже противоречива.

«Настоящее искусство всегда меняет жизнь к лучшему, становясь своеобразным посредником между обществом и государством, отражая истинные жизненные ценности своих героев. И если через десять лет после написания повести «Перемена» условия жизни изменились лишь в худшую сторону, это, во-первых, означает, что данное произведение не является литературой, а представляет собой обычную графоманию» [1]. Так представляет повесть М.С. Шагинян Е. Делюхова, автор статьи «Свидетель времени: Мариэтта Шагинян». На мой взгляд, проблему влияния литературы на реальную жизнь Е. Делюхова дает упрощенно Вряд ли можно признавать корректными ее слова «...не создав ни одного художественного образа, в которых бы современники черпали веру в жизнь, а потому бы увидели правдивый отпечаток своего времени – получает массу государственных наград» [2], не прочитав само произведение. А высказывание Максима Горького после выхода в свет повести «Перемена» в письме Вениамину Каверину («За ее роман «Перемена» ей следовало бы скушать бутерброд с английскими булавками» [2]) должно больше убедить думающего читателя обратиться к первоисточнику.

В период с 1917 г. по 1920 г. М.С. Шагинян был накоплен опыт для создания трилогии, состоящей из повестей «Перемена», «Приключения дамы из общества» и рассказа «Агитвагон». Эти произведения написаны в один период и связаны идейно и тематически. Повесть «Перемена» была начата в 1922 году.

На страницах своего дневника Мариэтта Сергеевна писала об увлеченной работе над повестью: «Сегодня с утра, ничего не видя и не слыша, засела за «Перемену» и бросила писать только поздно вечером...Вещь эта формируется так радостно, так легко» [3]. «Перемена» – является одной из первых книг советской литературы,

рассказывающей о крушении старого социального мира. В повести рассказывается о гражданской войне на Дону человеком, явившемся свидетелем событий, которые изменили мир.

Цель автора заключалась в том, чтобы правдиво изобразить все случившееся на Юге России в 1917–1922 годах. Читателю, привыкшему к эстетской художественности, трудно будет оценить повесть «Перемена» с этой позиции. Ценность этой книги, прежде всего, заключаются в ее актуальности. При этом идеологический подход и верность революционным идеалам М.С. Шагинян не мешают читателю сформировать свое восприятие содержания текста, которое, в свою очередь, будет служить дополнением к авторскому восприятию и поможет найти ту самую истинную золотую середину.

Автор исследует судьбы целых социальных групп старого общества в период, когда произошел раскол его на два лагеря – консервативный и революционный. В своей повести она отслеживает развитие героев, изменение их позиций и отношения к происходящим историческим событиям.

Февральская революция 1917 года явилась совершенно неожиданным событием для южной провинции. В размеренную жизнь с игрой в карты и сытным ужином по вечерам ворвался революционный ветер, чужой и непонятный обывателю.

«Отсюда не историческое..., а чисто локальное, местное запечатление всего пережитого. Но чтоб яснее представить себе эту «локальность», читатель должен видеть кусок степной России...» [4], о которой М. Шагинян ведет речь. Смена власти, радость, поздравления, митинги, ожидание погромов, идейный спор, классовая борьба – вот, что оказывается в центре внимания автора. «В этих записках нет ни одного выдуманного слова, ни одной не пережитой сцены. Кое-где я только изменила имена и сдвинула пространство» [4].

Выступая как летописец, Мариэтта Сергеевна умело вплетает в ткань повествования сатиру и романтику. Все события и герои в них представляются сатирически, если сопротивляются переменам, столь необходимым в борьбе за мир свободного и созидającego труда. И, наоборот, романтическим пафосом пронизаны строки по-

вести, посвященные осмыслению целей Революции: человек не принадлежит больше хозяину, человек – сам хозяин своей судьбы.

Именно так, свидетельствуя, М.С. Шагинян дает теоретическое осмысление возникающим в процессе революционных событий идейных и творческих проблем, характерных для того времени. Кроме того, она внимательно изучала сложность становления новой литературы, вела споры с современниками по поводу соотношения новых форм и содержания в литературе, потому что современный человек не только читатель, но соучастник событий.

Литература

1. Дедюхова Е. Нравственные критерии анализа. [Электронный ресурс] // <https://ogurcova-portal.com/nravstvennyie-kriterii-analiza/>

2. Дедюхова Е. Свидетель времени: Мариэтта Шагинян. Литературное обозрение. [Электронный ресурс] // <https://litobozrenie.com/2016/05/svidetel-vremeni-marie-tta-shaginyan/>

3. Шагинян М.С. Автобиография. 1954 г. // Л. Скорино Мариэтта Шагинян – художник. М., 1981.

4. Шагинян М.С. Перемена. [Электронный ресурс] // <https://libking.ru/books/prose-/prose-su-ciassics/219482-marietta-shaginyan-peremena.htm/>

К. Халунина

«ТИХИЙ ДОН» В ВИХРЕ МЯТЕЖНОГО XX ВЕКА

Согласны ли Вы с высказыванием Михаила Васильевича Ломоносова: «Народ, не знающий своего прошлого, не имеет будущего»? А может быть слова американского философа и поэта Джорджа Сантаяны кажутся вам более точными: «Тот, кто не помнит своего прошлого, обречен на то, чтобы пережить его вновь»? Два совершенно разных человека, рожденных на разных континентах и с разницей более чем в 100 лет, приходят к одному и тому же выводу. Случайно ли это или же все спланировано самим ходом истории?

Изучение событий прошлого необходимо как для понимания мира, так и самого себя, как части этого мира. Чем дальше от нас во времени произошедшие события, тем более далекими они стано-

ваться и тем труднее понимать мотивы и поступки людей, которые в них участвовали. Однако именно эти события и люди заложили основу мира, в котором мы живем сегодня, сделали его таким, каков он есть. И если мы действительно хотим понять настоящее, мы должны сначала разобраться в прошлом. Это позволит нам получить представление о том, как развивалось общество, как менялось поведение людей, как менялись их убеждения и ценности. Прошлое также помогает нам понять первопричины произошедших событий и ситуаций, сюда входят политические, социальные, экономические и иные условия того времени.

Исторические данные: записи, фотографии, карты и другие документы, несомненно, очень важны для понимания исторических событий и поступков людей. Они позволяют узнать из первых рук о том, что происходило, и открыть для себя мысли и переживания непосредственных участников событий, узнать о ценностях и убеждениях, которыми они руководствовались, и лучше понять время, в которое они жили.

Но не только исторические документы и памятники старины помогают нам в осмыслении прошлого, огромную роль играют и произведения художественной литературы. Они являются своеобразным голосом истории, который раскрывает особенности развития общества. Важные для истории события, социальные и духовно-нравственные проблемы общества всегда оказывают влияние на художественную литературу, в ней находят отражение проблемы человека как представителя определенного слоя общества, его повседневной жизни, самосознания. Литература отражает взгляд автора на окружающую его действительность, она является источником уникальной информации, которая может помочь понять, в каких условиях развивались исторические события и явления, узнать реакцию на них современников.

Очевидно, что мы сегодня живем в совершенно особенное время. Мир быстро меняется, все больше усложняется. Люди постоянно чем-то озабочены, отвлечены, разобщены. И все это пробуждает потребность в осмыслении и поиске подлинных ценностей, являющихся смыслом жизни каждого из нас. Вопросы целей и смыслов, духовных ценностей выходят на первый план. И здесь очень легко провести параллель с не таким уж и далеким прошлым.

XX век был также удивителен и прекрасен – век убийца и творец. Это была эпоха ломки старого и зарождения нового мира. Так же как и сейчас мир стремительно менялся, и люди менялись вместе с ним. Все это нашло свое отражение в творчестве писателей и поэтов, ведь жизнь и творчество писателя неотделимы от жизни страны, в которой он живет.

Бурные события мятежного XX века, Великая Октябрьская социалистическая революция, Гражданская война, эпоха строительства социализма, Великая Отечественная война, восстановление и развития страны в сложные послевоенные годы – эти важнейшие этапы развития нашего государства и то, как они повлияли на жизнь нашего родного Донского края правдиво и глубоко показал в своем творчестве наш выдающийся земляк Михаил Александрович Шолохов.

Еще при жизни М.А. Шолохов стал классиком литературы. Его имя хорошо известно далеко за пределами страны. Совсем неслучайно «любимым писателем Советской земли» назвала Михаила Александровича и известная русская поэтесса и прозаик Мариэтта Сергеевна Шагинян, которая неоднократно встречалась с писателем на писательских съездах в Москве. Мариэтта Сергеевна очень высоко оценивала творчество М.А. Шолохова. В своей статье «Художник большой, настоящий» она отмечала, что творчество Шолохова глубоко пронизано «радостью жить человеку на земле, сердечной теплотой к человеческому бытию». По словам Мариэтты Сергеевны, потребность в человеческой любви, человеческой привязанности спасет душу героя, даст ему силы на подвиги и в этом есть «смысл жизни» [1].

И в самом деле, в своем творчестве М.А. Шолохов показал жизнь простых людей в ее движении со всеми ее радостями и горестями. В его произведениях соединилось общечеловеческое и классовое, историческое и современное, вечное и временное. Он не стремился угодить требованиям времени, ни под кого не подстраивался, он создавал нетленные произведения, в которых каждое будущее поколение находит что-то свое. С сыновней гордостью Михаил Александрович Шолохов говорил о своем народе: «Мой родной народ на своих исторических путях шел вперед не по торной дороге. Это были пути первооткрывателей, пионеров жизни. Я видел и вижу

свою задачу как писателя в том, чтобы всем, что написал и напишу, отдать поклон этому народу-труженику, народу-строителю, народу-герою, который ни на кого не нападал, но всегда умел с достоинством отстоять созданное им, отстоять свою свободу и честь, свое право строить себе будущее по собственному выбору» [2].

В своих первых произведениях «Лазорева степь» и «Донские рассказы» Михаил Александрович показал всю суровую и жестокую правду о Гражданской войне. Он правдиво настаивал, что классовая борьба приводит к смертельной вражде между родными людьми, разделяет семьи и встает непреодолимой стеной между лучшими друзьями, вынуждает людей убивать друг друга за кусок хлеба. Работая над своими первыми рассказами, М.А. Шолохов задумывался о написании более масштабного произведения о Донском крае, о жизни казачества в момент исторического перелома и начал работать над теперь уже всемирно известным романом "Тихий Дон". Роман-эпопея, который современники писателя признали лучшим и талантливым произведением в советской литературе. «Если вы захотите вдохнуть аромат вишневых садов в цвету, – писала М.С. Шагинян, – распахните первые страницы первого тома «Тихого Дона». Какая прелесть весенней природы ворвется к вам вместе с вишневым цветением в вашу душную городскую комнату!» [цит. по: 3].

Действительно, в своем замечательном романе М.А. Шолохов очень точно описал исторические события, происходящие на Дону. Но описал не просто общеизвестные исторические факты, но вплел в повествование судьбы людей. Все его произведение от начала и до конца выстроено вокруг жизни одной семьи. В центре всех событий мировой и русской истории стоит курень семьи Мелеховых. Ведь понятия «семья», «дом» всегда были первичны для казаков. И это еще раз подчеркивает, насколько важно для писателя было сохранить историческую правду. Начиная работать над романом, писатель собрал для него большой исторический материал. И в результате читателям была представлена картина жизни казачества в момент таких значительных и ярких событий истории, как Октябрьская революция и Гражданская война.

Все события показаны автором с того «ракурса», к которому редко прибегали в литературе – разрушение родственных связей, классовая ненависть, поиски себя и своего места в жизни.

В начале XX века происходит великий перелом в истории России. И казаки, безусловно, были вовлечены в те бурные события. На примере главного героя Григория Мелехова показана вся трагедия того времени. Люди были поставлены перед очень сложным выбором, потому что не знали, на чьей стороне правда. Они, как и Григорий, хотели простой мирной жизни – работать на земле, жить в собственном доме, иметь семью. Через историю поиска своего места в стремительно меняющемся мире главным героем, писатель показывает, что такие метания свойственны практически всем людям, особенно в трудные смутные времена: «Перемены вершились на каждом лице, каждый по-своему вынашивал в себе и растил семена, посеянные войной» [4].

На фоне масштабных исторических изменений автор показывает нам простую человеческую жизнь с любовью, бытом, разочарованием, изменами, нравственностью и трагичностью. В романе переплетаются судьбы разных людей, с разными характерами, нравственными и моральными принципами. М.А. Шолохов показал своих героев в разных жизненных ситуациях, неоднократно затрагивал тему нравственного выбора для того, чтобы раскрыть характеры героев и показать их истинное лицо. Он проверял их на прочность и твердость духа, помогал им понять многие вещи и разобраться в себе. Но не каждый выбирает светлую и духовно нравственную сторону, судьба многих, как и семьи Мелеховых, весьма трагична. Неслучайно «Тихий Дон» считается романом-эпопеей, в его основу М.А. Шолохов вложил не какой-то один определенный момент жизни человека, а вписал в масштабные исторические события судьбы многих людей, переплетая их между собой.

Давно известно, что история развивается по спирали, повторяющиеся события происходят регулярно, меняются только время, место и участники.

Но это те же люди со своими ценностями и убеждениями, сильными и слабыми сторонами и то, что всегда сопровождает нас всю жизнь на любом ее этапе, это необходимость выбора, который мы должны делать сами.

И в этом смысле роман «Тихий Дон» всегда будет поразительно актуален и, особенно, в настоящее время. Потому что все те глобальные изменения, которые сейчас происходят, вынуждают нас делать выбор. Хочется, чтобы мои ровесники стремились разобрататься в прошлом, а нынешние события пропускали через призму критического мышления, как это делал Михаил Александрович и его современники. Чтобы так же, как Мариэтта Сергеевна Шагинян проявляли приверженность реализму и гуманизму, стремились поддержать и сохранить культурные ценности, при этом во всем искали пути к жизненно необходимым переменам и чувствовали ответственность за утверждение идеалов правды, справедливости, совести и красоты. Потому что в настоящее время именно наш выбор имеет решающее значение для формирования нашего будущего.

Литература

1. Правда, 24 мая 1980 г., № 145.
2. «Новое время» – информационный портал Багаевского района Ростовской области. Редакция газеты "Светлый путь". История Дона глазами М.А. Шолохова. <https://bagaevka-press.ru/istoriya-dona-glazami-m-a-sholohova/>
3. *Стопченко Н.И.* Путеводная звезда Мариэтты Шагинян // Культура и цивилизация. 2015. № 3.
4. *Шолохов М.А.* Тихий Дон. СПб.-М., 2017.

А. Беликова

ЧЕЛОВЕК И ВОЙНА: (литературное наследие В.Н. Семина)

Традиционные «Шагиняновские чтения», посвященные выдающемуся писателю, поэту и публицисту Мариэтте Сергеевне Шагинян (1888-1982), охватывают не только её творчество, но и творчество её талантливых современников, живших и творивших в XX веке. Изучение их литературного наследия помогает осмыслению нами прошедших исторических событий. Проблемы, отраженные в этих произведениях, актуальны и в современном обществе.

В этом году мы празднуем 78-ю годовщину победы в Великой Отечественной войне. Война оставила свой трагический след во всех семьях, нанесла роковые удары по судьбам многих людей: у кого-то родные погибли в боях, кто-то на себе испытал ужасы фашистских концлагерей, а кто-то был угнан на принудительные работы. Многие годы эта тема оставалась закрытой, а люди, принадлежавшие к данной категории, предпочитали скрывать прошлое.

Виталий Николаевич Семин (1927-1978) – наш земляк, ростовчанин. Его судьба напрямую связана с этой страницей истории нашего Отечества, с Великой Отечественной войной. Подростком Виталий Николаевич был угнан в Германию, познал войну по жесточайшей фашистской неволе. Его душевные раны, вся драма и боль, нанесенные войной, дали тот незабываемый материал, который благодаря его таланту вылился в замечательные литературные произведения [1].

С 1942 по 1944 годы нацистами осуществлялась насильственная отправка граждан с захваченных территорий на принудительные работы в Германию. После провала плана молниеносной войны немецким высшим руководством было дано указание по использованию «русской рабочей силы». Людей, вывезенных из Восточной Европы с целью использования в качестве бесплатной рабочей силы, называли «ostarbeiter» – остарбайтерами («восточными рабочими»). Остарбайтеры жили в специальных лагерях, обнесенных колючей проволокой и находящихся под охраной, были постоянной мишенью для проявлений жестокости и античеловечности. Остарбайтеры были обязаны носить на верхней одежде нашивку темно-голубого и белого цветов (размером 70x77 мм) с надписью «OST», которая сообщала немцам, что этот человек – работник с Востока, и понижала их в правах.

В основном, на работу в Германию вывозили молодых женщин и мужчин, отправляли и несовершеннолетних, каждый третий остарбайтер был подростком в возрасте от 12 до 14 лет, а к ноябрю 1943 года на работу в Германию стали угонять и 10-летних.

Точной статистики, сколько было угнано во время Великой Отечественной войны в Германию, не существует, примерно это более 5 миллионов человек. Известно, что после окончания войны были возвращены в Советский Союз – 3 миллиона 527 тысяч граждан-

ских лиц. Из них 20% (около 700 тысяч) – подростки и дети, наши ровесники [2].

В 1946 году на судебном процессе в Нюрнберге бывшие руководители гитлеровской Германии были обвинены во многих военных преступлениях, среди которых и увод гражданского населения оккупированных территорий в рабство. Превращение людей в рабов было признано преступлением.

Виталий Николаевич Семин родился 12 июня 1927 года в Ростове-на-Дону, в семье служащих. В 14 лет, он – семиклассник – пережил бомбежки и первую оккупацию Ростова. В 1942 г., во время второй оккупации, в числе 53 000 ростовчан от 1900 до 1927 годов рождения был угнан на работы в Германию.

На неокрепшие плечи подростка легли три года фашистской неволи, унижений, побоев, голода, тифа, непосильного каторжного труда. В этот период Виталий Семин работал на заводах в городах Фельберте и Лангенберге. Он на себе испытал ужасы рабской жизни в Третьем Рейхе. Виталию Семину повезло: отец нашел его в американской зоне оккупации и вывез из Германии. Домой, в Ростов-на-Дону, он вернулся в 1946 году.

После возвращения работал на заводе, учился в железнодорожном техникуме и одновременно в вечерней школе, затем поступил в Ростовский педагогический институт на литературный факультет. В соответствии с порядками, бытовавшими в СССР до 1960-х годов, Семину пришлось отвечать за то, что «был в Германии». Поступая в институт, он скрыл этот факт и за год до окончания пед-института его «разоблачили» и отчислили.

После отчисления Виталий Николаевич поехал на строительство Куйбышевской ГЭС (сегодня это Самарская область). Именно там, в Куйбышеве, и начал В.Н. Семин создавать свои повести-воспоминания. В 1956 году В.Н. Семин вернулся в Ростов. В 1957 году окончил Таганрогский педагогический институт. Три года работал учителем русского языка и литературы в школе Ремонтненского района. В 1958 году В.Н. Семин был принят в только что созданную газету «Вечерний Ростов», там были опубликованы первые рассказы и очерки. В 1963 году начал работать редактором литературных передач ростовского телевидения и радио. В 1964 г.

Виталий Николаевич был принят в члены Союза писателей СССР и с этого времени целиком посвятил себя литературному труду.

«Жизнь писателя – материал для его книг». Это утверждение Виталия Семина справедливо по отношению к нему самому. Того, что видел, испытал и начинал осмысливать в фашистских арбайтслегерях в 1942-1945 годах будущий писатель, хватило на всю последующую жизнь. Почти все произведения Виталия Семина автобиографичны, каждое слово – боль пережитого. Это действительно было, это реальность. «Пишу о том, что сам видел, выстрадал, знаю доподлинно».

В творчестве Виталия Семина, по его же словам, «есть только то, что он обязан был увидеть, записать и рассказать всем». Им был пережит леденящий ужас, когда подростком он был брошен судьбой на такие испытания, при которых другой бы не выжил. «В сущности, он писал одну книгу – исповедь собственной души», – говорил писатель Борис Можаяев [цит. по: 3].

Довоенный период и начало войны нашли отражение в его повести «Ласточка-Звездочка», она вышла в издательстве «Советский писатель» в 1963 году. Это книга о Сережке Рязанове – добром мальчишке с чистым сердцем и обостренным чувством справедливости. «Ласточка», «звездочка» – так ласково называла его мама. Накануне войны ему исполняется четырнадцать лет. Это книга о дружбе, верности, отваге, первых потерях и тяжелых испытаниях, выпавших на долю вчерашних ростовских мальчишек. Им предстоит пережить бомбежки, отступление наших войск, начало оккупации родного города, гибель близких людей. Когда родной город Сергея оказывается захваченным фашистами, он и его друг предпринимают попытку сбежать на фронт. Попытка не удается, ребята попадают в облаву и оказываются сосланными в трудовой лагерь в Германию [4]. Подросток становится свидетелем того, как война меняет облик города и изменяет людей. Повесть показывает нам, как наяву, атмосферу и события тех дней.

В 1976 году в журнале «Дружба народов» вышло главное произведение Семина – «Нагрудный знак OST», другое название – «763-й». Этот роман раскрыл мрачные бездны и каторжный труд фашистского арбайтслегеря. За годы работы над ним В.Н. Семин не раз переосмыслил те драматические события.

Он писал: «За тридцать лет, прошедшие после войны, я много раз пытался рассказать о своих главнейших жизненных переживаниях. Но только обжигался. А что можно рассказать криком! Мне потребовалось тридцать лет жизненного опыта, чтобы я сумел кое-что рассказать о своих главных жизненных переживаниях» [5].

14-летний подросток в романе «Нагрудный знак OST» оказывается в экстремальных физических и психологических условиях. Это тот же герой, что и в повести «Ласточка-звездочка». Война, отправка в Германию, фашистский застенок – он не может поверить в эту страшную реальность, смириться с ней.

Каждый день по пятнадцать часов дети, голодные, мерзнущие, вынуждены работать – ворочать тяжелую вагонетку с рудой. За ними следит ненавистный жестокий немец, который по малейшему поводу может обвинить в непослушании, и тогда их ждут не только жестокие побои, но и концлагерь. Вот как описывал В.Н. Семин голод: «Сейчас, через столько лет после войны, голод можно представить как сильное желание есть, как физическое недомогание. Однако голод – нечто другое. Он не только меняет дыхание, частоту пульса, вес и силу мышц, он обесцвечивает ощущения и сами мысли, не отступает и во сне, изменяет направление мыслей. И, может быть, самое страшное – меняет ваши представления о самом себе. И уж совсем особое дело – голодание многих людей, запертых в одном месте. Когда голод достигает степени истощения, у него появляется горячечный, карболовый, тифозный запах, которым невозможно дышать. У голода послабее пресный гриппозный запах, изменяющий вкус хлеба и табака» [5].

Со страниц романа на нас обрушиваются переживания героя: «Уборные были тем местом, где мальчишки плакали в одиночестве или курили вдвоем, строили планы побега и показывали друг другу фотокарточки. А цех в это время грохотал за стеной, сотрясал пол уборной, заставлял дребезжать стекла в ее окнах, и стены в этой дребезжащей, грохочущей, воняющей не только клозетом, но и цеховым дымом уборной были безысходными, саднящими, полными страшной ненависти, которая тоже отливалась в этом цеху» [5].

Сергей и его друг Валька отважились на побег. Ребят ловят, избивают и после нескольких дней тюрьмы, снова отправляют в тот же лагерь. После побега герой, будучи не в состоянии больше выно-

сильную травму, чтобы его признали негодным к работе.

Сергей прикладывает руку к раскаленной печи, получает сильнейший ожог, но его даже не допускают к врачу. На следующий день его до полусмерти избивает мастер в цеху, и лишь тогда его оставляют в бараке. В лагере начинается эпидемия тифа. Сергей попадает в тифозный барак. Здесь за больными ухаживает всеми любимая врач Софья Алексеевна. Она пытается подольше задерживать их в больнице, чтобы им не нужно было идти на работу. Однажды в барак врываются полицаи, обвиняют врача в саботаже, зверски избивают находящихся там людей и отправляют их всех обратно в лагерь. Сергей к тому времени доходит до той крайней степени истощения, когда человек совершенно не в состоянии выполнять тяжелую работу. Его вместе с партией таких же «кранков»-доходяг отправляют в другой лагерь, там работают на вальце-прокатной фабрике; голод еще сильнее – близится конец войны, лагерники то и дело по всяким признакам начинают понимать это.

Вот цитата из книги: «Не могу подавить надежду, что кто-то из немцев хоть в этот перерыв поделится хлебом. Это даже не надежда, а голодный спазм, с которым не совладать. Не дали ни разу. И сейчас, через много лет после войны, я испытываю страх и стыд: ведь все мы люди. Я долго не решался об этом написать... Мое лишенное белков, солей, витаминов, истерзанное усталостью тело не давало мне секундной передышки. Страдание переутомлением, голодом, страхом, лагерным отчаянием было так велико, что тело становилось сильнее меня. Только бы сесть, лечь, прижаться к теплу [5]». Однажды один немец, решивший поразвлечься, кладет на забор конфету. Автор говорит, что, когда она, поделенная на пятерых, была съедена, у детей был просто «шок, вкусовая трагедия». Как крайне истощенного, Сергея переводят на фабрику, здесь условия получше; он работает помощником кровельщика, у него появляется возможность потрясти грушу и наестся полугнилых плодов, но и здесь хозяин не дает этого сделать – испорченные груши от сгребает и уносит каждый день перед приходом мальчика. В новом лагере Сергей подружился с русским военнопленным Ванюшей, он помогает Ванюше красть немецкие пистолеты и проносить их в лагерь.

Явно чувствуется, что война подходит к концу. В лагере готовится восстание. Самое главное в течение последних недель перед победой – ожидание расстрела: ходили слухи, что немцы никого в живых не оставят. Именно на этот случай в лагере и накапливается оружие. Весной 1945 г. уже мало работают, очень много времени заключенные проводят в бомбоубежище – союзники бомбят Германию. Через несколько дней в лагерь приходят американцы. Описываются «сумасшедшие воскресные дни освобождения. Невидимый под солнцем огонь трещал на лагерном плацу, лагерники жгли вытащенные из бараков нары».

Главным в тех условиях оказалась необходимость выжить не только физически, но и нравственно. Писатель показывает, что только близкая память о доме, о материнской ласке, о заботе и тепле родных, о книгах противостоит жестокой реальности арбайтлагеря – унижениям, побоям, рабскому труду, деградации: «Минуя освещенные участки, торопился в уборную поплакать. Я шел пожалеть себя. Я и раньше для этого ходил в уборную, и, если слезы сразу не шли, я говорил себе: «Мама!» И заливался. Но с тех пор, как мы с Валькой бежали, я ни разу не плакал, и это тоже, наверно, страшно истощало меня. Мне надо было хоть от кого-нибудь услышать слово жалости, и я шел сказать его себе. Ему открывалось, что только безграничная добровольная доброта удержала его на таком краю, где, казалось, самой доброте и самоотверженности не на что опереться» [5].

Дальше В.Н. Семин пишет: «В детстве было просто. Ум – добр, злоба – глупа. Обидеть может дурак, защитит – умный. Очень быстро в уличном потоке выделяешь интеллигентные лица. Сама внешность немецких городов была интеллигентна. Интеллигентной внешностью обладали многие фабричные вещи. А все вместе жестокой петлей душило нас. Это был противоестественный ум – ум без доброты. И я ненавидел гладкий асфальт, ровный булыжник и чувствовал, что где-то в глубине подо всем этим лежит огромная, страшная, деятельная глупость...

Это была страна, в которой дураки взяли верх над умными, жестокие и жадные над добрыми. Это не сейчас, а тогда я так думал и чувствовал» [5].

Автор не только передает свои главные жизненные переживания, но и раздумывает о взаимосвязи человека с миром, о природе фашизма, о той почве, на которой он вырастает. Наблюдая немцев, герой вместе с писателем пытается понять, что происходит с людьми, как смог фашизм настолько кардинально изменить их сознание, усыпить душу. По мысли В.Н. Семина, зачатки фашизма существуют везде, где находят для себя питательную среду бактерии национализма, бездуховности, презрения к личности.

Память о нормальной человеческой жизни с ее обыкновенными радостями и печалям противостоит той извращенной жизни, которая каждодневно насилием внедрялась в сознание бесправных заключенных. Твердость духа, сила характера, любовь к родине, помогают герою преодолеть ужасающие испытания, выпавшие на его долю.

Талантливые произведения Виталия Николаевича Семина восстанавливают облик ушедшего исторического времени и человека той эпохи. В них живет память поколения, узнавшего «ступени ужасного». И преодолевшего их с верой в ясный ум, доброту и справедливость. Именно подобные произведения-исповеди призваны убедить сегодняшних людей от огромной ошибки погружения в бездну насилия, злобы и ненависти.

Виталий Семин часто любил повторять слова В. Гроссмана: «Долг писателя рассказать страшную правду, гражданский долг читателя узнать ее».

Виталий Николаевич Семин по отзывам знавших его людей очень хорошо был знаком с философией, для окружающих всегда был примером душевной чистоты и порядочности, доброты и отзывчивости. С восторгом отзывались о нем знаменитые советские поэты и писатели: Александр Твардовский, Алесь Адамович, Юрий Трифонов, Виктор Конецкий. Произведения В.Н. Семина переведены на английский, немецкий, болгарский, польский, румынский, венгерский, итальянский и другие языки.

В 1978 году по приглашению мюнхенского издательства, в котором был осуществлен перевод «Нагрудного знака OST», В.Н. Семин совершил поездку в Германию. Через три месяца, в мае 1978 года, в возрасте 50 лет, писатель скоропостижно скончался в Кры-

му, в Коктебеле, от разрыва сердца. Тяжелые жизненные испытания в какой-то мере объясняют и его раннюю смерть [6].

Исследование человеческих характеров, постановка важных философско-этических проблем, обращенных не только к сегодняшнему, но и к завтрашнему дню, утверждение высоких нравственных ценностей, подлинное мастерство – все это делает лучшие произведения В.Н. Семина частью отечественной культуры и имеет непреходящее значение. Вне зависимости от количества прошедших лет, преступления фашистского режима против мира и человеколюбия забыть нельзя. В нашей памяти навсегда останутся те, кто погиб, и кто выжил, не сломавшись и не потеряв в себе человека.

Литература

1. Виталий Семин в воспоминаниях, письмах и литературной критике / Составитель В.Н. Кононыхина-Семина. Ростов-на-Дону.
2. *Гладкова М.* Угнанное детство [электронный ресурс] // Оплот. Инфо [сайт]. URL: <http://www.oplot.info/comment/reply/32108>.
3. *Джичоева Е.* Преодоление. Очерк жизни и творчества Виталия Семина. Ростов-на-Дону, 1982.
4. *Семин В.Н.* «Ласточка-звездочка»: Повесть. Ростов-на-Дону, 2015.
5. *Семин В.Н.* «Нагрудный знак ОСТ» // Семьсот шестьдесят третий. М., 1976.
6. Фильм ростовской киностудии «Виталий Семин. Страницы жизни». 1990 г. Режиссер Н. Рогожин.

* * *

На школьной секции X Шагиняновских чтений в селе Чалтырь Мясниковского района Ростовской области творческой группой учащихся МБОУ СОШ № 16 хутора Недвиговка в составе Алины Анищенко, Юлии Ковтуновой (7 класс), Ярослава Шерешкова (9 класс); (руководитель – Елена Григорьевна Щербинина) был подготовлен и показан фильм "М.С. Шагинян и революция" с комментариями участников творческой группы, который с большим интересом был встречен участниками школьной секции.

НАШИ АВТОРЫ

Артеменко Виталий Валерьевич, учитель русского языка и литературы МБОУ СОШ № 13, х. Лениванан Мясниковского района Ростовской области.

Белов Анатолий Викторович, доктор философских наук, профессор Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону.

Василевич Наталья Александровна, научный сотрудник отдела «Музей русско-армянской дружбы» ГБУК РО «Ростовский областной музей краеведения», г. Ростов-на-Дону.

Журавлева Мария Евгеньевна, академик Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры, г. Москва.

Зулумян Бурастан Сергеевна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник ИМЛИ РАН им. А.М. Горького, г. Москва.

Калашиникова Светлана Михайловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории мировой литературы ИФЖИМКК ЮФУ, г. Ростов-на-Дону.

Кибалова Галина Александровна, учитель истории и обществознания МБОУ СОШ № 80, г. Ростов-на-Дону.

Ким Мария Николаевна, член Союза журналистов России, редактор газеты «Кобзар-на-Дону», г. Ростов-на-Дону.

Кулиашвили Д., студентка Донского государственного технического университета, г. Ростов-на-Дону.

Куликова Галина Николаевна, директор Ростовского областного музея краеведения, член Президиума Союза музеев России, заслуженный работник культуры Российской Федерации», г. Ростов-на-Дону.

Матвеев Герман Аронович, кандидат исторических наук, председатель Оргкомитета Шагиняновских чтений, г. Ростов-на-Дону.

Мещерякова Наталья Алексеевна, кандидат искусствоведения РГК им. С.В. Рахманинова, г. Ростов-на-Дону.

Осипова Татьяна Осиповна, кандидат филологических наук, доцент Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону.

Попова Антонина Анатольевна, член Союза писателей России, МБУК РГ ЦБС, филиал № 14 библиотеки им. А.В. Калинина, г. Ростов-на-Дону.

Паламарчук Евгений Александрович, доктор исторических наук, доцент Ростовского Института (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Ростов-на-Дону.

Савчук Инна Васильевна, историк, краевед, член Российского военно-исторического общества, г. Старая Русса Новгородской области.

Самарина Наталья Васильевна, кандидат исторических наук, доцент, г. Ростов-на-Дону.

Саядов Сергей Михайлович, кандидат исторических наук, исполнительный директор РРОО "Нахичеванская-на-Дону армянская община", г. Ростов-на-Дону.

Симаконова Виктория, студентка Донского государственного технического университета, г. Ростов-на-Дону.

Симавонян Александра Георгиевна – учитель армянского языка, руководитель музея МБОУ «Гимназия № 14», г. Ростов-на-Дону.

Соколова Маргарита Юрьевна, заведующая отделом «Музей русско-армянской дружбы» ГБУК РО «Ростовский областной музей краеведения», г. Ростов-на-Дону.

Тикиджьян Руслан Геннадьевич, кандидат исторических наук, доцент Донского государственного технического университета, г. Ростов-на-Дону.

Шолохова Татьяна Анатольевна, начальник отдела РР филиала АО «Россельхозбанк», внучка писателя Г.Ф. Шолохова-Синяевского, г. Ростов-на-Дону.

Щербинина Елена Григорьевна, учитель МБОУ СОШ № 16, х. Недвиговка, Мясниковского района Ростовской области.

Цатрян Виктория Ашотовна, магистрант ЮФУ, г. Ростов-на-Дону.

ШКОЛЬНАЯ СЕКЦИЯ

Анищенко Алина, ученица 7 класса МБОУ СОШ № 16, х. Недвиговка Ростовской области (руководитель – Е.Г. Щербинина)

Беликова Александра, ученица 10 класса МБОУ СОШ № 80 им. Героя Советского Союза Рихарда Зорге (руководитель – Г.А. Кибалова), г. Ростов-на-Дону.

Климова Екатерина, ученица 7 класса МБОУ «Лицей № 13» (руководитель – А.Н. Соловьев), г. Ростов-на-Дону.

Ковтунова Юлия, ученица 7 класса МБОУ СОШ № 16, х. Недвиговка Ростовской области (руководитель – Е.Г. Щербинина).

Рыбченко Екатерина, ученица 10 класса МБОУ СОШ № 80 им. Героя Советского Союза Рихарда Зорге (руководитель – Г.А. Кибалова), г. Ростов-на-Дону.

Савостин Ярослав, ученик 9 класса Большелоговской СОШ Аксайского района Ростовской области (руководитель – профессор А.В. Белов).

Халунина Ксения, ученица 10 класса МБОУ СОШ № 80 им. Героя Советского Союза Рихарда Зорге (руководитель – Г.А. Кибалова), г. Ростов-на-Дону.

Шерешков Ярослав, ученик 9 класса МБОУ СОШ № 16, х. Недвиговка Ростовской области (руководитель – Е.Г. Щербинина).

СОДЕРЖАНИЕ

Приветствия

- Куликова Г.Н.*, директор Ростовского областного музея краеведения, член Президиума Союза музеев России, заслуженный работник культуры Российской Федерации 3
- Саядов С.М.*, кандидат исторических наук, исполнительный директор РРОО "Нахичеванская-на-Дону армянская община" 4

Пленарное заседание

- Матвеев Г.А.* Шагиняновские чтения: десять лет работы, исследовательские итоги и перспективы 5
- Соколова М.Ю.* Отражение жизни и творчества М.С. Шагинян в собрании ГБУК РО «Ростовский областной музей краеведения» 16
- Белов А.В.* М.С. Шагинян о диалектике В.И. Ленина 21
- Паламарчук Е.А.* Советская эпоха глазами Мариэтты Сергеевны Шагинян 29
- Зулумян Б.С.* (г. Москва) Роман «Своя судьба» Мариэтты Шагинян 37
- Самарина Н.В.* М.С. Шагинян – литературно-художественный критик эпохи «Серебряного века»: коллекция публикаций в газете «Приазовский край» (1911-1914) 45
- Савчук И.В.* (г. Старая Русса) «Серебряный век» – особенности творческого общения М.С. Шагинян и С.В. Рахманинова 57
- Мещерякова Н.А.* Мариэтта Шагинян – Валерий Брюсов – Сергей Рахманинов: загадка «Крысолова» 62
- Тикиджьян Р.Г., Кулиашвили Д.Т.* На перекрестках поэзии «Серебряного века»: М.С. Шагинян и И.В. Северянин (И.В. Лотарев) 69
- Симавонова В.Д.* Влияние символизма на творчество Мариэтты Шагинян 76
- Калашишникова С.М.* Образ круга в лирике Ф. Сологуба (К вопросу о диалоге культур в эстетике «Серебряного века») 81
- Цатрян В.А.* Образ круга в поэзии В. Терьяна 85
- Артеменко В.В.* М. Лохвицкая, М. Шагинян, М. Цветаева: поэтические отголоски и литературно-критический дискурс 89
- Щербинина Е.Г.* Революция в жизни Мариэтты Шагинян 97
- Ким М.Н.* М.С. Шагинян – журналист и публицист 101

<i>Осипова Т.О.</i> «Тихий Дон» на драматической сцене: к вопросу об инсценировке	109
<i>Василевич Н.А.</i> Образ ростово-нахичеванской межи на страницах печатных изданий и в воспоминаниях современников (1870-е – начале XX в.)	114
<i>Шолохова Т.А.</i> Ростовцы, нахичеванцы и ростовчане в творчестве Г.Ф. Шолохова-Синявского	122
<i>Попова А.А.</i> Наследие Николая Щуклина (к 100-летию Ростовской писательской организации)	134
<i>Журавлева М.Е.</i> (г. Москва) А.М. Листопадов в воспоминаниях донских писателей (к 150-летию со дня рождения фольклориста, этнографа и музыковеда Александра Михайловича Листопадова)	141
<i>Кибалова Г.А.</i> Искусствовед Ю.Л. Рудницкая, – современница М.С. Шагинян: ее вклад в развитие изобразительного искусства	150
<i>Шолохова Т.А.</i> Фотографии на стене или встречи с А.И. Бусыгиным	153
<i>Симавонян А.Г.</i> Актуальность патриотического воспитания школьников	157

Школьная секция

<i>Рыбченко Е.</i> О культурном наследии Мариэтты Сергеевны Шагинян (по материалам ее произведений)	165
<i>Савостин Я.</i> М.С. Шагинян о становлении личности Владимира Ульянова в юношеские годы	169
<i>Климова Е.</i> Повесть «Перемена» М.С. Шагинян как осмысление событий 1917-1919-х годов в Донском крае	176
<i>Халунина К.</i> «Тихий дон» в вихре мятежного XX века	179
<i>Беликова А.</i> Человек и война: (литературное наследие В.Н. Семина)	184
<i>Анищенко А., Ковтунова Ю., Шерешков Я.</i> «М.С. Шагинян и революция» (фильм)	192
НАШИ АВТОРЫ	195

Научное издание

**ТВОРЧЕСТВО М.С. ШАГИНЯН
И ЕЕ СОВРЕМЕННОКОВ: АКТУАЛЬНЫЙ ВЗГЛЯД**

**Материалы
X Шагиняновских чтений –
научно-практической конференции**

Ростов-на-Дону – с. Чалтырь Ростовской области,
7–8, 14 апреля 2023 года

Ответственные за выпуск – *Г.А. Матвеев, М.Ю. Соколова*

Литературная редакция, компьютерная верстка и
оригинал-макет – *А.В. Белов*

Подписано в печать 04.10.2023 г.
Бумага офсетная. Формат 60×84 ¹/₁₆. Тираж 100 экз.
Усл. печ. лист. 11,57. Уч.-изд. л. 9,9. Заказ № 9174.

Отпечатано в отделе полиграфической, корпоративной и сувенирной продукции
Издательско-полиграфического комплекса КИБИ МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ.
344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, тел (863) 243-41-66.